

БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ!

КОМАНДОС

СПЕЦНАЗ ПРОТИВ ТЕРРОРА

Михаил Бортников

Annotation

На рубеже 60-70-х годов прошлого века мы не заметили, как переступили порог и оказались в ином мире. Море, где правит бал терроризм.

Увы, но мир отказывался верить, что терроризм — беда вселенского масштаба, для которой не существует ни границ, ни стран, ни континентов.

Первым, кто встал на пути террора, был спецназ. Только профессионалы сил специального назначения могли противостоять жестокому и кровавому врагу.

В книге военного писателя Михаила Болтунова рассказывается о выдающихся операциях спецназа против сил террора, об их великих победах и горьких поражениях.

-
- [Михаил Болтунов](#)
 - [ВОЙНА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРАТЬ](#)
 - [ГОД 1967. ОПЕРАЦИЯ «ПОДАРОК»](#)
 - [ГОД 1970. КОНЕЦ ВОЗДУШНОГО ПИРАТА](#)
 - [ГОД 1972. ВЕТЕР НЕНАВИСТИ НА ОЛИМПИАДЕ-72](#)
 - [ГОД 1974. СНАЙПЕРСКАЯ АТАКА КРИСТИАНА ПРУТО](#)
 - [ГОД 1976. «УДАР МОЛНИИ»](#)
 - [ГОД 1977. ПОЕЗД ЗАЛОЖНИКОВ](#)
 - [ГОД 1977. «МАГИЧЕСКИЙ ОГОНЬ»](#)
 - [ГОД 1979. ПОСЛАННИКИ ДЬЯВОЛА](#)
 - [ГОД 1979 — 1980. ОРЛИНЫЙ КОГОТЬ](#)
 - [ГОД 1980. «ЭТОТ ШТУРМ ВСЕЛЯЕТ ГОРДОСТЬ...»](#)
 - [ГОД 1981. САРАПУЛ. ПЕРВЫЙ ШАГ](#)
 - [ГОД 1983. «САМОЛЕТ ЗАХВАЧЕН ! КУРС НА ТУРЦИЮ!»](#)
 - [ГОД 1985. БОЙНЯ НА МАЛЫЕ](#)
 - [ГОД 1986. ТЕРРОРИСТЫ ИЗ МВД](#)
 - [ГОД 1987. ЛОВУШКА В ЛОНГХОЛЛЕ](#)
 - [ГОД 1988. «ПРЯНИКИ» ДЛЯ ЯКШИЯНЦА](#)
 - [ГОД 1988. ШТУРМ НА АЭРОДРОМЕ ВЕЩЕВО](#)
 - [ГОД 1989. ПОСТРАДАВШИХ НЕ БЫЛО](#)
 - [ГОД 1990. «ВЗБЕСИВШИЙСЯ» ИЗОЛЯТОР](#)
 - [ГОД 1992. ПРОВАЛ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ](#)
 - [ГОД 1994. БОЙ В МАРСЕЛЕ](#)

- [ГОД 1995. БАСАЕВ ЕЩЕ НА СВОБОДЕ](#)
 -
 - [«АТАКА ЗАХЛЕБНУЛАСЬ»](#)
 - [КАК ОТПУСТИЛИ ТЕРРОРИСТОВ](#)
 - [ГОД 1995. СПЕЦОПЕРАЦИЯ У ВОРОТ КРЕМЛЯ](#)
 - [ГОД 1996. КОРМИ СОЛДАТА ТЫСЯЧУ ДНЕЙ...](#)
 - [ГОД 1996. ПЕРУ: 126 ДНЕЙ ПРОТИВОСТОЯНИЯ](#)
 - [ГОД 2001. ЗЛОПОЛУЧНЫЙ РЕЙС СТАМБУЛ — МЕДИНА](#)
 - [ГОД 2002. КОНЕЦ БАНДЫ МОВСАРА БАРАЕВА](#)
-

Михаил Болтунов

Спецназ против террора

***Выдающиеся операции спецподразделений
мира***

ВОЙНА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРАТЬ

Сегодня мир осознал две непреложные истины: терроризм нельзя победить, но и проиграть в этой войне невозможно. Это первая истина.

Вторая заключается в том, что борьбу с террором должны вести профессионалы. Высококласные профессионалы. Ибо террористы давно уже не любители. Их изощренный ум поставил себе на службу лучшие достижения науки, техники, военного дела, психологии.

Пожалуй, самой яркой иллюстрацией этой мысли может стать пример терроризма на воздушном транспорте.

В XX веке произошло много невиданных доселе событий — изобретение атомной бомбы и даже боевое испытание ее на людях, полет человека в космос и высадка его на Луну... События эти можно перечислять долго, но вот одно из них, поистине величайшее, осталось незамеченным. Наверное, случилось это потому, что произошло не в одночасье, как, например, полет Юрия Гагарина, а постепенно, в течение первого послевоенного десятилетия. Речь идет о соревновании гражданской авиации и морского пассажирского флота.

Еще в 1938 году обладателем символической «Голубой ленты», которая присуждалась самому быстрому океанскому лайнеру, стал английский пароход «Куин Мери».

Мне рассказывал наш военный разведчик, как в 50-е годы он плыл в США на этом прекрасном лайнере. После страшной, разрушительной войны, когда полстраны лежало в руинах, полуголодные люди жили в землянках и подвалах, комфортабельные каюты, палубы, рестораны, кинозалы «Куин Мери» показались ему раем.

Здесь было все, чтобы почувствовать себя счастливым. Казалось, уровень комфорта столь высок, что «плавающим дворцам» уготована долгая, успешная судьба.

И действительно, уже после войны в 1952 году «Голубую ленту» у «Куин Мери» отобрал еще более современный и фешенебельный американский лайнер «Юнайтед Стейтс». Он преодолел путь между Старым и Новым Светом за 3 суток, 10 часов и 40 минут, побив рекорд скорости «Куин Мери».

И тем не менее у «океанских дворцов» появился конкурент. Пока его

никто не брал в расчет. И вправду, на пассажирских поршневых самолетах не было ровным счетом ничего от комфорта суперлайнеров. Только в одном они превосходили гигантские пароходы — в скорости. И это стало решающим.

Уже в 1957 году воздушный флот по объему пассажирских перевозок догнал флот океанский — перевез 1 млн. человек. Дальше он только наращивал свое преимущество.

Окончательную победу в этом соревновании помогли одержать реактивные пассажирские самолеты. В 1952 году английские «Кометы» уже летали в Индию, а с 1958-го «Боинги» и «Дугласы» совершали регулярные перелеты из Северной Америки в Европу. Такой трансатлантический перелет занимал всего десять часов.

В 1968 году произошло два события, которые, казалось бы, не имеют ничего общего между собой. Произошли они в разных странах. Одно в Великобритании, другое в Италии. Первое было сугубо мирным, грустным и сентиментальным. На вечную стоянку у причальной стенки встал старый, заслуженный океанский лайнер, гордость английского пассажирского флота — «Куин Элизабет». Пароход «Куин Мери» совершил этот же путь годом раньше.

Второе событие, хоть и закончилось бескровно, было чудовищно — группа вооруженных палестинцев захватила «Боинг-707» израильской авиакомпании «Эль Ал», который следовал по маршруту Тель-Авив — Рим, и угнала его в Алжир.

После приземления террористы выдвинули требования: обмен своих соратников, отбывающих наказание в тюрьмах, на пассажиров и экипаж самолета.

К счастью, вскоре заложники оказались на свободе. Как произошло освобождение — рассказ впереди, а сейчас обратим внимание на следующее обстоятельство. Закончил свой океанский путь символ эпохи пассажирского флота лайнер «Куин Элизабет». В права вступил победитель — воздушный флот с эскадрой самолетов — самым мобильным, маневренным, быстрым видом современного транспорта. И тут же на борту одного из этих воздушных лайнеров — символов новой эпохи — оказались террористы. Они захватили воздушный корабль, подчинили его себе, подвергнув смертельной опасности жизнь десятков ни в чем не повинных людей.

Это ли не доказательство того, что террористическая мысль постоянно находится на острие научного поиска? А результаты поиска незамедлительно ставятся на службу терроризму. И в этом вся трагедия и

сложность борьбы с современным террором.

Как только пассажирский самолет утвердился в качестве суперсовременного средства передвижения, он тут же стал жертвой и одновременно оружием терроризма.

А что же человечество? Увы, оно далеко не сразу поняло опасность «чумы XX века», особенно на воздушном транспорте.

Токийская конференция (1963 г .) хоть и дала определение акта незаконного захвата воздушного судна, но не предусмотрела никакого наказания для угонщиков самолетов. На конференции превалировала так называемая политическая составляющая. Участники считали, что основа подобных преступлений — коммунистический строй СССР и стран Восточной Европы, а угонщики — борцы за свободу, угнетенные тоталитаризмом.

Однако жизнь убедила в обратном. Самолеты захватывали по всему миру, в том числе и в демократических странах, таких как США, Япония, Франция.

Наконец, в 1970 году в Гааге была заключена Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Страны — участницы Гаагской конвенции решили, наконец, применять меры «уголовного преследования» преступников, совершивших захват.

Однако террористические акты, как известно, совершаются не только на воздушном транспорте. Бандиты захватывали наряду с самолетами посольства, корабли, поезда. В Ирландии они напали на полицейский участок, в Лондоне террористическому удару подверглись банковские кварталы, в России — жилые дома. Наконец, события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке доказывают, что террористы на этот раз использовали самолеты в качестве своеобразных управляемых ракет.

Да, ум террористов изощрен. Мы будем говорить о многих его проявлениях, но сейчас обратимся именно к авиационному терроризму. Не только для того, чтобы показать, как умело и искусно используют террористы новейшие технические достижения. Думаю, об этом достаточно сказано. Дело в другом. Именно в аэропортах, на летных полях началась схватка сил специального назначения с террористами.

Ведь пассажиры и экипаж того же «Боинга-707», захваченного в Афинах, были освобождены не просто так, по доброй воле террористов. Израильское правительство оказалось не готовым противостоять захвату. Не было опыта проведения подобных операций, отсутствовали обученные антитеррористические подразделения. Словом, правительство капитулировало.

И уже через несколько месяцев получило еще один удар. Это означало, что первый успех вдохновил террористов. В декабре того же года двое палестинцев открыли огонь по пассажирскому авиалайнеру, который выруливал на взлетную полосу. Погиб один и были ранены несколько пассажиров.

Чаша терпения Израиля переполнилась. Уже через два дня отряд израильских коммандос десантировался с вертолетов на аэродром в Бейруте. Операция заняла всего полчаса.

Израильтяне заминировали 14 самолетов арабских пассажирских авиалиний. Взорвались 13 самолетов. Одна мина не сработала.

Тогда события в Афинах и в Бейруте восприняли в мире как эскалацию длительного, двадцатилетнего конфликта между израильтянами и Палестиной.

Оказалось, это был поистине исторический момент, не замеченный современниками. Теперь, по прошествии десятилетий, то столкновение оценивается иначе. Как первый бой спецназа с террором. Пусть по сути проигранный бой. Ибо израильтяне не смогли противостоять захвату и только ответили ударом на удар.

Однако не забудем: они были первыми. Но их решимость, твердость позиции, жесткая, непримиримая тактика по отношению к террористам не могут не вызывать уважения.

Они ничего не прощают и ничего не забывают. Не так как Россия в эпоху Ельцина: не только прощала, отпускала кровавых чеченских террористов на все четыре стороны, но и принимала их в Кремле, вела переговоры.

Но вернемся к израильтянам. Тогда, на рубеже 60-х — 70-х годов мы и не заметили, как переступили порог и оказались в ином мире. Мире, где правит бал терроризм. Горький опыт Израиля, который в одиночку вступил в бой с террором, не стал уроком для других стран.

Помните, как на Токийской конференции все решили, что угон самолетов — забота «красных»: Советского Союза и его друзей. Теперь случилось примерно то же самое. События в Афинах и в Бейруте сочли за «внутренние» разборки евреев и палестинцев.

Мир отказывался верить, что терроризм — беда вселенского масштаба, для которой не существует ни границ, ни стран, ни континентов.

Такое уже было в истории человечества. Только помнит ли человечество свою историю?

В XI веке вождь ассасинов Хасан аль Саббах основал империю зла — террористическое государство. Это было государство новой, невиданной

формации. В нем не существовало единых границ, четко очерченной территории. Его владения были «чересполосными» — состояли из отдельных замков-крепостей.

Территорию государства аль Саббаха нельзя было захватить, народ покорить. Воины «гения зла» кочевали из крепости в крепость. Где аль Саббах, там и родина.

Нечто подобное случилось и теперь. Нет сомнения — терроризм стал другим, но «чума XX века» пала не только на головы «красных» или израильтян. В 1972 году на Олимпиаде в Мюнхене бойцы террористической группировки «Черный сентябрь» захватили в заложники спортсменов Израиля. Немецкие власти были в растерянности. Они впервые столкнулись со столь массовым захватом заложников. Договориться с террористами не удастся и полицейские идут на штурм. Результат — полный провал. Погибли одиннадцать юных атлетов.

Террористический акт на Олимпиаде 1972 года нанес сокрушительный удар по престижу Германии. Теперь кошмар Мюнхена преследовал руководителей многих стран. В подобной ситуации они оглядывались назад и... отступали перед террористами.

В 1973 году в Париже произойдет захват посольства Саудовской Аравии. Франция удовлетворяет требования террористов. В 1975 году семь вооруженных бандитов-молукцев нападут на поезд Амстердам — Бейлен и захватят его. Через два дня вторая группа террористов займет консульство Индонезии в Амстердаме. Голландские власти прибегнут к переговорам, несмотря на гибель двух заложников.

В том же году известный террорист Ильич Рамирес Санчес, более известный по кличке «Шакал», вместе со своими подельниками предпримет захват самолета израильской авиакомпании «Эль Ал» в парижском аэропорту Орли. Они убьют двух полицейских, захватят восемь пассажиров, включая женщину с ребенком, и забаррикадируются в туалете.

Долго шли переговоры и правительство, наконец, решило погрузить Карлоса и его бандитов с заложниками в самолет, летевший в Египет. Собственно, как и требовал Карлос. Жандармы во главе с лейтенантом Кристианом Пруто (он станет известен позже, после проведения операции по освобождению заложников в Джибути) готовы были уничтожить «Шакала». И можно с уверенностью сказать, уничтожили бы, когда террористы поднимались друг за другом по трапу на борт самолета... Но команды на открытие огня не прозвучало.

Правительство в очередной раз отступило.

Что же было потом? Карлос через несколько месяцев вернулся во Францию, разумеется, не с благими намерениями. При попытке ареста он убьет двух агентов спецслужб и сбежит. Вскоре появится в Вене. Возьмет в заложники участников конференции нефтедобывающих стран и с большим выкупом скроется в Ливии.

Через год с небольшим молукские террористы вновь овладеют поездом Ассен де Пунт в Северной Голландии и возьмут в заложники 51 человека.

Наконец, даже самым либеральным политикам станет ясно: мира у террористов не выпросишь. Это осознание будет ознаменовано созданием в своих странах специальных подразделений по борьбе с терроризмом.

Для борьбы с ирландскими террористами в составе 22-го полка английских САС сформируют группу, получившую название «крыло противодействия революционному экстремизму». К концу 1974 года антитеррористическая команда САС имела статус штатного подразделения, расквартированного в Херефорде со своим штабом, службами транспорта и связи. Командиры и бойцы получили свободу выбора любого оружия вне зависимости от его стоимости и страны производителя.

После провала в Мюнхене правительство Западной Германии создало специальное подразделение по борьбе с терроризмом, названное ГСГ-9. Первоначально оно насчитывало 50 человек и вошло в состав Федеральной пограничной полиции. Возглавил подразделение Ульрих Вегенер, который являлся экспертом по вопросам терроризма. Он поддерживал тесные контакты как с израильскими силами специальных операций, так и с английскими сасовцами.

В эти годы свое антитеррористическое подразделение создает и Франция: Группа вмешательства национальной жандармерии (ГИГН) — Groupe d'Intervention de Gendarmerie Nationale, (GIGN), численностью 200 человек, со штаб-квартирой в Версале.

В том же, 1974 году Председатель КГБ Юрий Андропов собственной рукой написал приказ № 1 о создании группы «А». Уровень секретности был таков, что этот приказ не отдали на перепечатку даже самым проверенным машинисткам КГБ.

Новая группа антитеррора входила в состав 7-го управления. Андропов знал: в Комитете госбезопасности найдется немало прекрасных оперативников, саперов, снайперов. Но этого было мало. С терроризмом нельзя бороться временными, наспех сколоченными подразделениями, считал Председатель КГБ. И оказался прав.

«Альфе» было сложнее, чем ее коллегам за рубежом. Бойцы советской

группы не могли съездить в Израиль, в Англию, в Германию перенять опыт борьбы с терроризмом. Приходилось рассчитывать только на себя.

В ту пору, когда Председатель КГБ Юрий Андропов подписал приказ № 1, ветеран частей специального назначения Чарльз Беквит ходил по кабинетам Пентагона и убеждал чиновников в необходимости создания спецподразделения антитеррора.

Пройдет еще три года, прежде чем Белый дом даст добро на формирование антитеррористического подразделения.

В конце 1977 года Беквиту выделили четыре миллиона долларов и помещения для бойцов специальной группы, получившей наименование «Дельта». Штаб-квартира ее размещалась в Форт Брагге, что в Северной Каролине. Сюда стремились самые честолюбивые американские солдаты.

Особое место в ряду подразделений специального назначения, разумеется, занимает израильская группа «Сайярет миткал» — старейшее и опытнейшее подразделение по борьбе с терроризмом. В Израиле стажировались бойцы британской САС и западногерманской ГСГ-9. Создатель ГСГ-9 Ульрих Вагенер удачно использовал опыт израильских спецназовцев при штурме в аэропорту Могадишо.

У «Сайярет миткал» своя история. Она отличается от европейских групп антитеррора. Ее никто не создавал с нуля, как это произошло, например, с ГСГ-9 или советской «Альфой». Условия были другие, военные. Она выросла из отряда «101», в сущности диверсионного подразделения, бойцы которого совершали рейды на территорию противника.

После того, как «101-й» перестал существовать, в 1958 году было создано спецподразделение «269», костяком которого стали бойцы расформированного отряда.

И вновь диверсионные рейды. В ту пору подготовка бойцов израильского спецназа оставляла желать лучшего. Иногда разведгруппы проваливались, гибли. И только в 1962 году, после нескольких успешно проведенных операций, спецподразделение заняло подобающее ему место. Оно было переименовано в «Сайярет миткал».

В 1972 году, когда европейские группы антитеррора еще не были созданы, «Сайярет миткал» успешно освободила самолет «Боинг-707» бельгийской авиакомпании «Сабенна», захваченный палестинскими террористами из организации «Черный сентябрь».

Разумеется, большинство развитых стран имеют сегодня свои подразделения специального назначения по борьбе с терроризмом. Однако они менее известны или неизвестны совсем, поскольку на территориях их

стран, к счастью, не происходили террористические акты.

Мне, как автору, хотелось бы рассмотреть конкретные террористические проявления и операции сил антитеррора. Ибо все эти события наполнены драматизмом, напряжением сил противостоящих сторон, изощренностью террористической мысли, опытом и мужеством бойцов антитеррора.

Надеюсь, это будет интересно и моим читателям.

ГОД 1967. ОПЕРАЦИЯ «ПОДАРОК»

60-е годы прошлого века. Отношения между Израилем и арабскими государствами ухудшаются.

Египет и Иордания поддерживают боевиков ООП. В конце 1966 года усиливаются вооруженные стычки на границе Израиля с Иорданией и Сирией.

Весной 1967 года после артиллерийской дуэли в воздух подняты израильские и сирийские самолеты. Результаты боя — 6 сбитых сирийских истребителей.

В том же году президент Египта Насер отдает приказ о блокаде Тиранского пролива. Израиль лишен выхода в Красное море.

Арабский мир объединился для борьбы с еврейским государством. Казалось, Израилю конец, ему не выстоять против общего, сильного врага.

Но все обстояло иначе. 5 июня 1967 года первым же ударом израильская авиация уничтожила египетские ВВС и завоевала господство в воздухе. Сухопутные силы начали наступление на Синайском полуострове. Через три дня израильские подразделения прорвались в глубь полуострова, окружили отступающие египетские войска и вышли к Суэцкому каналу.

К исходу 7 июня были разгромлены иорданские войска на северо-западе страны.

9 июня нанесен удар по сирийским частям в направлении Дамаска. На следующий день израильские войска уже продвинулись на 35 километров в глубь территории Сирии.

Итоги шестидневной войны, молниеносный разгром армии Египта, Иордании и Сирии повергли в шок мировое сообщество. Были оккупированы Голанские высоты, западный берег реки Иордан, сектор Газа и Синайский полуостров.

Израиль ликовал. Казалось, выполнена главная задача — ликвидирована угроза со стороны арабских соседей, пресечена возможность проникновения палестинских террористов на территорию Израиля.

Увы, все оказалось намного сложнее и драматичнее. После шестидневных боев и сокрушительного поражения арабские террористы развернули невиданную доселе террористическую войну. Именно тогда впервые в мире стали широко использоваться захваты и нападения на самолеты. Уже в июле 1968 года группа террористов из Народного фронта

освобождения Палестины захватила «Боинг-707» компании «Эль-Ал» на аэродроме в Афинах.

Израильское правительство было не готово к такому развитию ситуации и быстро согласилось с требованиями в обмен на жизнь 35 пассажиров и членов экипажа выпустить из тюрем соратников террористов.

Уступка правительства Израиля вдохновила террористов на новые «подвиги». Не прошло и полгода, как в декабре — вновь нападение на самолет.

Теперь террористы из Народного фронта открыли огонь из автоматического оружия по пассажирскому самолету той же компании Эль-Ал, который выруливал на стартовую дорожку. Один пассажир был убит и несколько ранено.

Израиль решил ответить ударом на удар. Правительство и спецслужбы пришли к выводу — отступать перед террористами нельзя, ибо это повлечет за собой новые теракты. Кстати, единожды избранная тактика — ничего не прощать террористам, не уступать им ни в чем и отвечать сокрушительными ударами — действует и доньше. И она, безусловно, верна.

В этот раз в качестве места для ответного удара был выбран Бейрутский международный аэропорт.

В поле зрения израильских спецслужб он попал не случайно. Расположенный всего в 90 километрах от израильско-ливанской границы и совсем рядом — в 2-х километрах от моря, аэропорт идеально подходил для проведения спецоперации. Подлетное время к нему — минимальное, подход катеров — в качестве прикрытия или на случай эвакуации спецназовцев — весьма удобен. Важно было и еще одно обстоятельство — на поле Бейрутского аэропорта всегда располагалось много самолетов арабских авиакомпаний. А именно по ним и собирались ударить израильские командос.

Аэропорт имел две взлетно-посадочные полосы. Там, где они пересекались, располагался пассажирский терминал. Перед ним — открытая площадка.

На северо-востоке и юго-западе — ангары, стоянки для самолетов и строения обеспечивающих полеты служб. На юге — павильон пожарной охраны аэропорта и медицинская часть.

Разведка доложила: в аэропорту примерно 85 — 90 сотрудников службы безопасности, вооружены личным оружием.

Однако были и свои минусы. Хорошо подготовленный отряд

специального назначения Ливанских вооруженных сил находился всего в трех километрах от аэропорта. Режим готовности отряда высокий — пятиминутный. Это, судя по всему, могло оказаться главным препятствием.

Что же касается местной полиции, то, по расчетам разведки, ее прибытие в аэропорт возможно было не раньше чем через полчаса. Жандармерии на БТРах — через час.

С воздуха и моря опасности противостояния не существовало.

Первоначально разрабатывался план ответного захвата самолета арабских авиалиний. Возможно, сегодня эта мысль кажется нелепой, но не забудем, шел 1968 год, и у человечества вообще не было опыта борьбы с террористами на воздушном транспорте. Однако этот вариант отпал после расстрела самолета авиакомпании Эль-Ал в декабре. Генеральный штаб сил обороны Израиля решил пойти на уничтожение арабских воздушных лайнеров.

Задача, поставленная перед отрядом специального назначения, звучала предельно ясно: уничтожить максимальное количество самолетов арабских авиалиний в Бейрутском международном аэропорту. При этом подчеркивалось: в ходе проведения операции всеми мерами избегать потерь среди гражданских лиц, а также повреждения авиалайнеров компаний, не принадлежащих арабским государствам.

Если же количество взорванных самолетов окажется малым, атаковать военные машины, находящиеся в аэропорту.

По плану израильского Генштаба аэропорт был разделен на три сектора — восточный, западный, а также сектор, где располагался терминал. В каждом секторе предстояло действовать единой, небольшой по численности команде спецназовцев. Группу управления возглавлял генерал Рафаэль Еитан. Его позывной «Raful». Она насчитывала 12 бойцов, включая и начальника отдела спецопераций Генштаба.

Полковнику Узи и его 22 командос выделялся западный сектор. На вертолетах «Super-Frelon» им предстояло десантироваться в конце взлетно-посадочной полосы и уничтожить самолеты, находившиеся в секторе. Границей их оперативной зоны являлся угол пассажирского терминала.

По окончании выполнения боевой задачи отряд Узи эвакуировался в так называемый пункт «Лондон», который находился на пересечении двух взлетно-посадочных полос.

Майор Дигли руководил вторым отрядом спецназовцев. Под его командой было 20 бойцов. Они получили приказ приземлиться к югу от главного здания аэропорта и в своем секторе уничтожить самолеты.

После подрыва авиационных лайнеров они также выдвигались к

эвакуационному пункту «Лондон».

Капитан Негби командовал всей операцией, а также третьим отрядом, сформированным из бойцов разведроты 35-й бригады армии Израиля. В состав этого отряда входило 22 человека.

Отряд Негби должен был высадиться на северной окраине взлетно-посадочной полосы и там взорвать самолеты. Эвакуация отряда — тем же путем в назначенный пункт.

Вертолетной эскадрильей руководил старший лейтенант Елиезер. Ему вместе с офицером-спецназовцем, медиками предстояло находиться в воздухе, координировать действия отрядов на земле, а также обеспечивать их прикрытие.

Для уничтожения самолетов выбрали магнитные мины, которые решили устанавливать на механизм шасси в передней части машины и на рулях высоты. Это давало полную гарантию либо уничтожения самолета, либо серьезного его повреждения.

Для эвакуации боевых групп было предусмотрено несколько путей отхода. Сухопутный — в пункт сбора «Лондон», который находился на пересечении двух взлетно-посадочных полос. Отсюда бойцов подбирали три вертолета «Super-Frelon». Запасной пункт эвакуации располагался на побережье и носил название «Рим». Здесь спецназовцы грузились на катера военно-морских сил Израиля.

Прикрытие эвакуации должен был обеспечить отряд спецназа ВМС.

Вывоз спецназовцев на катерах оставался в планах Генштаба как запасной, на случай провала. В этом случае на помощь основным отрядам также могла вылететь с базы ВВС Рамат-Дэвид дополнительная группа коммандос. На время проведения операции они находились в полной готовности к действиям.

На всю операцию с момента десантирования в Бейрутском аэропорту до полной эвакуации отводилось полчаса.

Час «Н», то есть начало операции «Подарок», вначале планировался на 22.00 28 декабря 1968 года. Однако накануне время начала было изменено и передвинуто на 21.15. По уточненным разведданным, именно в это время в Бейрутском аэропорту находилось наибольшее количество самолетов арабских авиалиний.

На силы военно-морского флота и ВВС возлагались функции обеспечения и прикрытия.

Для эвакуации спецназовцев морским путем со стороны моря действовали четыре ракетных, два торпедных катера, а также тринадцать резиновых моторных лодок.

По плану военно-морские силы, привлеченные к операции, должны были к часу «Н» выйти в назначенную точку в шести милях от пункта эвакуации «Рим». Через полчаса после начала операции «Подарок» часть военно-морского отряда выдвигалась ближе к береговой линии и находилась там на расстоянии полутора миль. Торпедные катера барражировали в 12-мильной зоне от берега.

Расчетное время прибытия военно-морского отряда в заданную точку от базы в Хайфе составляло три с половиной часа.

Что же касается участия военно-воздушных сил, то Генштаб возложил на них следующие задачи и план действий.

Шесть вертолетов «Super-Frelon» использовались в основном составе и два — в резервном. Они обеспечивали высадку спецназа в трех зонах и после выполнения боевого задания забирали их в пункте сбора «Лондон».

Еще восемь вертолетов «Белл» (семь в основном составе, один — в резерве) привлекались для эвакуации командос в случае неблагоприятного исхода боя или непредвиденных обстоятельств, для доставки группы управления, для патрулирования в зоне операции и поддержания радиосвязи.

Пилоты четырех самолетов «Норд» получили приказ обеспечивать радиосвязь, а также прикрывать с воздуха работу командос в аэропорту и выдвижение морских спецназовцев.

При активном противодействии силовых служб Ливана в бой могли вступить два самолета «Boeing», два штурмовика «Skyhawks» и четыре машины «Vauntours».

Таков был план Генерального штаба.

...И вот наступило 28 декабря. В расчетное время три вертолета «Super-Frelon» неожиданно появились в небе над Бейрутским аэропортом и уже через несколько минут высадили штурмовые группы в трех намеченных точках. На часах было 21.18. Через пять минут совершил посадку вертолет с группой управления.

Сорок пять минут назад вертолеты поднялись с авиабазы Рамат-Дэвид, выстроились в боевой порядок и направились к побережью. Потом, совершив маневр, повернули в сторону Бейрутского международного аэропорта.

Вертолет «Белл» сделал несколько заходов, выпустил больше сотни дымовых гранат и дымовых сигнальных ракет. Таким образом, с востока и севера летное поле было окутано дымовой завесой.

На дороги, ведущие в аэропорт, с вертолета сбросили специальные шипы. Это нехитрое устройство сыграло большую роль. Вскоре на въезде в

аэропорт образовалась огромная пробка. Остановились машины, покидающие аэропорт. Полиция и пожарные команды, которые уже мчались к аэродрому, не могли пробиться вперед. Дороги, ведущие к аэропорту, оказались заблокированы.

Другой вертолет, «Гепард», давал предупредительные пулеметные очереди впереди машин, которые вылезали из пробки и пытались прорваться к аэропорту.

Военный грузовик, объехавший пробку по бездорожью, был тут же подожжен.

Тем временем отряды Узи, Дигли и Негби устремились к самолетам. В каждом отряде была группа прикрытия. Пока одни спецназовцы, перебегая от лайнера к лайнеру, устанавливали мины, их товарищи подавляли огонь полицейских и охранников.

Отряд под руководством полковника Узи, десантировавшись с вертолета, увидел перед собой три группы самолетов. Первая и вторая насчитывали пять воздушных лайнеров, третья состояла из трех машин. Самолеты этой группы привлекали внимание спецназовцев в первую очередь, так как располагались близко друг к другу. Они были взорваны вместе, одновременно.

Далее под огнем группы прикрытия бойцы устанавливали новые заряды и взрывали самолеты.

Полковник Узи во избежание потерь приказал держаться подальше от военной части аэропорта. Оттуда в сторону отряда велся интенсивный огонь. Впрочем, дел хватало и здесь. Коммандос уничтожили в общей сложности шесть самолетов.

На путях отхода к пункту эвакуации их встретила служба безопасности аэропорта. Однако охранники не выдержали огня группы спецназа и отступили. Отряд Узи благополучно добрался до пункта «Лондон».

После приземления отряд Дигли занял позиции возле здания аварийных служб аэропорта. Четыре самолета стояли на открытой площадке. Три из них без сомнения принадлежали ливанским авиакомпаниям. Поскольку принадлежность четвертой машины четко определить не удалось, решено было работать по трем авиалайнерам.

На двух из них коммандос быстро и беспрепятственно установили мины, с третьим самолетом произошла заминка. Неожиданно со стороны пассажирского терминала по группе спецназа был открыт огонь. Пришлось отступить, укрыться, подавить огневые средства противника и потом завершить минирование.

Раздались взрывы, и группа, выполнив задачу, покинула поле боя.

Капитан Негби, высадившись со своими спецназовцами в обозначенном районе, выслал вперед головной дозор. Вскоре дозорные сообщили, что определили принадлежность четырех самолетов. Три машины стояли на открытой площадке, одна располагалась в ангаре.

Негби, получив это сообщение, сразу же отправил к дозорным группу подрывников. После того, как самолеты были заминированы, он отдал команду взорвать их одновременно.

Однако группа, работавшая в ангаре, не услышала команды, хотя приказ прозвучал по радио и был продублирован в мегафон. Спецназовцы заметили, что их товарищи, оставшиеся снаружи, упали на землю, ожидая взрыва. Они бросились к выходу из ангара. Быть беде, но детонатор мины, к счастью, не сработал, и спецназовцы покинули опасную зону.

Коммандос собирались также взорвать склады с горючим, но получили приказ на отход.

Отряд капитана Негби первым вышел на эвакуационный пункт «Лондон». В 21.47 вертолет совершил посадку, чтобы забрать спецназовцев.

Весь сбор и погрузка в вертолеты заняли 15 минут. Последняя винтокрылая машина оторвалась от взлетно-посадочной полосы Бейрутского международного аэропорта и взяла курс на Израиль.

Военно-морской отряд коммандос в период проведения операции дежурил в расчетной точке в полутора километрах от берега и наблюдал, как взрывались самолеты в аэропорту.

После сообщения о благополучной эвакуации спецназовцев вертолетами отряд двинулся домой.

В результате операции «Подарок» в Бейрутском международном аэропорту было уничтожено 13 самолетов, принадлежащих арабским авиакомпаниям МЕА, Айр-Ливия. Среди разрушенных воздушных лайнеров оказались самолеты «Боинг-707», «Коммета С-4», «Каравелл», «Виконта». Ущерб составил около 42 миллионов долларов.

К сожалению, события в Афинах и Бейруте не произвели особого впечатления на мировое сообщество. Всем казалось, что это лишь очередной этап обострения длительного конфликта. На самом деле это было первое столкновение, первый жестокий бой сил специального назначения с международным терроризмом.

Менее чем через два месяца, в феврале 1969-го, Народный фронт освобождения Палестины ответил захватом израильского авиалайнера. В перестрелке погиб пилот и один из нападавших.

В своем заявлении террористы назвали эти захваты первыми ударами

мести «за американский заговор, целью которого была ликвидация палестинской проблемы руками Израиля».

Летом того же года Народный фронт расширил сферу своей деятельности. Теперь палестинские террористы напали на самолет американской авиакомпании «Боинг-707», угнали его в Дамаск. Правда, экипаж и пассажиры были выпущены, а самолет взорван.

Однако и эти захваты не взволновали Европу и США. В таком же благодушном состоянии находился и Советский Союз.

Террористические акты в СССР тогда были большой редкостью. А уж о захватах самолетов и говорить не приходилось. Попытка угона самолета «Ли-2» из Эстонии за границу пришлось на далекий 1954 год. Ее сорвал бортмеханик Тимофей Ромашкин, вступивший в борьбу с бандитами. Ромашкин погиб. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. С тех пор прошло полтора десятка лет и об угоне давно забыли.

Гром грянул в 1970-м.

ГОД 1970. КОНЕЦ ВОЗДУШНОГО ПИРАТА

В этот день был обычный рейс. Самолет «Ан-24» получил разрешение на взлет, пробежал по бетонке батумского аэродрома и взмыл в небо.

На Черноморском побережье заканчивался бархатный сезон. Октябрь стоял в зените, но было по-летнему тепло и умиротворенно.

Пассажиры притихли, ожидая, пока самолет наберет высоту и ляжет на заданный курс. Мужчина лет сорока пяти, с уже пробивающейся сединой на висках, и его сын, совсем еще юный, светловолосый мальчик, сидели во втором ряду, в носовой части самолета. Внешне они ничем не отличались от других пассажиров. Разве что на фоне загорелых, отдохнувших у моря соседей по салону смотрелись бледными и напряженными. Но мало ли какие дела привели их сюда?

А напряжение?.. Это заметила бортпроводница Надежда Курченко. Она только начинала осваивать профессию стюардессы, но сумела подметить нервозность в поведении отца и сына. «Наверное, боятся летать, — решила она. — Надо подойти, успокоить». Подошла, склонилась к старшему, хотела сказать что-нибудь доброе, но у лица вдруг увидела ствол пистолета. Попятилась, отступая к пилотской кабине, преграждая путь бандиту. Успела крикнуть пилотам: «Ребята, нападение!..»

Террорист выстрелил, Курченко упала. Бандит ворвался в кабину и продолжал беспорядочно стрелять. Ранил командира корабля, штурмана, бортинженера и только потом заорал, сжимая трясущимися руками оружие: «Самолет захвачен! Взорвем! Лететь в Турцию!..»

Командир успел незаметно включить сигнал «SOS». Может, среагируют службы ПВО, поднимут истребители? Он надеялся, в то же время понимая, что чуда не произойдет, военные летчики просто не успеют. Турция, вон она, рядом. А самолет в воздухе не затормозишь, не остановишь.

Мелькнула даже дурацкая мысль направить «Аннушку» на скалы — самим погибнуть и сволочей этих прикончить. Но в салоне сорок четыре человека, включая семнадцать женщин и одного ребенка.

Позже, вспоминая тот полет, командир корабля скажет: «Я был вынужден изменить курс и по требованию посадить самолет. Оказались на аэродроме, где мы увидели летное поле, которое было оцеплено войсками».

Самолет совершил посадку на аэродроме города Трабзон.

Как выяснилось позже, террористами, угнавшими самолет, убившими Надежду Курченко и ранившими, по существу, весь экипаж, оказались Пранас Бразинскас и его несовершеннолетний сын Альгердас.

В Трабзоне угонщиков арестовали и увезли. Раненым членам экипажа оказали медицинскую помощь. Пассажиров отвели в здание аэропорта. Побеседовали с каждым из них, предложили остаться в Турции. К удивлению турецких властей, никто не пожелал остаться на солнечном берегу.

Москва была в шоке. Это первый угон самолета в другую страну, да еще с настоящим расстрелом экипажа. Обсуждалось предложение высадить на турецкий аэродром десантников и захватить террористов. Однако, поразмыслив, от него отказались.

Через несколько часов в Турцию прилетел специальный самолет. На нем в Советский Союз отправили пассажиров и раненых летчиков. Тело погибшей в борьбе с террористами Нади Курченко доставили другим авиалайнером.

Посмертно ее наградили орденом Красного Знамени. На родине поставили памятник, открыли мемориальный музей. В Сухуми, где она работала, тоже установлен монумент.

Именем девятнадцатилетней бортпроводницы назвали корабль, пик на Памире, малую планету.

А террористов передали в местный суд. Вскоре трабзонский судья вынес решение: после захвата авиалайнера, бойни, устроенной Бразинскасами на борту, угона самолета за границу, он признал их... невиновными и освободил из-под стражи. Оказывается, суд решил, что террористы не собирались никого убивать, а оружие — пистолет, ружье и граната нужны им были, чтобы испугать пассажиров. Словом, вся вина Бразинскасов заключалась лишь в том, что они мешали свободе передвижения пассажиров по салону и прибыли в Турцию без права ношения оружия.

Разумеется, Советский Союз высказал свое возмущение и потребовал выдать убийц. Но не тут-то было. Террористы попросили политического убежища. Теперь они оказались не иначе как «узниками совести, борцами за демократию».

Следует отдать должное местному прокурору. Он высказал свое несогласие с решением суда. Обвинитель считал, что убийцы должны понести наказание.

Дело Бразинскасов передали из Трабзона в Анкару.

В этой ситуации США, разумеется, не могли оказаться в стороне. Уж они-то должны были доказать всему миру, что Бразинскасы — жертвы коммунистического режима. На выручку террористам бросились не какие-нибудь второстепенные лица американской политики, а сенатор Перси и член палаты представителей конгресса США Дарвински.

Старания американцев увенчались успехом — турецкие власти отказались выдать преступников.

Правда, их все-таки судили. Вернее, старший Бразинскас получил 14 лет лишения свободы. Но почему-то уже в 1976 году оказался в США, в Лос-Анджелесе.

Выяснилось, что террориста-убийцу Пранаса Бразинскаса никто и не собирался сажать в тюрьму. Приговор действительно был и именно на такой большой срок. Но тут же турецкий суд применил закон об амнистии. И Пранаса отпустили на все четыре стороны. Что же касается Бразинскаса-младшего, Альгердаса, то его вообще по малолетству освободили от наказания.

Итак, в 1976 году террористы прибыли в США. Как оказалось, нелегально. Но так или иначе, они были на территории Америки, и Советский Союз потребовал их выдачи. В средствах массовой информации СССР развернулась кампания за выдачу убийц.

И на этот раз в США находится достаточно защитников для террористов. Иммиграционный судья Роберт Гриффит до последнего борется, чтобы отстоять убийц и дать им политическое убежище. Оказывается, старший Бразинскас чуть ли не диссидент, он, бедняга, подвергался в Советском Союзе преследованиям за участие в «литовском сопротивлении» (так в США именуют банды «лесных братьев»).

Разумеется, все это было ложью. Уже в 1982 году, через 12 лет после совершения террористического акта в небе над Батуми, государственный департамент США объявил, что просьба отца и сына Бразинскасов о предоставлении им политического убежища отклонена и они выдворены из США. На вопрос советских властей, куда и когда они выдворены, американская федеральная служба иммиграции и натурализации ответа не дала.

Да и что было отвечать, если террористы Бразинскасы мирно жили в одном из штатов США.

Однако в этой почти детективной истории есть еще одна сторона, которая неизвестна общественности. А она весьма любопытна.

В деле Бразинскасов столкнулись интересы двух разведок — советской и американской. Советские разведчики понимали: турки

террористов не выдадут. И потому считали делом чести достать или уничтожить их.

Некоторые авторы сегодня пытаются убедить общественность, что КГБ всегда был орудием репрессий, политических покушений, убийств.

В связи с этим напомним, что последним политическим убийством, организованным КГБ, можно считать ликвидацию Бандеры. Ушел на Запад убийца Бандеры Сташинский, опубликовал в прессе свои признания, разгорелся скандал. Известно, что Бандеру убрали по приказу Хрущева. А вот Генсек Леонид Брежнев уже смотрел на эти проблемы по-иному. Это хорошо знают ветераны-чекисты. Примером тому предательство сотрудника КГБ Лялина, когда из Англии выслали 105 советских разведчиков и дипломатов. Тогда руководство Комитета вышло с предложением «достать» предателя. Сделано это было после того, как в руки нашей разведки попала распечатка допроса Лялина и все увидели, с каким цинизмом сдавал своих вчерашних коллег и товарищей этот иуда. Однако Брежнев не дал добро.

Но тут особый случай — захват и угон самолета, убийство бортпроводницы — юной девушки, стрельба по экипажу, ранение пилотов. Террористы должны были понести наказание.

И 13-й отдел Первого Главного управления КГБ СССР, который неофициально именовали отделом «мокрых дел», подготовил спецоперацию. О ней мне однажды рассказал заместитель начальника отдела генерал-майор Александр Иванович Лазаренко:

«Этот террористический акт потряс нашу страну. Угон самолета отцом и сыном Бразинскасами, убийство Нади Курченко... Кровавые преступления, равных которым мы в ту пору не знали.

Потом этот теракт послужил дурным примером для других бандитов. Террористы, захватившие самолет в Грузии в 1983 году, что потом говорили на суде? Когда их спросили, почему они поступили так жестоко: не предъявляя никаких требований, пять раз выстрелили в лицо пилоту Шабартяну, три раза в пилота Плотко, забили до смерти бортпроводницу — они ответили: мол, тихо, по туристической путевке, не собирались уезжать в Турцию и там оставаться. Ссылались на Бразинскасов, что вот убили Надю Курченко, так их там с распростертыми объятиями приняли.

Наш отдел тщательно разработал операцию по уничтожению террористов.

Бразинскасы жили на вилле, за городом. Жили, кстати, не под стражей, открыто. Всюду ходили вместе, вдвоем — в город, на рынок. Вот там, на рынке, мы и решили провести операцию.

В Москву был вызван наш агент-нелегал. Я работал с ним сам. Сначала предполагалось, что он уберет террористов из бесшумного пистолета, но потом от этой идеи отказались. Решили использовать микропулю. Специальное устройство зашили в подошвы туфель. Он поднимает ногу и делает бесшумный выстрел.

Важно было просто попасть в террориста. Пули были отравлены и вскоре сделали бы свое дело.

Спасли террористов-убийц Бразинскасов... спецслужбы США. Они, заметая следы, вывезли их сначала в Италию, потом в Венесуэлу и, наконец, в Америку. Есть о чем задуматься, не правда ли?»

Такова тайная подоплека этого нашумевшего некогда дела. Теперь становится понятно, почему Бразинскасов нам не выдали сначала Турция, следом за ней США, почему государственный департамент просто врал, сообщая о выдворении террористов из страны.

Кстати говоря, прав генерал Лазаренко: «теплый прием», устраиваемый угонщикам наших самолетов в некоторых странах, имел свои тяжелые последствия. Будем откровенны: большинство из тех, кто захватывал авиалайнеры, убивал пилотов, бортпроводниц, пассажиров, в большинстве своем были далеки от политики, от высоких идей свободы и демократии. Их хотелось одного — красивой и сытой жизни. И в том нет ничего предосудительного, если бы не одно, весьма существенное обстоятельство. Даже когда была возможность выезжать за рубеж, пусть по турпутевке, как в случае с тбилисскими угонщиками самолета, и остаться там, они не собирались этого делать. Почему? Да потому что понимали: ничего стоящего из себя не представляют, а сладко пить и вкусно есть хочется. Но за это надо платить. Но ведь кто-то заплатил за Бразинскасов? Значит, можно купить себе райскую жизнь там, побольше перебив, пролив крови здесь. Тогда там раскроют объятия, признают «борцами за свободу», в конце концов припишут к «лесным братьям».

Вот такие сладкие мечты вкладывали в руки террористов пистолет, гранату, ружье, а то и автомат Калашникова. С такими надеждами захватывали самолет отец и сын Бразинскасы в 1970 году, террорист Рзаев в 1973 году. Он, оказывается, мечтал стать дипломатом. Но в школе учился плохо, был попросту полуграмотным, оттого и не поступил в университет. Однако считал, что там, за рубежом, его ждет блестящая дипломатическая карьера. Рзаев погубил себя и десятки невинных людей, ставших заложниками.

Сладкой, заграничной жизни хотел и уголовник Павел Якшиянц, захвативший со своими подельниками автобус с детьми во Владикавказе в

1988 году. Якшиянц был из той же породы, только хитрее и прагматичнее. А вдруг его не признают борцом за свободу и демократию за границей? Как же тогда красивая жизнь? И он потребовал, держа под прицелом 30 мальчишек и девчонок, учительницу и водителя автобуса, 3, 5 миллиона американских долларов. Так, на всякий случай.

Надо отдать должное: израильтяне (Якшиянц приказал лететь в Израиль), в отличие от американцев, не стали лепить из уголовника и террориста диссидента, надели на него наручники и отправили обратно в Советский Союз.

Да, СССР был весьма закрытой страной. И уехать жить, работать, куда хочется, было не только сложно, а зачастую невозможно. И потому существовало устойчивое мнение, подогреваемое, кстати говоря, Западом, что именно в этом весь корень зла, мол, свободолюбивые граждане бегут из «коммунистического рая».

Теперь во главе России стоят иные люди. В России иной строй. Но самолеты по-прежнему захватывают, угоняют. И не только у нас, по всему миру. И наконец в мире нарастает понимание, что те, кто захватывает их, за кого бы они себя ни выдавали, не борцы за свободу и демократию, а террористы.

Мне кажется, что после трагедии 11 сентября это поняли даже американцы. Конечно, о Бразинскасах они вряд ли вспомнили. Не до того им. Но ведь какая поразительная штука жизнь... Она сама вернула нас к той истории.

В первые месяцы 2002 года в средствах массовой информации США, а потом и в российских газетах и журналах появились сообщения: в Америке по обвинению в убийстве арестован некий Альберт Виктор Уайт, 46-летний житель города Санта-Моника. Он убил своего отца. Трагедия, что тут скажешь. Какое нам дело до далекого американского городка и убийцы Уайта? У нас и своих подонков хватает. Однако дело в том, что Альберт Виктор Уайт в какой-то мере тоже наш. Хотя язык не поворачивается назвать его нашим. Но что поделаешь, так распорядилась история. Альберт Уайт — не кто иной, как Альгердас Бразинкас. Наверное, когда американские спецслужбы придумывали ему новое имя, литовское Альгердас показалось созвучным Альберту. Оказывается, после «выдворения из страны» отец и сын мирно жили в Калифорнии, сменив фамилию.

И вот теперь 46-летний Альгердас — Альберт убил своего 77-летнего отца. Что тут скажешь — кровавые уроки не проходят даром. Ту легкость, с

которой отец убивал Надю Курченко, пилотов на глазах 14-летнего сына, унаследовал и его сын, запросто прикончив самого родного человека на Земле. Словом, террорист-убийца взрастил убийцу и сам пал от его руки.

Наверное, подводя итог этой поучительной истории, надо сказать: собаке собачья смерть — и поставить точку. Но меня мучает другое. Говорят, Бразинскасы последние годы прожили в забвении, не нажив себе славы и капитала за свое «диссидентское» прошлое. Вышло так, что убивать они умели, но не более. Словом, и в США у бандитов не сложилась жизнь. И тем не менее у них все эти годы была жизнь. Вначале послаще, потом, видимо, сложнее. Но она была. А Нади Курченко, прекрасной молодой девушки, нет на свете уже тридцать с лишним лет. Убийца Пранас Бразинскас дожил в тихой, благополучной Америке до 77 лет, пока его не убил родной сын, а Надя Курченко умерла от его пули в девятнадцать.

Мне очень жаль только одного, что наши спецслужбы не прикончили их тогда, в Турции. Но сын через столько лет прикончил отца-убийцу, став сам убийцей.

Так все-таки кого пригрели американцы? Может, теперь, после 11 сентября, они ответят на этот вопрос?

ГОД 1972. ВЕТЕР НЕНАВИСТИ НА ОЛИМПИАДЕ-72

Раннее утро. 4.30. Дежурный телетехник, спешивший на студию, чтобы успеть к утреннему эфиру, видит группу людей, перелезающих через ограду олимпийской деревни. Они в тренировочных костюмах, со спортивными сумками в руках. «Нарушили режим ребята, — усмехается про себя техник. — Плакали ваши медали».

Он поворачивает к студии и теряет их из виду. Олимпийская деревня спит. Сон спортсменов безмятежен и глубок. Через несколько часов им предстоит вступить в схватку за олимпийские медали. Но не всем судьба преподнесет такой подарок. Многим борцам израильской команды уже никогда не выйти на ковер.

...Тридцать четыре года Германия ждала этого события, добивалась его, приближала как могла. Понимала, мир еще не забыл Олимпийские игры 1936 года и Гитлера на центральной трибуне. И вот свершилось. Германия стала хозяйкой Олимпиады 1972 года.

Ничто не должно было напоминать времена фашизма. Сегодня Германия совсем иное, демократическое государство. Это она хотела сказать миру. Даже полицейские одеты не в свою традиционную форму, а в голубые курточки, белые шапочки. И никакого оружия, во всяком случае на виду. Контроль самый мягкий, демократичный. Что может угрожать ныне Мюнхену — столице спорта и мира?

Все это было на руку палестинским террористам из организации «Черный сентябрь». Их руководитель Абед Каир аль-Днави уже два года жил в ФРГ, без особого труда устроился работать в олимпийскую деревню и методично, спокойно готовил террористический удар.

Германские власти знали о существовании «Черного сентября». Боевики этой организации в начале года взорвали завод электронного оборудования в Гамбурге.

Этот завод поставлял оборудование в Израиль. Интерпол обращал внимание на двадцать тысяч палестинцев, обучавшихся в Германии, среди которых были как истинные студенты, так и законспирированные террористы. Тель-Авив неоднократно указывал на тесные контакты палестинских террористических организаций с группой Баадера — Майнхофа.

Даже Советский Союз, поддерживающий палестинцев, после визита Ясира Арафата в Москву напечатал в «Правде» большую статью, осуждающую терроризм. Судя по всему, советское руководство обеспокоили недвусмысленные намеки Арафата, и оно таким образом подавало сигнал Германии.

Сигналы, намеки, обращения, увы, не возымели своего действия. Немцы не прислушались к ним. Нельзя сказать, что Олимпиада вовсе осталась без охраны. На спортивных аренах и прилегающих территориях порядок и безопасность обеспечивали 15 тысяч полицейских, 12 тысяч солдат Бундесвера, разумеется, многочисленные агенты спецслужб. И тем не менее, ранним утром 5 сентября 1972 года восемь террористов беспрепятственно, преодолев забор, оказываются на территории олимпийской деревни.

Их видит телевизионный техник, позже уругвайский атлет, которому в это утро не спится. Он видит нескольких мужчин с черными масками на лицах, с оружием в руках. Ему особенно запомнился один, в белом сомбреро, с пулеметом наперевес. Это был командир террористического отряда.

Однако уругваец не звонит в полицию, не поднимает тревогу. Он попросту идет спать.

Террористы хорошо знают местность. Им не нужны двухэтажные здания слева, их цель бунгало № 31. Оно находится ближе всего к ограде олимпийской деревни. Очень удобно для террористов.

В несколько прыжков они оказываются у дверей бунгало. Здесь живет израильская спортивная делегация.

Еще мгновение, и террористы внутри помещения. Они сразу же начинают стрелять. Спортсмены застигнуты спящими.

Не спят только два человека, два борца — Моше Вейнберг и его товарищ Жозеф Романо. В ту ночь они не очень блюли спортивный режим, посетив одно из увеселительных заведений Мюнхена.

Борцы готовы к схватке. Чтобы дать время своим товарищам прийти в себя, они блокируют дверь. Но террористы открывают огонь по двери. Борцы убиты. Однако их жест отчаяния дает возможность другим спортсменам бежать. Те выпрыгивают из окон.

Но не всем улыбнулась удача. Палестинские террористы захватывают в заложники одиннадцать израильских спортсменов, связывают их по рукам и ногам и сгоняют в одну большую комнату на первом этаже.

Тело убитого Моше Вайнберга бандиты выносят из бунгало и бросают у входа, труп Жозефа Романо кладут рядом с заложниками для устрашения.

«Пусть смотрят и знают, что их ждет», — считают террористы.

Полиция уже предупреждена о захвате. Через час в олимпийскую деревню вводятся полицейские силы. Они окружают территорию, где располагается бунгало № 31, контролируют все входы и выходы.

На место события прибывает префект полиции Манфред Шрейберг. Здесь же впервые на сцену выходит человек в белом сомбреро — Абед Каир аль-Днави. Он будет вести переговоры с германскими представителями.

Иерусалим уже предупрежден о случившемся. Премьер-министр Израиля Голда Меир собирает на срочное заседание кабинет министров.

Примерно в 7 часов утра террористы объявляют, что будут вести переговоры только через хозяйку бунгало. Еще через час они выбрасывают из окна письмо. В нем требование — освободить более 200 своих сторонников, заключенных в израильских тюрьмах, а также предоставить самолет для вылета в одну из арабских стран, кроме Иордании и Ливана. Срок ультиматума истекал в полдень.

В Мюнхене срочно был создан кризисный штаб. В него вошли от боннского федерального правительства министр внутренних дел Ганс Дитрих Геншер, от земли Баварии — Мерк, полицейский префект Мюнхена Манфред Шрейбер, начальник криминальной полиции, прокурор республики. Штаб разместился в подвале главного административного корпуса олимпийской деревни, который находился недалеко от бунгало № 31.

Казалось бы, мобилизованы все силы. Но заложники по-прежнему в руках бандитов. Голда Меир непреклонна: никаких уступок террористам. Ответственность за освобождение захваченных спортсменов лежит на немецкой стороне. Она организатор игр.

В Мюнхен по поручению премьер-министра Израиля вылетает директор «Моссада» Цви Шамир.

Тем временем в Олимпийскую деревню стянуты огромные силы — около 3 тысяч полицейских и военнослужащих Бундесвера. Они одеты в форму обслуживающего персонала, спортсменов. Кажется, полицейские всюду — на крышах домов, в соседних бунгало, в крытых фургонах.

Префект полиции ведет трудные переговоры с главарем террористов.

В десять утра кризисный штаб получает уточнение. Через хозяйку бунгало они передают список более 200 узников, подлежащих освобождению из израильских тюрем.

В штабе все понимают: Тель-Авив никого не отпустит. Усиливаются снайперские позиции вокруг бунгало, создается штурмовая группа.

Министр внутренних дел ФРГ Ганс Дитрих Геншер, префект полиции Мюнхена Манфред Шрейбер и бывший бургомистр города Фогель предлагают себя в заложники. Однако от подобного предложения террористы отказываются.

Остается одно — любыми способами добиться отсрочки ультиматума.

Террористам за освобождение заложников предлагаются крупные суммы денег, свобода, содействие министра Геншера, а при необходимости и канцлера ФРГ Вилли Брандта.

И вновь неудача, вновь отказ.

Тогда кризисный штаб выдвигает еще один аргумент, мол, Израиль находится в затруднении: чтобы установить местонахождение каждого из более чем 200 узников, надо время. Аргумент сработал. Получена отсрочка до 15.00.

Тем временем полиция пытается хоть что-то узнать о количестве террористов, их вооружении, где они держат заложников. Двое полицейских натягивают поварские халаты, берут в руки кейсы, в которых находится еда, и хотят войти в бунгало № 31. Увы. Террористы достаточно опытные, на такой трюк их не возьмешь. Они приказывают оставить кейсы у дверей и добавляют вдогонку полицейским, что пищу съедят заложники, и если отравятся, их смерть на совести немцев.

В кризисном штабе замешательство. Полиция явно недооценила террористов.

В 14.25 в олимпийскую деревню на вертолете прилетает канцлер ФРГ Вилли Брандт. Руководство полиции идет на переговоры с террористами. Им удается договориться о новой отсрочке ультиматума до 17 часов.

Брандт прибегает к помощи посла Туниса. Он просит стать посредником в переговорах. Но послу не удается договориться о новой отсрочке.

Наконец установлена личность главаря террористов. Это Абед Каир аль-Днави, палестинец, инженер, который приехал в ФРГ якобы на учебу. Информация незамедлительно передается в Иерусалим. Она воспринята с раздражением, и кабинет министров Израиля вновь напоминает: не может быть и речи об уступках террористам.

...На часах министра внутренних дел ФРГ Ганса Дитриха Геншера 16.30. До истечения ультиматума полчаса. Бандиты угрожают убивать по одному заложнику в час.

Напряжение растет. Геншер вновь входит в контакт с террористами. Он просит дать ему возможность самому увидеть заложников. Террористы соглашаются.

Когда министр оказался в комнате, он увидел израильских спортсменов, лежавших и сидевших у стены со связанными руками и ногами. Он пытается подбодрить их, но в глазах видит лишь страх и отчаяние.

Геншер выходит из бунгало. Он осознает всю трагичность ситуации: с одной стороны непреклонность Голды Меир, с другой такая же твердая позиция террористов.

17.15 по местному времени. Только что завершились переговоры. Террористы и руководство Германии договорились: палестинцы вместе с заложниками вылетают из олимпийской деревни на вертолетах в аэропорт. Там их будет ждать самолет «Боинг» немецкой авиакомпании «Люфтганза». Пункт назначения не разглашается.

Разумеется, кризисный штаб не собирался выполнять эти договоренности. Задумка такова — когда террористы вместе с заложниками будут переходить к вертолетам, снайперы их уничтожат.

К этому времени снайперы, с винтовками с оптическим инфракрасным прицелом для ведения огня ночью, заняли свои позиции.

Канцлер Вилли Брандт долго колеблется, прежде чем дает согласие на проведение операции. Он чувствует, сколь огромен риск.

В то же время он не оставляет надежду на дипломатическое разрешение конфликта. Пытается установить связь с президентом Египта Анваром Садатом. Не удается. Тогда он выходит на премьер-министра Египта и просит его принять самолет с террористами и заложниками. Но египтянин отвечает отрицательно.

«Это катастрофа!» — произносит Брандт после телефонного разговора.

Выхода нет. В 20.50 вертолет делает посадку у бунгало № 31. За ним садятся еще две машины. Но террористы и на сей раз переиграли своих противников: они отказываются идти пешком и требуют автотранспорт. Предложенный полицией микроавтобус отвергают, он оказался мал. Им подали военный грузовик для перевозки людей.

Таким образом, план, разработанный штабом, рухнул в одночасье. Теперь надо было переносить всю операцию на авиабазу. Для этого следует успеть опередить террористов, перебросить снайперов, выбрать для них позиции, замаскировать их.

Но главная неожиданность еще впереди. Когда террористы с заложниками перед посадкой в вертолет стали выходить из автобуса, их оказалось... восемь человек. А снайперов всего пять.

Но размышлять некогда. Вертолеты поднялись в воздух и взяли курс

на авиационную базу Фюрстенфельдбрюк. В первых двух находились террористы с заложниками, в последнем — немецкие представители.

На авиабазе все прожекторы были выключены. Свет отбрасывали лишь окна контрольно-диспетчерского пункта да некоторые соседние здания.

Снайперы заняли свои позиции, но их всего пять. Даже при самом удачном стечении обстоятельств, если бы все террористы оказались в зоне огня, понадобилось бы как минимум столько снайперов, сколько и целей.

Когда вертолеты уже садились, полицейские, находившиеся в засаде, вдруг решили, что они недостаточно хорошо подготовлены, и потребовали отменить операцию. Они даже проголосовали за отмену операции. А старший группы заявил, что освобождение наверняка не удастся.

Снайперов удалось заставить работать, но это не изменило ситуацию. Они действительно были профессионально несостоятельны.

...Вертолеты замедляют ход, останавливаются. Из них выходят террористы и направляются к «Боингу»: они не находят в самолете экипажа и начинают кричать, возмущаться.

Внезапно вертолеты включают огни. Что это? Сигнал? Но кому? Полиция освещает взлетно-посадочную полосу прожекторами.

Начинается стрельба.

Снайпер, которому было поручено убить главаря террористов, не смог выстрелить. Ему помешала аэродромная опора. Пока он менял позицию, Днави удалось укрыться за вертолетом.

Второй снайпер тяжело ранил помощника Днави. Третий и четвертый снайперы открыли огонь по шести террористам, но удалось убить только одного из них.

Пятый снайпер не стрелял вообще, так как вертолеты сели не там, где намечалось. И он оказался на линии огня своего коллеги — полицейского, который находился на вышке. Как у других снайперов, у него не было ни бронежилета, ни каски, и он чувствовал себя словно раздетым догола.

Один из полицейских начальников позже признавался: «Снайперы оказались недееспособны. Я до сих пор сомневаюсь, были ли эти полицейские снайперами? Они ничего не видели. Они не видели целей. Неслыханно».

Последние новости, полученные из аэропорта в эти часы, были таковы: «Там настоящее пекло. Стрельба все еще продолжается. Полная неразбериха».

Главарь террористов снова был на ногах и отвечал огнем. В вертолете оставались бандиты и их жертвы.

Один из террористов, видимо желая покинуть поле боя, сделал рывок по направлению к пятому снайперу. Пока он бежал, снайпер сделал единственный за эту ночь выстрел. Пуля попала прямо в лицо бандиту.

Только что прибывшие на подкрепление полицейские приняли пятого снайпера за террориста и открыли по нему огонь. Рядом со снайпером пытался укрыться пилот вертолета. Оба были тяжело ранены.

Перестрелка продолжается. Террористам предлагают сдаться на английском, немецком и арабском языках.

В полночь в вертолете раздается взрыв. Это один из террористов бросает гранату внутрь вертолета. Там находятся четверо заложников. Машина горит.

Никто точно не знает, а теперь, видимо, и не узнает, в какой момент погибли остальные пять заложников.

Операция заканчивается полным провалом — все заложники, один немецкий полицейский и пятеро террористов погибли.

Странно, что примерно за час до этой бойни многие агентства, радио, телевидение передали сообщения о том, что операция прошла успешно, террористы уничтожены, а заложники, за исключением одного, живы и здоровы.

Что это было? Сегодня трудно сказать. Ведь так хотелось счастливого завершения операции. Возможно, кто-то из немецких официальных лиц поддался искушению и выдал желаемое за действительность.

Немецкие полицейские в ходе этой операции допустили несколько роковых ошибок.

Во-первых, место и время начала операции было выбрано неверно. В момент выхода из вертолета и осмотра самолета террористы были предельно отмотилизованы и собраны. Они понимали — это самый уязвимый участок пути.

Во-вторых, с территории базы не была удалена пресса. Подготовка к операции и перемещение полицейских транслировалось по телевидению.

В-третьих, снайперы оказались не готовы к ведению огня. Некоторые, не сумев преодолеть психологический барьер, так и не открыли огонь на поражение. У них не было связи с руководителями операции.

В-четвертых, кризисный штаб на протяжении всей операции недооценивал опыт и особенно готовность палестинцев пойти на крайние меры и пожертвовать собой.

В-пятых, огневое поражение было организовано непрофессионально. Заложники попали под двойной огонь — в них стреляли и террористы, и полиция, пытавшаяся уничтожить спрятавшихся за их спинами бандитов.

Остается только добавить, что трагедия, произошедшая в Мюнхене, всколыхнула весь мир. И тогда, возможно впервые, руководители европейских стран осознали, что удары палестинцев и ответы на них израильтян — это не этакий междусобойчик, не эскалация старого конфликта, а новое (хотя и порядком забытое) явление — международный терроризм.

Израиль начал крупномасштабную охоту на террористов во главе с боевиками «Черного сентября» Абу Юсефом и Али Саламехом по прозвищу «Красный принц».

Германия, Великобритания, Франция, Советский Союз, а позже и США создают свои специальные антитеррористические подразделения.

Эти подразделения ведут войну и поныне. Тяжелую войну. Со своими победами и поражениями. О них наш последующий рассказ.

ГОД 1974. СНАЙПЕРСКАЯ АТАКА КРИСТИАНА ПРУТО

Итак, в 1974 году ведущие европейские государства создали антитеррористические подразделения. У каждого такого подразделения, как у человека, своя судьба. Первым, кому устроила она экзамен на профпригодность, была Группа вмешательства национальной жандармерии Франции (ГИГН). Им пришлось принять бой уже через два года после создания — в 1976 году.

...3 февраля школьный автобус шел своим обычным маршрутом в пригороде Джибути. В салоне автобуса — дети французов, проживающих в этой африканской колонии Франции.

На одной из остановок в автобус вошли четверо темнокожих мужчин. Угрожая оружием, они выбросили водителя и направили автобус в сторону сомалийской границы. В салоне находилось двадцать восемь детишек. Самому младшему было семь лет, старшему — двенадцать.

А до границы рукой подать — два десятка километров. Проскочив их, автобус затормозил, не доезжая до французского пограничного поста Лояда. Напротив такой же пост, но уже сомалийский.

Вскоре о захвате автобуса стало известно властям Джибути. Приехал представитель, начал вести переговоры. Террористы назвались бойцами Фронта освобождения берега Сомали. Было известно, что Фронт ставил своей целью объединение Джибути с Сомали.

Бандиты, захватившие детей, выдвинули требование — освобождение из французских тюрем своих соратников. В случае невыполнения требования грозились убить детей.

Первое, что сделало командование французского гарнизона — выдвинуло к посту Лояда подразделения Иностранного легиона. Легионеры перекрыли дорогу армейскими грузовиками, отрезав таким образом захваченный автобус от сомалийского пограничного поста. Бронетранспортеры 2-го парашютного полка заняли огневые позиции.

Это все, на что способны были легионеры. Что делать дальше, не представлял никто. Чего нельзя делать, понимал каждый — нельзя штурмовать автобус. Террористы перестреляют детей.

Командование гарнизона успокоило бандитов и дало гарантию, что никто против них не применит силу. Более того, сообщило — вскоре к ним

доставят их «соратников по борьбе», привезут из Франции.

Переговорщики, разумеется, затягивали время.

Антитеррористическая группа ГИГН уже получила команду и готовилась к вылету. Вечером того же дня специальным самолетом девять бойцов подразделения во главе с капитаном Кристианом Пруто прибыли в аэропорт Джибути. Оттуда сразу же выехали на место событий.

Оценив обстановку, капитан Пруто понял, какую сложную задачу подбросили ему террористы. Все, чему он учился сам и учил своих бойцов, оказалось ненужным. Ни один тактический прием, доведенный на тренировках до автоматизма, здесь применить попросту невозможно.

Они находились в пустыне. Вокруг ровная, как столешница, территория. Метров на двести вокруг глазу зацепиться не за что — ни кустика, ни деревца, ни канавки. Как бы ты ни был искусен, на таком плато не замаскируешься. Это значит, незамеченным не подойдешь, не подползешь.

Атаковать в лоб тем более глупо. Как бы быстро его бойцы ни бежали эти две сотни метров, террористы успеют нажать на курок, уничтожить заложников. Да и их перестреляют как зайцев.

Крайне беспокоил Пруто и соседний сомалийский пост. Он не сомневался, в случае завязавшейся перестрелки сомалийцы помогут «братьям по революционной борьбе».

Усугубляла ситуацию жара. Дети и так провели в этой чудовищной духоте весь день. Второй день на беспощадно палящем солнце мог стать роковым.

Казалось, все против них, бойцов антитеррористической группы ГИГН, — террористы, природа, обстоятельства.

Оставался только один шанс. Возможно, и вправду он был одним из тысячи — использовать снайперов.

Кто-нибудь, прочитав эти строки, недоуменно пожмет плечами: что ж тут нового, какой шанс — работа снайперов известна давно.

Да, действительно, само желание уничтожить террористов выстрелами снайперов старо как мир. Но в том-то и дело, что и здесь Пруто попал в тяжелейшую ситуацию. Террорист был не один, а шестеро. Значит, их надо уничтожить одновременно. Но чтобы все шестеро в единую минуту оказались на линии огня — фантастика. Ведь и террористы, и дети — все постоянно перемещались по салону, а двое бандитов вообще почти все время находились с другой стороны автобуса.

Что ж, утро вечера мудренее, решил Кристиан Пруто и отправил своих бойцов хоть немного передохнуть, поспать. Ведь у них завтра трудный

день. Сам еще долго следил за автобусом в бинокль, запоминал лица, повадки террористов, их перемещения. Прикидывал, как расположить снайперов.

Ранним утром 4 февраля снайперы заняли свои позиции. Каждому стрелку командир определил террориста. Тогда еще у бойцов антитеррористических подразделений не было радиофицированных шлемов, и Пруто приказал микрофоны радиостанций прикрепить прямо к горлу, чтобы освободить руки.

Теперь оставалось только ждать. Ждать, пока из Парижа поступит разрешение открыть огонь.

В прицел своей винтовки первый снайпер видел дремавшего на заднем сиденье террориста. Второй снайпер не выпускал из сетки прицела автоматчика, который ходил взад-вперед по салону автобуса. Снайпер-три цепко держал на мушке бандита, стоявшего у водительского сиденья. Четвертому снайперу поручили часового у дверей автобуса.

Снайперы постоянно докладывали обстановку своему командиру. Но капитан Пруто молчал. Сигнала на открытие огня не было.

Медленно текли минуты, складываясь в часы. Крепко пекло солнце.

Пруто со своего наблюдательного пункта видел готовность снайперов открыть огонь. Но Париж настаивал: не стрелять, пока в автобусе находится больше одного террориста.

Внутри у капитана все кипело. Ведь может случиться так, что и не наступит тот благословенный момент, когда в салоне останется всего один бандит. Не дураки же они, в конце концов.

Мешали и дети, они то и дело ходили по салону, прикрывая собой террористов. Сами бандиты тоже не сидели на месте.

К счастью, террористы разрешили накормить детей. В еду добавили снотворное, и вскоре большинство детей уснуло. Их головы исчезли из окон автобуса.

Пруто вновь вышел на связь со столицей. Просил изменить «лимит» пребывания террористов в автобусе хотя бы до двух.

Его спросили, каково расположение бандитов на этот час. Он доложил: трое внутри автобуса, один — снаружи. Париж приказал ждать. Чиновники в высоких кабинетах боялись взять на себя ответственность.

Напряжение нарастало. Жара становилась невыносимой. Капитан Пруто понимал: сейчас или никогда. «Будь они прокляты, эти приказы», — выругался про себя командир ГИГН и приказал снайперам доложить о готовности к бою.

«Первый» к стрельбе готов... — услышал он в наушниках своей

радиостанции. — «Второй» готов... «Третий»... «Четвертый»... Все снайперы подтверждали свою готовность. В их голосах он слышал твердость и уверенность.

— Зеро! — скомандовал он. И через три секунды пули, выпущенные из снайперских винтовок, разнесли головы четверем террористам. Но снайперы продолжали нажимать на спусковые курки. Террорист на заднем сиденье принял три пули в голову, стоявший рядом с автобусом — четыре, оставшиеся двое получили по две пули.

Команда «Вперед!» бросила бойцов антитеррористической группы к автобусу. С револьверами в руках они старались как можно быстрее преодолеть открытое пространство. И тут подтвердились опасения Пруто: заработали пулеметы на сомалийском пограничном пункте. Бойцы упали на землю. Однако их товарищи были начеку — запасные снайперы открыли огонь, подавили пулеметные гнезда, уничтожив несколько сомалийцев.

Подроспели и бойцы Иностранного легиона. Как только появились их бронетранспортеры, снайперы вновь бросились к автобусу. В автобусе оставались дети, и где-то скрывался еще живой террорист. И тут они увидели его, бандит выбежал из-за автобуса, через заднюю дверь вскочил в салон.

Почти одновременно с ним в переднюю дверь запрыгнул боец группы ГИГН и едва не попал под автоматную очередь террориста, которая ранила учителя и несколько детей, сидевших на передних сиденьях. Капрал Иностранного легиона, ворвавшийся в автобус следом за бойцом группы, выстрелил в террориста несколько раз, но промахнулся.

Это дало возможность бойцу группы прийти в себя и точнее прицелиться поверх детских голов в террориста. Он сделал несколько выстрелов. Все пули попали в голову бандиту. Тот рухнул на пол.

В автобус ворвались еще несколько бойцов группы антитеррора. Они выбили окна и стали передавать детей в руки товарищей, которые рассаживали их в подошедшие армейские джипы.

В первом джипе увезли учителя и раненых детей. Следом за ним подальше из опасной зоны уехали и другие машины. К сожалению, по дороге в госпиталь скончалась одна девочка. Остальные остались живы.

Тем временем под прикрытием бронетранспортеров легионеры отогнали сомалийских солдат к посту, а потом и в глубь территории. Десять солдат и сержантов остались лежать у стен пограничного пункта. С французской стороны не погиб ни один участник этой операции.

Операция в Джибути стала боевым крещением французской антитеррористической группы. Она сразу получила статус классической. И

тому есть несколько причин.

Впервые в истории антитеррористических действий был применен прием, названный «снайперской атакой» или «залпом Пруто». Речь идет об одновременном открытии огня по всем видимым целям.

Важно отметить и тот факт, что решение о начале операции принял командир специального подразделения. На месте он лучше знал обстановку, чем официальные лица в далеком Париже. Сделал это профессионально — отдал команду в нужное время, что привело к несомненному успеху.

И наконец, эта операция показала важность взаимодействия подразделений разных силовых структур для достижения победы. В данном случае партнером бойцов ГИГН выступили солдаты Иностранного легиона.

ГОД 1976. «УДАР МОЛНИИ»

Иерусалим. 28 июня 1976 года. На доклад к премьер-министру Ицхаку Рабину вызваны министр обороны Шимон Перес и начальник штаба сил обороны Израиля генерал-лейтенант Мордехай Тур.

Несколько часов назад пришло известие. Вчера в небе над Грецией захвачен авиалайнер французской авиакомпании «Эйр-Франс», совершавший рейс по маршруту Тель-Авив — Афины — Париж. На борту 256 пассажиров и 12 членов экипажа.

Среди пассажиров оказались террористы. Они дали приказ пилотам лететь в Уганду через Ливию, Судан. Правящий в Уганде диктатор генералиссимус Иди Амин согласился принять самолет в аэропорту Энтеббе.

Сегодня в 3.15 захваченный авиалайнер сделал посадку в указанном аэропорту. Это все, что знали министр обороны и начальник штаба.

Генерал разложил на столе карту, и премьер-министр увидел уже нанесенный операторами штаба путь самолета. Синие стрелы пролегли от столицы Израиля над морем к Афинам, оттуда в Бенгази и дальше над территорией Ливии, Судана. А вот и Уганда. Ицхак Рабин наклонился над картой. Он разглядел очертания озера Виктория и столицу Уганды Кампалу. Начальник штаба рядом с Кампалой поставил точку — аэродром Энтеббе.

— Нда, не ближний свет, — задумчиво произнес премьер-министр. Он оторвался от карты и спросил у генерала: — Какие предложения?

Предложений у штаба было три. Для освобождения захваченных пассажиров высадить парашютный десант на Энтеббе, провести атаку через озеро Виктория на надувных лодках или направить самолеты на аэродром, захватить его и, уничтожив террористов, вывезти заложников по воздуху.

После долгих размышлений, анализа обстановки был утвержден третий вариант. Руководство всей операцией возложили на командующего воздушно-десантными и пехотными войсками бригадного генерала Дана Шамрона. Непосредственно штурмовые подразделения возглавил подполковник Ионатан Нетаньяху. Этого молодого командира знали и любили в армии, называли просто по-дружески Иони. Операция получила кодовое название «Удар молнии». Хотя теперь в различной литературе ее чаще называют как «Джонотан» или «Ионатан» по имени руководителя спецназа.

Сложность проведения операции состояла в том, что место, куда приземлился захваченный самолет, находилось на большом удалении от Израиля. Достаточно сказать, что топлива израильским военным самолетам хватило бы только для полета в одну сторону. Значит, возникала еще одна проблема — проблема заправки в Энтеббе. А если в Энтеббе по каким-то причинам не удастся заправить самолет? Стало быть, необходимо готовить вторую спецоперацию — захват аэродрома в Найроби (столица Кении), если кенийское руководство откажется сделать заправку добровольно.

Кроме трудностей, связанных с удаленностью от места проведения операции, были и другие отрицательные стороны. Например, размещение на аэродроме в Энтеббе наряду с гражданскими самолетами истребителей ВВС Уганды.

Следовало предусмотреть и то обстоятельство, что вблизи аэродрома располагался военный гарнизон, да и столица находилась под боком, всего в трех десятках километров.

Однако отступать перед террористами не в правилах израильтян. И подготовка к спецоперации началась.

30 июня немецкий террорист Вильфред Безе отделил заложников-евреев от остальных пассажиров. Заложники-неевреи были освобождены и на самолете отправлены в Париж. Генералиссимус Иди Амин объявил это своим личным успехом в переговорах с террористами. Израильтяне, подогревая его самолюбие, делали вид, что полностью полагаются на его посредничество.

Тем временем разведслужбы Израиля добывали все более точную информацию о заложниках, террористах, аэродроме в Энтеббе, а также истинных целях Иди Амина, его армии.

Удалось выяснить, что террористов семеро: пятеро — бойцы Народного фронта освобождения Палестины, двое принадлежат к западногерманской террористической организации «Баадер-Майнхоф».

Во время промежуточной посадки в Афинах сообщники террористов, переодевшись в форму работников аэропорта, доставили оружие на борт. Захватив самолет, бандиты выдвинули требование: «На борту корабля находятся несколько десятков пассажиров еврейской национальности. В обмен на них мы требуем выпустить из тюрем 53 палестинца из ООП, а также заплатить выкуп за самолет».

После посадки пассажиров разместили в старом, заброшенном здании аэропорта. Иди Амин вел свою безумную игру. Бывший боксер, сержант английской армии, пришедший к власти в 1973 году в результате военного переворота, решил использовать это драматическое событие для

укрепления собственного авторитета в странах третьего мира.

Он поддерживал террористов и после захвата самолета, прислал в помощь бандитам отряд солдат.

Что касается аэродрома в Энтеббе, то разведке удалось добыть данные от фирмы, которая строила там сооружения. Помогли и американцы, передав фотографии, сделанные со спутника.

В пустынном районе Израиля срочно была построена копия аэродромного городка в Энтеббе, и штурмовые подразделения начали тренировки.

Важную информацию израильская разведка получила и от пассажиров, которые были освобождены террористами и отправлены в Париж. Они рассказали, что на аэродроме расположились угандийские солдаты, а на боковых рулежках стоят истребители «МиГ-15» и «МиГ-17».

Подтвердили они и догадки израильтян о том, что симпатии угандийских властей явно не на стороне заложников. Значит, на помощь Иди Амина рассчитывать не приходилось. Более того, при осложнении ситуации он мог выступить в защиту террористов.

Учитывая все разведданные, сложившиеся обстоятельства, штабом была разработана спецоперация.

Генерал Дан Шамрон получил в свое командование добровольцев из 35-й парашютной бригады, группу разведчиков из бригады «Голани» и подразделение «Сайарет миткал».

«Моссад» также задействовал свою агентуру в Уганде и Кении.

Участники операции были разделены на несколько групп: штурмовая, блокирования, уничтожения, обеспечения, заправки.

Штурмовой группе предстояло осуществить захват здания аэропорта и освободить заложников, блокирующей — перекрыть вероятные пути подхода подразделений угандийской армии, группе обеспечения — снять часовых и патрули у здания терминала и провести зачистку территории, группе уничтожения — заминировать и подорвать угандийские «МиГи», дабы исключить в последующем преследование и воздушный бой.

Подразделение заправки должно было находиться в районе аэропорта столицы Кении — Найроби и обеспечить заправку самолетов. В случае отказа — захватить аэродром. Для этого израильские коммандос срочно осваивали специальность аэродромных заправщиков.

Сложнейшая задача стояла перед пилотами самолетов «Геркулес» и «Боинг-707». Им предстояло без помощи с земли, вслепую сделать посадку и взлететь с аэродрома Энтеббе.

3 июля кабинет министров Израиля принял окончательное решение на

проведение операции. Через час, в 15.00 с базы израильских ВВС «Офира» стартовали несколько самолетов: четыре «Геркулеса» и два «Боинга-707». В «Геркулесах» находились бойцы спецподразделений, а также их автомашины, оружие, боеприпасы.

В первом «Боинге-707» к месту операции перебрасывался штаб во главе с генералом Шамроном, узел связи. Этот летающий командный пункт должен был постоянно находиться в воздухе и координировать боевую работу всех групп.

Второй «Боинг-707» взлетел с авиабазы позже на два часа. Этот самолет переоборудовали под госпиталь с медицинским персоналом на борту.

Авиационное крыло израильской армии летело над водами Красного моря в режиме полного радиомолчания. Самолеты снизились на малой высоте, преодолели территорию Эфиопии и Кении. Опасения Израиля не оправдались: правительство Кении согласилось на перелет, а также на посадку и дозаправку в аэропорту Найроби.

Чтобы обмануть бдительность диктатора Иди Амина, ему сообщили, что Тель-Авив согласился на требования террористов и на аэродром в Энтеббе направляется самолет из Израиля с освобожденными из тюрем палестинцами. Как показали последующие события, дезинформация сработала.

Около полуночи транспортный самолет «Геркулес» сделал посадку в аэропорту Энтеббе. За первым самолетом приземлились остальные. Из главного «Геркулеса» выехал сверкающий черный лимузин в сопровождении двух военных джипов. Это вызвало замешательство угандийских солдат. Лимузин был точь-в-точь похож на автомобиль Иди Амина. Его хорошо знали в стране.

И этот отвлекающий ход сделал свое дело. Пока угандийские солдаты в растерянности соображали, что им делать с появлением на аэродроме Иди Амина, подразделения командос высадились из других самолетов и заняли позиции на взлетной полосе.

Черный «Мерседес» и джипы двинулись к аэродромному терминалу. Часовые, увидев лимузин диктатора, разинули рты: то ли салютовать, то ли отдавать честь? Но что это? Окна «Мерседеса» опускаются, и оттуда звучат глухие, едва слышные щелчки. Однако пули не достигают цели. Часовые бросаются наутек.

Спецназовцы покидают джипы и бегут к терминалу. Главное — ворваться внутрь. Разбуженные первыми выстрелами террористы встречают командос автоматным огнем.

Вбежавшие в терминал израильтяне криками на иврите и на английском предупреждают заложников, что они свои, и командуют упасть на землю.

Первые секунды боя самые горячие. Не пришедшие в себя террористы не могут оказать организованного сопротивления и в большинстве своем гибнут. Однако есть потери и среди заложников. Двое растерянных людей, как выяснилось позже, не знавшие ни английского, ни иврита (они говорили на идиш), не выполнили команду и попали под огонь.

С другого входа в терминал врывается еще одна группа спецназа. В одном из помещений они находят двух террористов и несколько заложников. В руке одного из палестинцев — граната. Он хочет бросить ее в штурмующих. Однако командос пытается опередить террориста, стреляет в него, но граната взрывается. Гибнут два бандита, ранены двое заложников. Из десяти минут, предназначенных по плану для захвата терминала, штурмовая группа тратит всего половину времени.

Другие группы спецназовцев действуют так же быстро, эффективно, расчетливо. Они захватывают диспетчерский пункт, радиоузел аэропорта. Два бронетранспортера перекрывают въезд на летное поле со стороны столицы, откуда возможен подход резервов противника.

Группа уничтожения из гранатометов и пулеметов открывает огонь по стоящим на запасных дорожках истребителям.

В это время в воздухе постоянно находится летающий штаб генерала Шамрона. Он координирует действия боевых групп.

На земле операцией руководит подполковник Иони Нетаньяху. Именно его выследил уцелевший в ходе боя угандийский солдат.

Незамеченный, из ночной темноты он успевает сделать всего один выстрел. Его тут же накрывают огнем, но пуля угандийца смертельно ранит командира спецназовцев.

Сорок минут хватило израильтянам, чтобы очистить аэропорт от террористов и угандийских солдат. Начинается эвакуация.

На 53-й минуте операции первый «Геркулес», приняв на борт освобожденных пленников, поднимается в воздух. За ним взмывают в небо остальные.

Кто-то из угандийцев выключает огни освещения взлетно-посадочной полосы. Самолет взлетает вслепую.

Операция «Удар молнии» длилась меньше часа — 58 минут. За это время из Кампалы подкрепление к аэродромной охране так и не подошло.

Самолеты взяли курс на Кению. Там, в Найроби, авиакрыло заправилося, раненым оказали медицинскую помощь.

А потом было возвращение домой, в Израиль.

Операция в Энтеббе стала крупным успехом антитеррористических сил. В ходе ее проведения были убиты все террористы, тридцать угандийских бойцов, сто солдат ранено. Уничтожено одиннадцать истребителей ВВС Уганды.

Погибли двое израильских спецназовцев — подполковник Нетаньяху и сержант Сурвин.

Из 103 заложников погибли двое. Третью, израильтянку Дору Блоч, которая еще до начала операции была помещена в угандийскую больницу с сердечным приступом, убили по приказу Иди Амина.

Эта операция, без сомнения, уникальна. Никакому спецназу в мире ни до, ни после не удавалось повторить успех израильтян. Через четыре года, в 1980-м, подобную операцию пытались провести спецслужбы США с участием подразделения «Дельта». Однако она закончилась полным провалом. Это говорит лишь о том, сколь трудна и опасна подобная миссия.

Какие же уроки вынес Израиль, а вместе с ним и другие страны, борющиеся с терроризмом, из проведенной операции «Удар молнии»?

Прежде всего важно, что на ее подготовку и проведение были брошены силы различных спецслужб и использовались все возможные разведисточники — агентурные данные, сведения космической разведки, чертежи и свидетельства сотрудников строительных фирм, широко использовалась дезинформация для введения в заблуждение противника.

Подготовка к операции велась в режиме особой секретности, достаточно интенсивно, с высоким моральным и нравственным коэффициентом полезного действия.

Сыграла свою роль и высокая обученность, профессиональная подготовка спецназа. Бойцы действовали четко и слаженно. Хорошим было взаимодействие различных родов войск — авиации, связистов, медиков, десантников, сил специального назначения.

Операция в Энтеббе показала мировой общественности политическую волю израильского руководства в достижении поставленной цели — защиты своих граждан по всему миру и нанесению ответного удара по террористам незамедлительно.

ГОД 1977. ПОЕЗД ЗАЛОЖНИКОВ

XX век можно с уверенностью назвать столетием воздушного терроризма.

По данным различных международных организаций, в 70-е годы в мире совершено 8114 террористических актов. Однако 80-е годы оказались неизмеримо более жестокими. Только за первые пять лет, с 1980 по 1985 год, количество терактов удваивается. И далее их число стремительно растет: в 1986 году — 774, в 1987-м — 832, в 1988-м — 856.

В этой горькой статистике ведущее место за воздушным терроризмом. С 1969 по 1987 год в результате терактов в гражданской авиации погибли 2188 человек.

Казалось, более удобного транспорта для террористов не сыскать. Однако у них своя логика. И потому в истории терроризма есть иные примеры. Захват поезда в их числе.

Брать в заложники пассажиров поезда вроде бы бессмысленно. В отличие от самолета, морского судна и даже автобуса, поезд ограничен в маневре, движется в определенном направлении. И тем не менее, как показывает практика, железнодорожные пассажиры могут стать заложниками, как и путешествующие на самолете.

Именно так и случилось в марте 1977 года, когда девять террористов из организации, называющей себя «Свободная молодежь Южно-Молукских островов», захватили поезд Ассен де Пунт в Северной Голландии и взяли в заложники 51 человека.

В это время еще четыре террориста этой же организации ворвались в среднюю школу в окрестностях Бовенсминде.

Молукцы — это выходцы из так называемой «Голландской Индии», то есть Индонезии. В начале 50-х годов прошлого столетия, после неудачной попытки восстания против индонезийского режима, примерно пятнадцать тысяч молукцев бежали с родины и осели в Голландии.

Находясь в весьма благополучной европейской стране, молукцы тем не менее не теряли связь с родиной. За двадцать лет выросло молодое поколение, и оно решило бороться и, таким образом, привлечь внимание мировой общественности к проблемам своей страны. В качестве оружия был выбран терроризм.

Первую акцию бойцы «свободной молодежи» предприняли в декабре 1975 года. Объектом для своего нападения выбрали... поезд. К тому

времени в мире были известны громкие захваты воздушных судов, но молукцы пошли своим путем.

Однако действовали они далеко не шаблонно. Шестеро террористов «подстраховали» своих товарищей и осуществили захват индонезийского консульства в Амстердаме.

Тихая, спокойная Голландия никак не ожидала, что у нее тоже есть террористы. После громкого террористического акта на Олимпиаде-72 в Мюнхене голландцам казалось, что терроризм как явление присущ их восточному соседу — Германии. А тут откуда ни возьмись свои, доморощенные террористы. И результаты теракта молукцев хоть и не такие кровавые, как в Мюнхене, но тем не менее двое заложников погибли.

Итак, захват поезда стал историческим прецедентом.

Позже, анализируя причины, по которым молукцы выбрали объектом нападения именно поезд, специалисты по антитеррору пришли к выводу: иного и быть не могло. Поезд — это транспортное средство, которое оказалось наиболее знакомым, привычным для молодых террористов. Там, где садятся и взлетают самолеты, — охраняемый аэропорт, проверка, а здесь никакого досмотра. В вагон можно, в сущности, пронести все, что угодно, в том числе и оружие, боеприпасы.

Таким образом, отсутствие должного опыта и возможностей по захвату охраняемых объектов, таких как аэропорт, толкнуло молукцев на проведение террористического акта на железной дороге.

Через два года после первого захвата они ударили второй раз. Жертвой стал электропоезд Ассен де Пунт.

В наборе требований террористов, как всегда, были освободительные лозунги и конкретные — выпустить из тюрем членов «свободной молодежи», отбывающих наказание за теракт 1975 года, предоставить самолет «Боинг» в аэропорту Амстердама.

Голландцы, в отличие от израильтян, были категорически против силовых действий и вновь пошли на переговоры. Однако беседы и уговоры доктора психологии Мюльдера, который представлял правительство, ни к чему не привели.

Через несколько дней в захваченной школе произошло массовое пищевое отравление детей. Сложно сказать, было ли это спланированной акцией голландских спецслужб или случайностью, но бандитам пришлось уступить. Из 110 заложников они выпустили 106 человек.

Однако террористы, захватившие поезд, вели себя самоуверенно, угрожали властям и уступать не собирались.

Медленно приходило осознание того, что не все можно решить в ходе

переговоров.

События с захватом поезда, разумеется, были под пристальным вниманием средств массовой информации. Когда оккупация поезда перевалила на вторую неделю, в прессе разгорелся скандал: журналисты узнали «меню» террористов. Оно было весьма разнообразным. Но особенно, что возмутило газетчиков, это большое количество сладостей — конфеты, пирожные, торты. Тут же раздались голоса, что власти бездействуют и кормят террористов деликатесами.

На мой взгляд, это был второй исторический прецедент. Пресса начала активное вмешательство в дела специалистов по антитеррору. Подобное вмешательство продолжается и поныне.

Да, средства массовой информации должны, обязаны рассказывать общественности о происходящем событии. Однако делать это надо осторожно, обдуманно, профессионально. Увы, надо признать, чаще всего происходит наоборот.

Так случилось и с голландской прессой. А ведь специалистам по антитеррору известно давно — повышение содержания сахара в крови снижает агрессивность. Что, собственно, и следовало доказать.

...Переговоры затягивались, шли все тяжелее и напряженнее. В правительстве, наконец, стали склоняться к штурму.

После событий в Германии на Олимпиаде 1972 года Голландия создала свое подразделение по борьбе с терроризмом. Однако, сформированное всего несколько месяцев назад, оно не имело соответствующей подготовки. Ставку решено было сделать на армию.

Проведение операции возложили на корпус морской пехоты Нидерландов, а точнее, на группу ВВЕ из роты W-«WHISKV». Отсюда и название этой группы, которая, кстати говоря, была неплохо подготовлена как к проведению специальных, так и антитеррористических операций.

Кроме подразделения ВВЕ «Виски» к освобождению заложников привлекались боевые пловцы из 7-й голландской группы СБС. Сделано это было неспроста. Невдалеке от того места, где находился захваченный поезд, проходили осушительные каналы.

Темной весенней ночью боевые пловцы по каналам подплыли к поезду, доползли до вагонов и установили специальные подслушивающие устройства. Высокочувствительная аппаратура реагировала на движение людей, а также на металлические предметы. Это дало возможность круглосуточно «слушать» террористов, отслеживать их местонахождение.

Кроме того, в ходе своего ночного рейда боевые пловцы установили под вагонами взрывчатку.

К концу трехнедельных бесплодных переговоров стала возникать опасная ситуация — у заложников появились первые признаки так называемого «стокгольмского синдрома».

В этом случае счастливый исход для себя заложники видят только в выполнении условий террористов, у жертв начинается сложный психологический процесс, когда они постепенно становятся на сторону преступников, симпатизируют им.

«Стокгольмский синдром» создает крайне опасный фон для проведения антитеррористической операции. Случается, заложники ведут себя иначе, чем ожидают от них спецслужбы.

С другой стороны, беспокоило и состояние самих бандитов. Они вели себя нервно, между ними вспыхивали конфликты, некоторые заявляли о том, что дело проиграно и пора расправиться с заложниками.

Наконец, голландцы приняли решение на штурм. Было это на 20-й день после захвата поезда. Ночью, накануне, используя аппаратуру ночного видения, бойцы антитеррористического подразделения «Виски» скрытно вышли к поезду и заняли исходные позиции.

Они уже знали численность террористов и места в вагоне, где те располагались. Помогла подслушивающая аппаратура, да и сотрудники миссии Красного Креста, которые доставляли пищу в поезд, многое рассказали о бандитах.

Время «Х» было назначено на 4.50 утра. Сигнал к штурму — пролет шести истребителей голландских ВВС над поездом. Когда «Старфайтеры» с грохотом и ревом низко прошли над вагонами, в поезде возникло замешательство: террористы невольно вскинули головы к потолку, бросились к окнам.

В это время прозвучали взрывы, которые выбили вагонные двери наружу. Бойцы группы «Виски» ворвались в вагон, бросая светозвуковые гранаты.

В перестрелке погибли двое заложников. Они, несмотря на призывы спецназовцев лежать, вскочили на ноги и попали под пули. Еще один заложник был ранен, в него успел выстрелить террорист.

В бою командос «Виски» уничтожили шестерых бандитов и трое сдались.

Атака школы в Бовенсминде, которая проводилась одновременно со штурмом поезда, также завершилась победой спецназа.

Обе операции неспроста синхронизировались по времени. Дело в том, что расстояние между захваченными объектами оказалось невелико и атаки следовало начать одновременно, иначе это могло иметь непредсказуемые

последствия.

Бойцы, штурмующие школу, также были хорошо подготовлены к операции — они изучили план школы, о террористах им поведали отпущенные школьники, велось постоянное подслушивание и наблюдение.

В этот момент, когда «Старфайтеры» громыхали над вагонами, бронетранспортер мощным ударом пробил одну из стен школьного здания. Спецназовцы ворвались внутрь. Четырех террористов удалось захватить врасплох. Трое из них безмятежно спали, четвертый, судя по всему часовой, дремал и не успел среагировать.

Заложники были напуганы, однако не получили даже царапины.

Как при штурме поезда, так и школы потерь среди бойцов подразделений специального назначения не было.

Что же касается уроков проведенной операции в Голландии, то первый из них таков: захват в заложники пассажиров поезда возможен, даже несмотря на, казалось бы, абсурдность и бессмысленность этой акции, в связи с полным отсутствием маневренности подобного вида транспорта.

Кстати, этот урок учили практически все спецслужбы ведущих стран мира. Теперь отработка объекта «вагон» является обязательной в программе подготовки антитеррористических подразделений.

Второй урок состоит в том, что впервые в практике проведения антитеррористических операций к переговорам был привлечен профессиональный психолог.

Он верно и точно построил диалог с террористами, и хотя переговоры не достигли успеха, доктор Мюльдер делал правильные выводы об их моральном и психологическом состоянии.

Третий урок — в слаженных действиях авиационных подразделений (отвлекающий маневр), боевых пловцов (разведка и обеспечение доступа в вагон) и группы «Виски» (штурм поезда).

Верно выбран момент штурма, ранним утром, когда сон человека особенно глубок и крепок. Самолеты в качестве отвлекающего фактора тоже весьма оригинальное решение. Этот прием позволил отличить террористов (которые смотрели вверх) от заложников. Это можно считать уроком номер четыре.

Следует отметить всестороннее обеспечение проведения операции — хорошее оснащение боевых пловцов, штурмующих групп. Использование высокочувствительной подслушивающей аппаратуры, направленных взрывов, светошумовых гранат, приборов ночного видения. Это пятый урок.

Однако в проведении операции были и свои минусы —

необоснованная надежда правительства на успех переговоров, затягивание их почти на три недели, что отрицательно сказалось на здоровье и психике заложников.

В целом же операция прошла успешно.

ГОД 1977. «МАГИЧЕСКИЙ ОГОНЬ»

Самолет «Боинг» немецкой авиакомпании «Люфтганза» совершал рейс из аэропорта Пальма на острове Майорка во Франкфурт-на-Майне. Прошел уже час полета, и под крылом проплывало прекрасное южное побережье Франции, когда дверь пилотской кабины распахнулась настежь и в проеме вырос мужчина с пистолетом в руке. Он истерично кричал, путая английские и арабские слова.

Командир корабля Юрген Шуман был опытным пилотом. Не желая получить пулю в голову, он согласился с требованиями террориста и направил самолет в Италию, в Рим, как и требовал захватчик.

В аэропорту Пальма на борт «Боинга» ступили 90 человек. Среди них оказались террористы во главе с капитаном Махмудом (как он себя назвал). Позднее стало ясно, что капитан Махмуд не кто иной, как известный палестинский террорист Захир Юссеф Апахе. Он потребовал освобождения из тюрем руководителей немецкой террористической организации «Фракция Красной Армии» (РАФ) и выкуп в 9 миллионов фунтов стерлингов. Махмуд кричал, что если требования не будут выполнены, то он взорвет самолет.

В серьезности намерений никто не сомневался. Террористическая четверка, захватившая авиалайнер, состояла из двух членов германской РАФ, известной своими бандитскими вылазками — убийством мэра Западного Берлина, похищением председателя правления корпорации «Даймлер-Бенц», и двух человек из Народного фронта освобождения Палестины (НФОП).

Вскоре «Боинг» сделал посадку на аэродроме Фючимино в Риме. Потребовалась заправка лайнера.

Улучив момент во время заправки, командир Юрген Шуман выбросил на бетонку символическое послание — четыре сигареты, связанные друг с другом веревочкой. Служба безопасности аэропорта, внимательно следившая за захваченным авиалайнером, послание нашла и расшифровала: на борту четыре террориста. Эти сведения были очень ценны. Теперь спецслужбы знали количество бандитов.

После взлета террористы приказали следовать на Кипр. Далее самолет делал перелеты и посадки в Бахрейне, Дубае, Южном Йемене.

Командир корабля Шуман продолжил свои попытки передать информацию о террористах. В Йемене, после дозаправки самолета, экипаж

под предлогом проверки исправности шасси вышел на летное поле. Здесь Шуман пытался договориться с йеменским солдатом и переправить сведения о бандитах, но военнотружущий так и не понял пилота.

Контакт Шумана с йеменским солдатом видел глава террористов. Когда командир экипажа поднялся на борт, капитан Махмуд объявил Юргена Шумана предателем и расстрелял на глазах у пассажиров. Управление «Боингом» взял на себя второй пилот.

По приказу террористов авиалайнер взял курс на Сомали. 17 октября самолет совершил посадку в столичном аэропорту Могадишо. Следом за ним сел спецсамолет, на котором прилетели федеральный министр Ханс-Юрген Вишнеуски, начальник департамента по борьбе с терроризмом Терхард Бойден, полицейский психолог Вольфганг Салеуски, а также руководитель антитеррористического подразделения ГСГ-9 Ульрих Вегенер. Это и был штаб по проведению операции.

Сразу же начались переговоры с террористами. Однако они были скорее отвлекающим маневром. Боннское правительство не собиралось выпускать из тюрем опаснейших террористов из организации Баадер-Майнхоф.

Командир ГСГ-9 Ульрих Вегенер вместе с офицерами сомалийских спецслужб провели рекогносцировку местности, на которой предстояло проведение операции по освобождению заложников.

По итогам рекогносцировки и оценки обстановки был разработан план спецоперации. Основными этапами этого плана явились: работа снайперов ГСГ-9 на исходных позициях и ведение ими наблюдения и разведки; выдвижение технической и штурмовой групп к месту проведения операции; организация отвлекающих действий, которые возлагались на сомалийцев; штурм авиалайнера, уничтожение или арест террористов; эвакуация заложников.

В 17.30. спецрейсом самолета авиакомпании «Люфтганза» в аэропорт Могадишо доставили бойцов подразделения ГСГ-9. Они были вооружены снайперскими винтовками «маузер-66», пистолетами-пулеметами «МП-5», приборами ночного видения, револьверами «смит-вессон», пистолетами «П9С».

Вместе с бойцами подразделения ГСГ-9 прилетели сотрудники английской антитеррористической группы САС — майор Алистер Морон и сержант Барри Дэвис. Со складов учебного центра САС «Пагода» они прихватили с собой ящик светотрумовых гранат.

К тому времени штаб получил добро из Бонна на проведение операции.

Примерно через час после прилета самолета бойцы ГСГ-9 были готовы к выполнению задачи — экипированы, вооружены.

Прошло короткое совещание, на котором уточнялись задачи каждой группы. Операции присваивалось кодовое название «Магический огонь».

Тем временем напряжение в переговорах нарастало. Главарь террористов впадал в истерику, кричал, что взорвет самолет.

Штаб, располагавшийся в башне контрольно-диспетчерского пункта аэропорта Могадिशо, принял решение сообщить террористам дезинформацию, якобы их товарищи освобождены из тюрем. Это снизило напряжение, и бандиты перенесли срок ультиматума на 2.30 18 октября.

В 22 часа снайперы выдвинулись на исходные позиции. Некоторым из них удалось подползти к самолету на 30 — 40 метров. С помощью приборов ночного видения они начали наблюдение за авиалайнером и террористами на борту. Обо всем увиденном докладывали в штаб проведения операции.

23.15. Выдвижение на исходные позиции начали штурмовые и технические группы.

Через четверть часа следует доклад — группы прибыли в район сосредоточения. Снайперы сообщают о нахождении террористов на борту самолета.

В 23.30 сомалийские подразделения провели тактический, отвлекающий маневр. Неожиданно в 100 метрах по курсу самолета вспыхнул огромный костер. Расчет чисто психологический — огонь отвлекает внимание, притягивает взгляд. И действительно, террористы поспешили в пилотскую кабину, чтобы разглядеть, что за костер вспыхнул впереди.

23.52. По команде штаба бойцы ГСГ-9 выдвинулись к самолету со стороны хвостовой части и заняли позиции под крыльями и корпусом. Тем временем Махмуд и его сообщники ожидают, что их «товарищи по революционной борьбе» находятся на пути в Восточную Африку.

00.05. Командир ГСГ-9 отдает приказ на штурм. Бойцы, взорвав двери и люки, бросают светошумовые гранаты и врываются в самолет. При штурме для сотрудников спецназа главное быстро двигаться друг за другом, поражая цели. Спецы ГСГ-9 разработали свой «фирменный» метод так называемого «буравного огня». Он заключается в стрельбе при движении, когда бойцы прикрывают друг друга и в то же время последовательно меняют положение, пока не подходят к противнику на расстояние выстрела в упор.

Бойцы ГСГ-9 приказывают заложникам спрятаться за кресла.

Уже через несколько секунд первые террористы были уничтожены.

Однако террористка-женщина открывает огонь из салона первого класса и бросает гранату. Потом, уже смертельно раненная, взрывает еще одну гранату. Осколками ранило несколько заложников.

На второй минуте штурма, несмотря на перестрелку, начинается срочная эвакуация пассажиров через задние двери и люки.

Еще одна террористка, спрятавшись в туалете, ведет стрельбу через двери. Однако она была быстро нейтрализована.

В 00.12 следует доклад на контрольно-диспетчерский пункт: четверо террористов обезврежено, заложники освобождены. Трое заложников ранены. Один боец штурмовой группы ранен в шею.

00.15. Эвакуация заложников закончена. Техническая группа ГСГ-9 проверяет самолет на наличие мин.

Через три часа спецподразделение ГСГ-9 вылетело домой, в Германию. Операция прошла с успехом. Бойцы группы стали национальными героями, коих не было в стране со времен Второй мировой войны.

Каковы уроки этой операции? Они есть. Как положительные, так, к сожалению, и отрицательные. Хотя вторых, разумеется, значительно меньше.

Итак, важно, что проведение операции было доверено специалистам, в частности командиру ГСГ-9 Ульриху Вегенеру. Федеральный министр Вишневски хотя и входил в штаб, но непосредственно в ход операции не вмешивался, а осуществлял организаторские функции, координировал работу немецких и сомалийских спецслужб.

Организаторы операции не стали ждать окончания штурма и дали команду на эвакуацию заложников сразу же после того, как спецназ проник на борт самолета. Это помогло избежать потерь среди пассажиров.

Костер, разожженный перед самолетом, еще раз доказал значимость фактора отвлечения внимания террористов. Теперь при подготовке любой операции по спасению заложников неотъемлемой ее частью является именно этот прием. Разумеется, делается это разными способами в зависимости от обстановки.

В ходе проведения операции были применены светозумовые боеприпасы. Они доказали свою эффективность и сегодня широко применяются в борьбе с террористами.

Что же касается минусов операции, то они тоже важны.

В Могадишо по существу впервые силы антитеррора столкнулись с женщинами-террористками, которые оказали яростное вооруженное

сопротивление, несмотря на применение спецбоеприпасов. Женская психика оказалась более устойчивой к внешним раздражителям. Они быстрее мужчин адаптируются и приходят в себя.

В то же время бойцы спецназа — мужчины оказались психологически не готовы без промедления открывать огонь по женщине. Годы борьбы с терроризмом доказали, что террорист не имеет пола, и промедление в открытии огня смерти подобно. Примером тому террористки-камикадзе, получившие ныне такое широкое распространение в мире, в первую очередь в Израиле и России.

Этот штурм также выявил низкую эффективность применения револьверов в операциях подобного рода. С тех пор бойцы ГСГ-9 револьверами не пользуются.

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о специальной операции «Магический огонь», проведенной в Могадишо.

ГОД 1979. ПОСЛАННИКИ ДЬЯВОЛА

Этот террористический акт члены саудовской фундаменталистской секты готовили несколько месяцев. Основой идеологии сектантов стало пророчество о приходе в Мекку посланника Аллаха, главной целью которого было «очищение» мусульман. Фанатики решили поторопить события и таким образом дать Саудовской Аравии, а если получится и всему мусульманскому миру, нового мессию. Разумеется, на эту роль претендовал один из сектантов.

Подготовка к теракту шла долго и тщательно. Была выработана тактика действий, просчитаны возможные ответные ходы саудовских властей, заготовлено оружие — пулеметы, гранаты, взрывчатые средства, а также продовольствие, вода. В подвалах мечети террористы развернули даже свой госпиталь с медперсоналом.

Секта возникла в 1973 году. К ее созданию приложили руку спецслужбы некоторых арабских государств, враждебно настроенные к Саудовской Аравии. Сектанты вербовали своих сторонников в рядах студенческой молодежи, в армии. Ко времени совершения теракта секта фундаменталистов пополняла и укрепляла свои ряды на протяжении шести лет и превратилась в достаточно сильную и сплоченную боевую организацию.

И вот настал день «икс». На землю мусульман должен был спуститься новый мессия. Пришел «час очищения».

20 ноября 1979 года многотысячная река паломников, словно гигантский людской водоворот, обтекает, кружится на площади внутри мечети вокруг святого камня — Каабе. Сейчас верующих особенно много, ведь ноябрь — святой месяц для мусульман.

Течет, «омывает» святой камень Каабе волна паломников. Каждый стремится попасть в центр водоворота. Никто не подозревает, что неизвестные люди, с красными повязками на рукавах одежды, уже занимают удобные позиции для стрельбы. В их руках автоматы, пулеметы.

Они открывают огонь по огромной толпе паломников. Людей столько, что промазать, выстрелить мимо невозможно. Начинается страшная бойня.

В панике паломники бегут из мечети. Сотни затоптаны обезумевшей от страха толпой. Террористы захватывают в заложники более 6 тысяч (!) человек. Всех загоняют в подвалы мечети.

Вскоре приходят тревожные известия из других районов страны —

некоторые из них захвачены вооруженными фундаменталистами. А когда перед дворцом короля взлетает на воздух автомашина, загруженная взрывчаткой, становится ясно — действует организация, теракты хорошо продуманы и спланированы.

Первое, что пытается сделать руководство Саудовской Аравии — спешно бросает национальную гвардию на штурм захваченной мечети. Как результат — атака отбита, среди штурмующих много потерь.

На следующий день — вновь повторение атаки через ворота мечети. Последствия еще более тяжелые.

Казалось бы, ясно — лобовыми атаками армейских подразделений террористов не возьмешь. Однако утром 22 ноября — новый штурм. В бой брошены три тысячи солдат при поддержке бронетранспортеров и вертолетов. Но неспроста террористы готовились так долго и тщательно. Открыв огонь из всех видов оружия, они вначале подбили три бронетранспортера, потом вертолет.

После новых потерь правительственные войска были отведены.

Саудовская Аравия оказалась в тупике. Своими силами она не в состоянии была справиться с террористами. И тогда король Халед обратился за помощью к президенту Франции Валери Жискар д'Эстену. Париж откликнулся быстро. Уже ночным рейсом 23 ноября в столицу Саудовской Аравии прилетели три сотрудника антитеррористического подразделения ГИГН во главе с капитаном Баррилем.

Миссия французов была суперсекретна. Ведь спецназовцы ГИГН — не мусульмане, и им нельзя появляться не только в мечети, но даже в Мекке. Однако в подвалах томились тысячи заложников, а в стране не успевали хоронить погибших. В такие минуты самые строгие религиозные постулаты отступают на второй план.

Поскольку планов мечети и в первую очередь ее подвальных помещений не существовало, по настоянию французских командос им дали разрешение самим провести рекогносцировку.

Соблюдая особую осторожность, французы въехали в город. Один неверный шаг, и они могли попасть в руки разъяренной, фанатичной мусульманской толпы. Однако все прошло благополучно. Спецназовцы выяснили, где находятся пулеметные точки, снайперы, гранатометчики. Удалось установить и группы террористов, которые контролировали заложников в подвалах мечети.

После анализа обстановки и дополнительной разведки капитан Барриль предложил свой план. Он был основан на двух факторах — подавлении всей мощью оружия правительственных войск огневых точек

террористов на верхних ярусах крыш и минаретов, а также применении во время штурма подвалов парализующего газа, действие которого имеет временный характер и не опасно для жизни и здоровья заложников.

План капитана группы ГИГН утвердили. Началась подготовка к проведению операции. Французские спецназовцы придирчиво и требовательно подошли к отбору лучших гвардейцев в штурмовые группы. Учитывались физические данные, психологическая устойчивость, профессиональная подготовка, владение оружием. Нужны были самые надежные. И такие вскоре оказались в составе штурмового отряда численностью 90 человек.

Теперь сотрудники ГИГН обучали саудовских гвардейцев умению пользоваться газометами (которые были присланы из Франции), взрывчаткой.

А напряжение нарастало. 27 ноября произошло трагическое событие. В этот день террористы решили отпустить тысячу паломников. У них в руках оставались еще пять тысяч.

Когда паломники вдруг неожиданно хлынули в ворота мечети, нервы у саудовских солдат не выдержали. Они посчитали, что это атака террористов, и открыли огонь. Часть паломников была убита.

Однако и этим «расстрелом» не ограничились. И новая волна паломников попала под град пуль.

Бездарный, кровавый просчет командиров нанес сильнейший удар по психике солдат. Некоторые из них перестали повиноваться.

Тем временем французские командос разделили штурмующий отряд на три части, и каждый из них занялся подготовкой 30 саудовских гвардейцев.

К 4 декабря все было готово к штурму. Отряд разбит на группы по три человека. В состав группы входит офицер и два солдата: один — газометчик, другой — связист.

Утром началась атака. Были взорваны массивные двери мечети, и группы бросились в подвал, где находились заложники и террористы. Завязался яростный бой.

Когда у первой группы закончился газ, ее сменила другая, потом третья.

Был устроен этакий непрерывный конвейер огня и газа. Расходование газа быстро возрастало. К счастью, из Франции, по просьбе сотрудников ГИГН, в Саудовскую Аравию было доставлено три тонны газа.

Четыре часа шли упорные сражения в подвале мечети. Только к 14 часам удалось сломить сопротивление террористов.

Бой наверху закончился несколько раньше.

Победа правительственным войскам далась нелегко. Национальные гвардейцы заплатили за нее высокую цену. Из состава штурмового подразделения более 100 человек были убиты и ранены. Из нескольких сотен террористов в живых осталось всего два десятка человек. Израсходовано огромное количество боеприпасов и парализующего газа. Велики потери и среди заложников, как от огня террористов, так и своих солдат и офицеров.

Эта антитеррористическая операция имеет свои уникальные особенности. Ее проведение показало низкий профессионализм саудовских национальных гвардейцев и в первую очередь в вопросах контртеррористической подготовки; необычайную сложность борьбы с террористами при массовом захвате заложников (это впоследствии подтвердили теракты в Буденновске, Первомайском, в «Норд-Осте» в Москве).

Впервые в мировой практике борьбы с террористами был применен парализующий газ. Учитывая масштабы объекта (многочисленные подвалы мечети в Мекке), огромное число заложников и террористов, оказалось израсходованным две тонны газа.

Свой высокий профессионализм и опыт подтвердили сотрудники французского антитеррористического подразделения ГИГН, которые разрабатывали операцию и занимались подготовкой саудовских национальных гвардейцев.

ГОД 1979 — 1980. ОРЛИНЫЙ КОГОТЬ

16 апреля 1980 года в Белом доме Президент США Джимми Картер собрал совещание. На нем присутствовали вице-президент Мондейл, госсекретарь Сайрус Вэнс, его заместитель Уоррен Кристофер, министр обороны доктор Браун, помощник по национальной безопасности доктор Бжезинский.

Они собрались, чтобы выслушать соображения военных — генералов Джоунса, Вота, Гаста и полковника Беквита по поводу плана освобождения заложников, которые с ноября прошлого года находились в руках иранских фанатиков, захвативших американское посольство в Тегеране.

Ждали Президента. И вот он вошел в зал совещания. Все встали, приветствуя главу государства.

Президент был в голубом пиджаке и серых брюках.

Инициативу в свои руки взял генерал Джоунс. Он представил Президенту подчиненных и дал слово командиру группы «Дельта» Чарльзу Беквиту.

«Атакующий Чарли», как звали в своих кругах Беквита, доложил план операции. Он был таков. Два эскадрона «Дельты», группа специально отобранных рейнджеров на трех самолетах С-130 «Геркулес» вместе с самолетами-заправщиками приземлялись в пункте, имеющем кодовое название «Пустыня-1». Оно находилось примерно в 30 минутах полета от столицы Ирана. Там некогда находился аэродром, и, по утверждению разведки, его взлетно-посадочная полоса вполне годилась для приема самолетов С-130.

Туда же прибывали восемь вертолетов «Си Стеллион», которые базировались на авианосце «Нимитц», находящемся в Персидском заливе.

После высадки бойцов «Дельты», рейнджеров и дозаправки вертолетов самолеты «Геркулес» возвращались на аэродром вылета, а вертолеты доставляли штурмующую группу в укрытие вблизи Тегерана.

С наступлением темноты агенты ЦРУ, заранее заброшенные в Иран, на шести грузовиках и двух джипах прибывали из Тегерана и перебрасывали бойцов в столицу.

Беквит сообщил, что собирается возглавить колонну на одном из джипов, чтобы контролировать последний участок движения по городу и вовремя оценить ситуацию в районе посольства.

Когда один из грузовиков подъедет к восточной стене посольства,

которая выходит на Рузвельт-авеню, бойцы заложат фугасный заряд и взрывом проделают пролом. Предполагается, что взрывная волна вышибет окна в близлежащих домах и вызовет панику среди местного населения.

— Каковы будут потери с нашей стороны? — спросил Президент.

За всех ответил генерал Вот:

— Сложно сказать, господин Президент. Возможно, шесть-семь человек из штурмующей группы будут ранены.

— Мои люди обучены убивать каждого, кто в этой ситуации держит в руках оружие, — добавил Беквит.

В разговор вступил Уоррен Кристофер:

— А что будет с охраной?

— Наша задача вывести охрану из строя.

— Что вы имеете в виду? Вы будете стрелять в плечо или куда?

— Нет, сэр, — ответил Беквит, — мы намерены стрелять в каждого дважды, прямо между глаз.

— Вы думаете, сумеете сделать это? В темноте, на бегу?

— Да, сэр. Мы обучались этому.

Полковник Беквит объяснил, что бойцы «Дельты» рассчитывают, что на территории посольства находится от 70 до 125 человек, не считая заложников. 20 — 25 человек будут охранять их на посту, остальные — спать в бараке, который «Дельта» возьмет под прицел своих пулеметов. Реальную угрозу представляют посты, охраняющие заложников. Их всех надо вывести из строя.

Беквит закончил доклад и сел.

Кто-то из собравшихся спросил:

— Каково будет ваше решение, господин Президент?

Картер на минуту задумался, потом сказал:

— Я бы не хотел проводить эту операцию, но у нас нет другого выхода. Нам не удалось освободить соотечественников с помощью «Красного Креста». Теперь мы намерены начать эту операцию.

Был намечен день штурма посольства — 25 апреля.

После совещания, когда все встали, Президент обратился к командиру группы «Дельта».

— Полковник Беквит, мне хотелось бы сказать вам несколько слов, прежде чем вы уйдете.

Все замолчали.

— Прошу вас исполнить две просьбы, — сказал Президент.

— Сэр, все, что от вас требуется, это назвать их.

— Мне бы хотелось, чтобы перед отлетом в Иран вы собрали ваших

людей и передали им мое послание. Скажите им, что в случае провала операции, все равно по каким причинам, виноват в этом буду я, а не они.

— Сэр, я обещаю вам сделать это.

— Вторая просьба. Если кто-то из американских граждан будет убит — то ли из числа заложников, то ли из группы «Дельта» — и если это будет возможно без дополнительных жертв, то привезите тела убитых.

На этом совещание в Белом доме завершилось. Позади осталась многомесячная подготовка, трудности, сомнения... А сколько их было... Начались они 4 ноября 1979 года в 7 часов утра. Один из офицеров позвонил Беквиту и сказал: «Вам будет интересно услышать, босс. В Иране захвачено американское посольство, наши дипломаты попали в заложники».

В этот же день весь отряд «Дельта» был собран в Форт-Брэгге. А в Вашингтоне теперь ежедневно рассматривались различные планы освобождения заложников.

Беквит, откровенно говоря, не думал, что могут использовать «Дельту». Как? Если просчитать самые простейшие, лежавшие на поверхности варианты, становилось ясно: затея с использованием группы антитеррора не более чем авантюра. Но в Белом доме сидят люди серьезные.

Так казалось полковнику. Ведь до Ирана огромное расстояние. А потом, над иранской территорией до возможной посадки надо пролететь почти тысячу миль и, наконец, напасть на сильно охраняемый объект — посольство, расположенное в центре четырехмиллионного города с враждебно настроенным к США населением.

Это не Могадишо и даже не Энтеббе. Это намного сложнее и опаснее.

Однако в штабе объединенного командования слухи использования «Дельты» циркулировали и как-то все более крепили. Однажды Беквит услышал прямо-таки идиотское суждение, мол, «Дельту» надо десантировать над Тегераном, а дальше они на машинах проследуют в посольство. Не иначе, как туристы.

Генерал Мейер как-то спросил мнение Беквита относительно возможности по спасению заложников с участием «Дельты».

Полковник, не вдаваясь в подробности, сказал лишь об огромных расстояниях до цели. Это подразумевало десятки сопутствующих вопросов — какие самолеты нужны для доставки бойцов, где они будут стартовать, где взлетать, заправляться и многое другое.

Однако генерал, судя по всему, не особенно задумывался об этих «сопутствующих вопросах». Он сказал тогда Беквиту:

— Вот что, Чарли, вам необходимо четко уяснить. Никто не будет планировать операцию за вас. Вы готовы или нет? Если вы не ответите на этот вопрос утвердительно, то так же будет проинформирован и Президент.

И полковник понял: отступать некуда. Но даже он не подозревал, какие трудности, а порой неразрешимые проблемы, ждут всех, кто ввязался в эту авантюру.

Для начала выяснилось — они мало что знали об Иране. А тут еще один офицер ЦРУ, работавший раньше в Тегеране, обрадовал. При встрече отвел в сторону и, оглядываясь, доверительно шепнул на ухо: «У нас там никого нет». Речь шла, разумеется, об агентуре.

А информация нужна была как воздух. И все-таки совместными усилиями удалось кое-что раздобыть, распознать, разведать. Нашли карты, создали модель здания посольства и прилегающей территории. На полигоне построили макет здания, начали тренировки.

Каждый день смотрели теленовости из Ирана, записывали их на видеомagnetофон и неоднократно просматривали. Узнавали много ценного. Например, какое оружие у национальных гвардейцев. Выяснили, что наружная охрана имела винтовки «Г-3», а внутренняя — пистолеты-пулеметы «Узи» и карабины «М-3».

Были ли у гвардейцев гранаты и дополнительные обоймы с патронами? Гранат, скорее всего, не было, а обоймы заметили.

Посольство располагалось в деловом районе, улицы вокруг многолюдные, здания достаточно высокие. Из них хорошо просматривалась территория посольства.

Интересовали бойцов «Дельты» и заграждения на дорогах при подъезде к посольству. Волновали их и позиции зенитных комплексов — ЗСУ «Шилка» советского производства. Эти установки, скорострельность которых достигала 6000 выстрелов в минуту, были опасны не только для самолетов и вертолетов, но и для наземных целей.

Однако самым главным по-прежнему оставалась проблема доставки «Дельты» в Тегеран и возвращение ее домой. И пока решение этой проблемы не было найдено. Изучалось каждое существующее в мире транспортное средство от парашюта до автобуса, от грузовика до самолета.

Наконец после долгих споров пришли к выводу — надо использовать вертолеты. Однако и тут возникало сразу несколько проблем. Какие вертолеты использовать? Какова их надежность, нагрузка, дальность полета?

Важнейший вопрос — топливо, дозаправка туда и обратно.

Родилось вполне здоровое предположение — вертолеты в определенное

место доставляют самолеты. Но где это место?

Вскоре разведка доложила — есть такое место между Тегераном и святым городом Кум, в пустыне, в местечке под названием Манзарийе. Старый, заброшенный аэродром, но взлетно-посадочная полоса вполне пригодна для приема транспортных самолетов.

Правда, в этом районе было расквартировано иранское военное инженерное подразделение, но оно не в счет. В конце концов при необходимости аэродром просто захватывали рейнджеры и удерживали до эвакуации заложников.

Потом возникли вопросы с экипажами вертолетов. Обычные морские пилоты не имели опыта участия в подобных спецоперациях. Впрочем, таких пилотов ни в одной службе не было вообще.

Генерал Вот и полковник Беквит полетали с вертолетчиками ВМС. Вскоре стало ясно: они не годятся. Более того, пилоты начинали догадываться, в какой операции им придется участвовать, и, как сказал психолог «Дельты», «ребята совершенно не надежны».

Жизнь подтвердила правильность выводов психолога. Один из пилотов через несколько дней вообще прекратил полеты и признался, что боится предстоящей задачи.

Из всего состава морских летчиков остался один. Он продолжил тренировки, остальные, дав подписку о неразглашении, убыли к местам своей прежней службы. Их заменили другими, из морской пехоты.

Пилотам действительно было тяжело. Раньше они летали практически в идеальных условиях. Теперь большинство полетов совершалось ночью, низко над поверхностью земли, без огней.

Стали подсчитывать, сколько же вертолетов необходимо для выполнения задачи. Исходя из расчета примерно в 120 человек (бойцы «Дельты», вспомогательный персонал — водители, переводчики с фарси), получалось 6 вертолетов. Но старый военный закон, проверенный во Вьетнаме, гласил: из-за ненадежности этих машин там, где расчет на два вертолета, надо иметь три.

Значит, для проведения операции необходимо минимум восемь вертолетов.

И еще одно обстоятельство. После взятия посольства бойцы «Дельты» вместе с освобожденными заложниками должны были направиться по проспекту Рузвельта вдоль восточной стены дипкомплекса на футбольный стадион. Далее их предстояло эвакуировать вертолетами. Отсюда следовало, что пилоты обязаны научиться садиться и взлетать с поля стадиона.

Четверо бойцов «Дельты» прошли специальную, так называемую «иранскую подготовку». Им предстояло убить в Иран раньше штурмующей группы. Они изучали местные обычаи, план города, название улиц столицы, работу городского транспорта, денежную систему Ирана.

Так проходили дни, недели. А команды на проведение операции не было.

27 марта «Дельта» провела очередную тренировку на макете посольства и возвратилась в Форт-Брэгг. Тренировкам был потерян счет, жизнь превращалась в нудный повтор одних и тех же команд, приемов. Бойцы ворчали.

Но вот пришли хорошие новости — полет в Иран одобрен. Операции по освобождению заложников присвоено кодовое название «Орлиный коготь»

Вертикаль командования построена таким образом. На площадке приземления, в Манзарийе («Пустыня-1») действиями бойцов руководят полковники Джим Кайл и Чарльз Беквит, в Египте — генерал Вот, в комитете начальников штабов — генерал Джоунс и над всеми — Президент США Джимми Картер.

Вечером 19 апреля группа «Дельта» была поднята по тревоге, утром на следующий день прибыли самолеты, чтобы забрать бойцов.

Полковник Беквит выступил перед группой, сказал, что «мы летим в Иран», и зачитал личное послание Президента.

«Дельта» погрузилась в автомашины и колонна выехала на военно-воздушную базу. Взлет и, как говорят пилоты, «колеса в воздухе».

Глубокой ночью транспортные самолеты «Геркулес» приземлились на военном аэродроме во Франкфурте-на-Майне, в Германии. Новые экипажи заняли свои места на борту. К «Дельте» присоединилась группа в 13 человек специалистов, которые были тщательно отобраны и подготовлены, чтобы помочь при штурме посольства.

Теперь «Дельта» выросла до 132 человек, включая 12 водителей, 12 дорожных наблюдателей, переводчиков.

Утром 21 апреля авиакрыло «Геркулесов» приземлилось уже в Египте на аэродром Вади-Кена, выбранный основной оперативной базой группы.

Их встретила египетская жара. Ночью бойцы «Дельты» пристреляли оружие, заточили ножи. К 15.30 24 апреля «Дельта» была готова к вылету в Иран.

Весь личный состав одет в джинсы, высокие армейские ботинки и черные бронежилеты. На правом рукаве каждого бойца нарукавный знак с изображением американского флага. До поры до времени он заклеен

лентой. Перед штурмом лента должна быть сорвана.

На головах бойцов — темно-синие шапочки, которые носят морские пехотинцы.

В 18.00 первый самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы и взял курс на Иран, в точку «Пустыня-1». На борту находились полковники Чарльз Беквит, Джеймс Кайл и его группа боевого управления, группа дорожного наблюдения, майор Карни и группа «Голубая».

Самолет летел над Оманским заливом на низкой высоте. Командир «Дельты» вглядывался в лица своих бойцов. О чем думал он в те минуты? Беспокоился о заложниках, опасался огня иранских «Шилок», переживал за исправность вертолетов? Кто знает... Да мало ли о чем болит душа у командира перед началом боевой операции. Тем более такой, беспрецедентной операции.

На полпути к пункту «Пустыня-1» полковник Кайл подал Беквиту условный знак. Это означало, что все восемь вертолетов взлетели. Операция началась...

В 22 часа самолет Беквита и Кайла был на подлете к пункту «Пустыня-1». «Геркулес» успешно произвел посадку.

Командир «Дельты», группа «Голубая» покинули самолет. Светила огромная луна. И вдруг на дороге, которая проходила рядом со взлетно-посадочной полосой, замелькал свет фар, и вскоре подъехал автобус «Мерседес», полностью загруженный пассажирами.

Автобус остановился, бойцы «Дельты» окружили его, высадили пассажиров. Их оказалось сорок пять человек. После обыска к ним приставили охрану.

Это была первая, но далеко не последняя неприятность.

Беквит посмотрел на часы. По расчетному времени вертолеты должны были появиться через четверть часа.

Развернули станцию космической связи. Радист «Дельты» запросил агентов, которые находились в укрытии в районе Тегерана. Агенты были готовы к работе. Это радовало.

Но не радовало другое — вертолеты не появились ни через четверть часа, ни еще через полчаса.

Стало ясно, что «Дельта» прибудет в район укрытия только после восхода солнца.

Прошло еще пять минут. Генерал Вот из Египта сообщил: вертолеты на подлете. Наконец приземлился первый, долгожданный вертолет. Это была машина майора Джеймса Шоффера — высококлассного пилота, прекрасного специалиста. Однако, когда Беквит спросил, как дела, майор

странно посмотрел на полковника и сказал, что, будь его воля, он перегрузил бы все из вертолетов в самолеты и улетел обратно.

Позже Чарльз Беквит напишет: «Я похлопал ободряюще его по плечу. Тогда я не понимал, что пришлось пережить этому человеку».

А ведь и вправду многое пришлось пережить...

Вертолеты во время движения столкнулись с доселе неизвестным феноменом погоды, называемым в Иране «хабуб». Это явление, когда в воздух поднимаются мелкие частицы пыли, и видимость становится практически нулевая. Пришлось продолжать полет только по приборам. Что и говорить, он превратился в жуткий ночной кошмар.

Как выяснилось позже, все это можно было предупредить, если бы... Если бы экипажи перед полетом не сняли с радиостанции блоки, обеспечивающие скрытность работы связи, если бы средства связи, установленные на самолете С-130 и на вертолетах, оказались совместимыми, если бы на инструктаже перед вылетом офицер разведки не дал пилотам указание держаться ниже 60 м во избежание обнаружения иранскими радарам...

Если бы, если бы... Но случилось то, что случилось.

Один вертолет выбыл из строя из-за поломки ротора. Его экипаж подобрал идущий следом вертолет.

У вертолета полковника Питмена возникли проблемы с приборами, и он повернул назад, через бушующую пыльную бурю на «Нимитц». Итак, путь продолжали уже шесть вертолетов из восьми.

Только пять машин дождался Беквит. С опозданием на полтора часа приземлился вертолет Сайферта, командира группы. Потеря — два вертолета. Однако Беквит еще уверен в успехе операции.

Начинается погрузка. И тут полковнику сообщают, что один из вертолетов не может лететь: у него неисправность в гидравлической системе.

Беквит был вне себя. Он кричал, ругался, но понимал, действовать с пятью вертолетами нельзя. Полковник выходит на связь с генералом Вотом и объясняет ситуацию.

Но тот отвечает: надо рассмотреть вопрос о том, как действовать с пятью вертолетами. Поразительно! Ведь все и в штабе, и в «Дельте» знают если останется пять вертолетов, то операция будет отменена. Это прекрасно знает и генерал Вот. И тем не менее давит. Но как лететь на пяти вертолетах? Надо высадить 20 бойцов. Где, кого? Затем вертолеты улетают в горы, в укрытие. А если еще один выйдет из строя, как уже сложились три? Как вывезти на оставшихся машинах 53 заложника, команду «Дельта»

с приданными людьми? А если кто-то будет убит или ранен?

«Нет, надо действовать по плану», — решил Беквит.

Полковник Кайл еще раз спросил, каково решение командира.

— «Дельта» летит домой... — ответил Беквит и подал команду покинуть вертолеты.

Бойцы начали погрузку в самолеты. На часах было 2.40. Пилоты запустили двигатели самолетов. Вокруг машин поднялись пыльные вихри. Видимость ухудшалась. Один из вертолетов, совершая маневр, задел лопастями самолет-заправщик. Брызнули искры, и огненный шар взметнулся в ночное небо.

Беквит подумал о группе «Голубая»: она начала погрузку в этот самолет. К счастью, всей группе удалось спастись, вовремя покинув борт машины.

Полковник вернулся к своему самолету, поднялся на борт. Аппарель сразу поднята, люк закрыт. Машина пошла на взлет. Было почти три часа утра. «Дельта» покидала пункт «Пустыня-1». Самолет летел над водами Оманского залива.

Все оказалось напрасным. Операция закончилась полным провалом.

...На следующее утро в Тегеране беснующаяся толпа выбросила на площадь перед посольством США восемь трупов американских летчиков.

О причинах провала этой, пожалуй, самой «громкой» спецоперации ушедшего века написано много. Названы десятки причин. Однако хочется выделить главные, основные:

— Чарльз Беквит не был свободен в принятии решения. В силу своего воинского звания, пусть и являясь профессионалом высокого класса, он не имел возможности подбирать для проведения операции лучших пилотов вертолетов.

После провала операции «Орлиный коготь» в военном ведомстве США были сделаны соответствующие выводы и в ВВС развернуты спецподразделения, оснащенные самой современной техникой и ведущими специалистами-профессионалами, которые доставляют спецназ в любую точку планеты.

— Оперативное обеспечение спецоперации со стороны ЦРУ было неудовлетворительным. Посадочная площадка «Пустыня-1» выбрана неудачно, рядом с оживленной трассой.

За 4 часа 46 минут пребывания на этой площадке, кроме автобуса с пассажирами, который остановили спецназовцы, им пришлось расстрелять из подствольного гранатомета бензовоз и пытаться безуспешно догнать микроавтобус.

— Плохая координация действий разных родов войск и сил (несовместимость средств связи самолетов С-130 и вертолетов; снятие с радиостанций блоков, обеспечивающих скрытность связи; отсутствие прогнозов и особенности погодных условий в местах проведения спецоперации).

— Неверная оценка американцами своего противника — иранцев. Возможно, отказавшись от дальнейшего проведения операции, полковник Чарльз Беквит спас свое подразделение и заложников от еще большей трагедии и кровопролития.

Весьма проблематично находиться около полутора суток во враждебной стране и добиться успеха в центре многомиллионного города, пышущего ненавистью к США.

Руководители группы получили ошибочную информацию, что в условиях режима Хомейни люди в страхе сидят дома, а улицы пустынные. Даже автотрасса, расположенная далеко в пустыне, доказала обратное. А уж улицы Тегерана в мгновение ока заполнялись в те годы многомиллионной толпой.

Представляю, что в этом случае ожидало горстку бойцов спецподразделения «Дельта» и заложников. К счастью, этого не случилось.

ГОД 1980. «ЭТОТ ШТУРМ ВСЕЛЯЕТ ГОРДОСТЬ...»

Утром 30 апреля 1980 года к зданию иранского посольства в Лондоне на Принцес-Гейт, 16, подошли шестеро мужчин. Внешне они ничем не отличались от других посетителей посольства. Одежда их была плотно запахнута, но в том не было ничего особенного — дул холодный весенний ветер.

У входа в диппредставительство в этот день службу нес британский констебль Тревор Лок. Окинув взглядом подошедших мужчин, полицейский узнал в них выходцев с арабского Востока. Такие лица он видел сегодня с раннего утра.

Констебль открыл перед посетителями дверь и в следующую минуту получил удар в лицо. Он почувствовал, как первый вошедший навалился на него, пытаясь завладеть оружием полицейского.

Лок оказался крепким парнем, отбросил нападавшего, захлопнул изнутри дверь и надавил тангенту рации, вызывая подмогу. Снаружи затрещали выстрелы, зазвенели выбитые стекла, и вскоре дверь была взломана. Налетчики, угрожая оружием, ворвались в вестибюль посольства.

Террористы дали очередь по стенам и потолку, возвещая о том, что на посольство совершено вооруженное нападение. Внутри находились сотрудники и посетители диппредставительства. Теперь все они стали заложниками.

Угрожая взорвать посольство со всеми заложниками, группа «мучеников веры» из революционного Фронта освобождения Арабистана потребовала дипломатического признания так называемой независимой Республики Арабистан на юге Ирана, а также освобождения из тюрем узников из числа этой организации.

После освобождения заключенных власти Великобритании должны были обеспечить террористам безопасный вылет из страны. Однако Иран полностью переложит всю ответственность на плечи британского правительства. И тогда премьер-министр Маргарет Тетчер примет жесткое решение: никаких уступок террористам.

Сложность ситуации состояла еще и в том, что буквально несколько дней назад сокрушительный провал потерпела американская «Дельта»,

пытавшаяся вызволить заложников из посольства в Тегеране. Весь мир обошли страшные кадры — тела погибших летчиков, сгоревшие обломки самолета и вертолета в пустыне и толпа ликующих религиозных фанатиков в столице Ирана. И вот теперь вновь Иран — на устах у всех, на первых полосах газет, на экранах телевизоров, только уже здесь, в сердце старой, доброй Британии, в Лондоне.

«Успех необходим, как никогда», — произнесет «железная леди» — Маргарет Тетчер.

Это понимали все: члены кризисного комитета «Кобра», вырабатывающие стратегию предстоящих действий, бойцы 22-го полка САС, которым предстояло штурмовать посольство.

А штурм, похоже, был неизбежен. К нему активно готовились сотрудники антитеррористического подразделения. В расположенных неподалеку за Риджент-парком армейских казармах был построен макет посольства в натуральную величину, воспроизводивший точную планировку этажей и комнат захваченного здания. Таким образом, бойцы САС отрабатывали свои действия в условиях, максимально приближенных к реальным.

Тем временем переговорщики терпеливо уговаривали, увещевали террористов. Лидера группы Ауна Али Мохаммеда (которому был присвоен псевдоним Салим) удалось убедить освободить двух заложников, один из которых был сотрудником Би-би-си. В обмен на это он получил обещание, что в качестве посредников выступят послы арабских стран, а его требования будут переданы в эфире Би-би-си.

Однако в эфир они попали в крайне урезанном виде. Салим был вне себя и грозился убить заложника. Однако пока он свои угрозы не выполнял, бойцы САС продолжали свою подготовку, а переговорщики тянули время.

Это надо было еще и для того, чтобы накопить как можно больше информации о происходящем в посольстве. Ведь обстановка внутри здания оставалась неясной. Освобожденные заложники рассказали, к примеру, что захваченных людей постоянно перемещают из комнаты в комнату, два террориста — всегда на посту, бодрствуют. Стало быть, предстояло терпеливо ждать, накапливать информацию, затягивать переговоры.

Вскоре был разработан и утвержден план освобождения заложников, получивший кодовое название «Нимрод». В основу этого плана положен метод, так называемого, «дробного штурма», когда атака осуществляется с разных сторон, с использованием светошумовых гранат.

Сотрудники спецподразделения провели подготовительные работы: разобрали кирпичную стену, отделяющую территорию королевского

колледжа медсестер от посольского сада, оставив лишь декоративную перегородку, ночью установили электронные подслушивающие устройства, заложили в оконные рамы пластическую взрывчатку.

Все эти дни в соседних, примыкающих к зданию посольства домах, работали группы наблюдателей, отслеживающие передвижения в комнатах диппредставительства.

Замысел штурма состоял в следующем. Атакующее подразделение делилось на две команды — «красную» и «голубую». «Красные» должны идти сверху, с крыши, «голубые» — снизу, из подвала и нижних этажей посольства. Были оговорены и проработаны все детали операции, вплоть до маршрута вывода заложников, места их идентификации, выноса тел погибших.

...5 мая наступила развязка. Вымотанные длительными переговорами террористы были на пределе. Когда в полдень Би-би-си передало сообщение о том, что на переговорах с послами нет прогресса, руководитель террористов Салим позвонил переговорщикам-полицейским и прокричал в трубку:

— Больше говорить не о чем. Мы убиваем заложника.

В подтверждение этих слов в здании посольства прогремела короткая автоматная очередь. В следующую минуту команды САС были готовы начать штурм, но «Кобра» молчала. Там хотели убедиться, не блефует ли Салим.

Подтверждение появилось ближе к вечеру. Около 19 часов в посольстве вновь раздались выстрелы, и на ступени главного входа было выброшено бездыханное тело пресс-атташе посольства Аббаса Лавазани.

Звонок из резиденции премьер-министра Великобритании с Даунинг-стрит, 10, положил конец колебаниям «Кобры». Комиссар полиции центрального округа передал полномочия командиру САС Майклу Роузу. Теперь от них, бойцов группы антитеррора, зависела жизнь заложников и престиж Великобритании.

В 19.20, получив приказ на штурм, «красная команда» начала спуск с крыши. Три группы по четыре человека должны были ворваться во внутренние помещения через окна третьего и четвертого этажа, пятой группе, проломив стеклянную крышу, предстояло спуститься и очистить верхний этаж.

Не повезло «красным». Один из сасовцев запутался в веревках и выбил окно на третьем этаже посольства.

Бойцы «голубой команды» перебрались с соседнего здания на балконы второго этажа главного фасада и заложили заряды под рамы балконных

окон с пуленепробиваемыми стеклами. Вторая четверка бойцов команды «голубых» пробивала себе дорогу кувалдами, пытаясь проникнуть через окна первого этажа с тыльной стороны здания.

Встревоженный шумом на балконе третьего этажа, появился террорист с автоматом «Скорпион». Он был убит выстрелом снайпера.

В это время прозвучали взрывы, оконные рамы вылетели, и бойцы ворвались внутрь. В одной из комнат они увидели борющегося констебля Лока с главарем террористов. Бойцы оторвали заложника и расстреляли террориста, который был вооружен пистолетом и гранатой.

Группа бойцов «красной команды» ворвалась в большую комнату, где прежде удерживались заложники. Но здесь их уже не было. Террористы загнали пленников в комнату телексной связи и заперли двери.

Пока спецназовцы ломали двери, террористы начали стрелять в заложников — один был убит, двое ранены.

Первый ворвавшийся в телексную комнату боец САС одним выстрелом уложил террориста, трое других бандитов стали прятаться за спины заложников, пытаясь смешаться с толпой.

Огонь быстро распространялся по зданию, отрезая пути отхода. Надо было немедленно эвакуировать заложников. Времени не оставалось для того, чтобы проверить и пересчитать освобожденных людей.

И вот уже первая группа спускается по лестнице. Немного рассеялся дым, газ, и тут только что освобожденные заложники увидели в своих рядах террориста.

— Бандит! Террорист! — раздались крики, и боец антитеррора увидел смуглое арабское лицо, перекошенное от страха и злобы.

Стрелять в толпу было нельзя, и он ударом приклада сбивает его наземь и приканчивает автоматной очередью.

Еще один террорист, Али Абдулла, выявлен уже во дворе, когда спецназовцы стали осматривать освобожденных заложников. Он единственный остался в живых и был осужден к пожизненному заключению.

В 19.53 все заложники покинули здание, и бойцы САС передали полномочия полиции, выполнив свою работу.

Позже будут поздравления от правительства, триумф доселе мало кому известного подразделения САС, а Маргарет Тетчер, выступая в палате общин, скажет слова, облетевшие весь мир: «Этот штурм вселяет в англичан гордость за свою нацию».

Победа британского антитеррористического подразделения послужила грозным предостережением мировому терроризму.

Что же касается уроков операции «Нимрод», то они таковы:

1. Исключительно важно взаимодействие всех силовых структур, а также единое руководство со строгой подчиненностью и дисциплиной, как в данном случае кризисному комитету «Кобра».

2. На время проведения операции англичане установили цензуру для средств массовой информации. Это сыграло огромную положительную роль.

3. Переговоры вели хорошо подготовленные специалисты. Время переговоров было полностью использовано для сбора информации и подготовки к штурму.

4. При проведении операции широко использовались специальные средства — светозумовые гранаты, слезоточивый газ, отвлекающие взрывы.

5. В качестве недостатка можно отметить потерю внезапности из-за запутавшегося в веревках сотрудника подразделения САС.

ГОД 1981. САРАПУЛ. ПЕРВЫЙ ШАГ

17 декабря 1981 года в 13.30 в г. Сарапул Удмуртской АССР военнослужащие в/ч 13977 рядовые Мельников А.Г. 1962 г . рождения и Колпакбаев А.Х. 1960 г . рождения, оба члены ВЛКСМ, покинули пост и, вооруженные двумя автоматами Калашникова со 120 патронами, в средней школе № 12 захватили в качестве заложников 25 учеников 10 класса, выдвинув требование выдать заграничные паспорта и визы на выезд и отправить самолетом в США или любую другую капиталистическую страну, угрожая в противном случае расстрелять заложников.

В город Сарапул были направлены сотрудники спецподразделения 7-го управления для пресечения этой преступной акции. Руководство операции было возложено на заместителя Председателя КГБ СССР генерал-полковника Чебрикова В.М.

Личный состав спецподразделения 7-го управления в 00.30 прибыл к месту происшествия.

В результате переговоров с преступниками в 19.40 они освободили 15 учениц, а позже, в 21.20, еще троих. К моменту прибытия спецподразделения обстановка характеризовалась следующими элементами.

Преступники с оружием наготове удерживали 7 заложников, продолжали оставаться в закрытом изнутри классе, расположенном на втором этаже здания школы, два окна из трех которого были экранированы щитами.

Во исполнение требований преступников им были выписаны заграничные паспорта. Район происшествия контролировался военнослужащими конвойного полка внутренних войск. Класс, где находились преступники, и подступы к нему были блокированы оперативным составом местных органов Комитета госбезопасности и военнослужащими полка МВД, дислоцирующегося в г. Сарапуле.

...»Сарапул» — первая антитеррористическая операция, проведенная в послеафганский период. Сейчас сотрудники группы «А» вспоминают ее, как умудренные опытом мужи о своих первых несмелых, младенческих шагах. «Альфа» вырастет численно, наберется опыта, возьмет на вооружение передовые методы и способы борьбы с терроризмом лучших зарубежных спецгрупп.

Но все это будет потом — через год, через два. А в декабре 1982 года

группу поднимут по тревоге, бойцы загрузят боеприпасы. Кстати, патронов и гранат возьмут столько, что, пожалуй, хватило бы на месяц войны. На обратном пути, не израсходовав ни одного патрона, удивятся — как такое пришло в голову? Но кто знал, как оно повернется.

Позже, со временем, придет понимание того, что спецподразделению нужен только минимум боеприпасов. Где и как их применять? В самолете, когда каждый террорист прикрывается несколькими заложниками, а автобусе, когда преступник Якшиянц и его подручные держали на мушке детей? Вряд ли кому подобное взбредет в голову. Здесь скорее нужно психологическое оружие плюс точный расчет.

У нас нередко даже среди высоких руководителей, с экранов телевизоров звучат уверенные заявления: «Каждый имеет право на ошибку». Группа антитеррора такого права не имеет. Вспомним, чего стоила ошибка немецкой полиции и спецподразделений в Мюнхене, на Олимпийских играх-72.

Трагедия всколыхнула весь мир. В Тель-Авиве лицеисты собрались перед зданием германского посольства. Посол Жеско фон Путткамер назвал «днями позора» страны ту трагедию, которую пережил Мюнхен.

Реакция непримиримых в Израиле была крайне резкой. Неужели вы надеялись, говорили они, что немцы озаботятся еврейскими жизнями. Не менее горькими были заключения газет: они обличали легкомыслие властей, позволивших захватить израильских атлетов, и действия немецкой полиции по освобождению заложников.

Америку лихорадило. Перед решеткой германского посольства в Вашингтоне Вильям Пирл, глава «Лиги защиты евреев», дирижировал манифестацией: «Мы обвиняем германское правительство в преступной небрежности. Оно ответственно за трагедию!»

Та же лига опубликовала коммюнике, в котором объявила, что единственным эффективным возмездием за мюнхенское злодеяние было бы убийство арабских дипломатов. Конгресс сотрясали крики ярости. Конгрессмены призывали порвать всякие отношения со странами, дающими убежище для террористов.

Госсекретарь Вильям Роджерс заявил со своей стороны: «Невозможно себе представить, что международное сообщество способно и далее терпеть этот вид рака...»

Да, дорого стоила Германии одна неудавшаяся операция. К нашей радости и гордости мы можем сказать: в биографии группы «А» таких черных пятен нет. И Сарапул стал ее первой крупной удачей. Были освобождены все заложники, а террористы сдались без единого выстрела.

Через много лет одна из центральных газет сообщит: «Об этом происшествии в свое время по Удмуртии ходило много слухов... Как-то раз, когда в одной из школ подходил к концу последний урок, в десятый „В“ ворвались двое солдат с автоматами. Объявили школьникам: „Вы — заложники, выпущены будете лишь в том случае, если нам дадут возможность улететь на самолете за пределы страны“.

Весь вечер и всю ночь продолжался этот драматический «урок». Сотни людей ни на миг не сомкнули глаз: сами ученики и их родители, работники милиции и КГБ, военные. Кто-то из военных чинов предлагал даже взять класс штурмом, с использованием танков. Победила не сила, а разум и точный расчет. Начальник местного райотдела КГБ капитан Владимир Орехов предложил себя в заложники вместо ребят, а потом сумел перехитрить террористов.

Орехову пришлось всю ночь быть в контакте с преступниками, вести переговоры, когда бандиты уже держали палец на спусковом крючке автомата. Все верно. Был сотрудник КГБ капитан Орехов и десятки других людей, сражавшихся за освобождение детей. Не названы только те, кто в 00.30 18 декабря прибыл к месту происшествия, а в 5.28 обезоружил преступников. Что это за люди? Почему о них не сказано ни слова?

Кстати говоря, такой, вполне нелепый, советский подход наших средств массовой информации к действиям «Альфы» сохранится и в дальнейшем. Виноваты тут не только журналисты, но и руководство КГБ, которое держало группу на сверхсекретном положении. Хотя и комитет понять можно. Подобное подразделение вряд ли нуждается в рекламе. И все-таки можно было найти золотую середину. И секретов не раскрыть, и группу с ее поистине героическими делами не оставить в неизвестности.

Да и другое очень важно. Знай о существовании столь мощного спецподразделения, возможно, кто-нибудь и задумался бы, идти ли ему на преступление?

Но ничего подобного не случилось, о группе «А» никто не знал, и рядовые Мельников и Колпакбаев, сбежав с поста, явились в близлежащую школу. План они продумали заранее, и, когда на пороге школы их спросили о цели визита, солдаты невозмутимо ответили, что их послали разыскать противотанковые мины, которые якобы откопали и спрятали школьники. Им поверили.

Поднявшись на второй этаж, террористы ворвались в класс. Колпакбаев, дав очередь в потолок, объявил всех заложниками. Ими оказались 25 учеников и учительница.

Было 13.30. Началась 16-часовая борьба за жизнь детей. Психологи

считают, что очень важны первые полчаса-час переговоров. Наиболее опасны первые минуты после захвата. Тем, кто вступает в контакт с террористами, необходимо стабилизировать ситуацию, начать переговоры, попытаться успокоить преступников. Ибо в начальной фазе инцидента психологическое напряжение велико и представляет особую опасность для жизни заложников.

Несомненно, надо отдать должное капитану Владимиру Орехову, который достаточно профессионально начал переговоры с Мельниковым и Колпакбаевым. Он сумел достичь определенного взаимопонимания с террористами, вел беседу в доверительном тоне, без угроз и грубостей. В то же время был тверд в принятии решений, не допускал колебаний.

Когда террористы потребовали вылета в США или другую капиталистическую страну, он заверил, что это не такое простое дело, нужно подготовить соответствующие документы, выписать заграничные паспорта. В последующие часы Мельников и Колпакбаев только и были заняты тем, что заполняли анкеты, различные справки, отвечали на вопросы. Таким образом было выиграно время, получена информация о преступниках, имеющих в их распоряжении огневых средствах. Район происшествия контролировал полк внутренних войск, класс, где находились преступники, и подступы к нему были блокированы оперативным составом местных органов КГБ и военнослужащими МВД.

Капитану Орехову удалось уговорить террористов сначала выпустить девочек с учительницей, потом нескольких ребят. В классе, в руках преступников еще оставалось семеро мальчишек.

В 00.30 в Сарпул прибыла группа «А». Она совершила стремительный ночной рейд из ижевского аэропорта по скользкой, обледенелой дороге. В пути обогнали автобус с подразделением ОМЗДОН МВД, своими давними партнерами, которые тоже спешили к месту происшествия.

Сергей ГОНЧАРОВ, Сотрудник группы «А»:

Когда мы въехали в Сарапул, было такое впечатление, что город не спит. Люди толпами и в одиночку шли в сторону захваченной школы. У школы плотное кольцо людей, которых едва сдерживает милиция.

Начальник группы Зайцев работал в штабе ЧП, на первом этаже школы.

Опыта проведения подобных операций не было. Ведь это — один из первых вооруженных захватов в нашей стране.

Пока штаб искал выход из создавшегося положения, начальник местного КГБ Орехов вел переговоры с террористами.

Мы попросили его дать информацию. Он коротко пересказал суть дела, объяснив, что в классе осталось семеро заложников, террористов он убеждает, будто им выписываются загранпаспорта. Ни на какие компромиссы те не идут.

Что ж, проработали операцию, расписали по точкам бойцов, надели средства защиты, бронежилеты, каски, оружие. В касках мы пробыли часа четыре. Помню, когда снял ее, показалось, что на плечах нет головы.

В школе тихо, когда идешь по коридору, титановые пластины в бронежилете постукивают, обувь скрипит. Пришлось разуваться и передвигаться в носках.

В общем, глубокая ночь, все устали. И тут вдруг неожиданно открывается дверь. Мы подняли оружие. Оказывается, бандиты отпустили в туалет одного из парней. Его привели в штаб, расспросили, где сидят преступники. Сидели они за учительским столом, направив автоматы на заложников.

Ученика попросили возвратиться назад в класс и сказать, что в школе все спокойно.

Валерий БОЧКОВ, сотрудник группы «А»:

Долгие и трудные переговоры закончились удачей. В обмен на загранпаспорта они отдали заложников, семерых школьников. И в результате в классе остались одни. Наш наблюдатель сквозь щиты, которыми были закрыты окна, видел, как один из террористов безнадежно разводил руками. Видимо, дошло, что они просчитались.

В общем, переиграли их.

Сергей КУВЫЛИН, сотрудник группы «А»:

Мы уже были готовы к штурму, когда открылась дверь и Мельников с автоматом вышел из класса. Я к нему:

— Ты чего?

— Мне капитана Орехова...

Оборачиваюсь, невдалеке Зайцев стоит. Он молча качает головой: не надо.

— Орехов ушел.

— Нет, я требую капитана...

Стараясь говорить как можно спокойнее, подхожу все ближе:

— Ты автомат бросай...

Он еще что-то бормотал, я еще раз:

— Бросай оружие...

Мельников и действительно бросил автомат, скрылся в классе, захлопнув дверь.

В это время из своего укрытия вылетают Гончаров и Зотов — и в дверь. Видимо, от волнения стали открывать ее внутрь. Но для террористов это тоже было шоком. Когда мы ворвались в класс, Мельников стоял бледный как мел за дверью, а Колпакбаев, вскинув автомат, злобно усмехался. Трудно сказать, хотел ли он выстрелить или просто для устрашения поднял оружие, но в ту же минуту автомат у него выбили, и вскоре он уже лежал в наручниках, носом в пол.

Все обошлось, героического особенно ничего не случилось. Хотя пулю вполне можно было схлопотать.

Так закончилась первая антитеррористическая операция «Альфы». Бескровная, без единого выстрела. Молодых, неопытных, психологически слабо подготовленных террористов удалось переиграть. Больше таких подарков бойцам спецподразделения судьба не преподнесет. Они столкнутся лицом к лицу с оголтелыми, изощренными, циничными преступниками.

ГОД 1983. «САМОЛЕТ ЗАХВАЧЕН ! КУРС НА ТУРЦИЮ!»

18 ноября 1983 года в 16.16 московского времени, во время полета самолета «Ту-134А», следовавшего по маршруту Тбилиси — Батуми — Киев — Ленинград с 57 пассажирами и 7 членами экипажа на борту, группа вооруженных преступников смертельно ранила бортмеханика и заместителя начальника лётно-штурманского отделения Управления гражданской авиации Грузинской ССР и потребовала изменить курс, посадить самолет в Турции.

Командир экипажа самолета не подчинился требованию преступников и произвел посадку в Тбилиси. Преступники захватили пассажиров в качестве заложников и настаивали на выполнении ранее выдвинутых требований.

Председателем КГБ СССР было дано указание немедленно направить в Тбилиси сотрудников спецподразделения 7-го управления для освобождения заложников.

В 23.08 38 сотрудников спецподразделения прибыли в Тбилиси.

...Через восемь лет, в ноябре 1991 года, во время правления президента З. Гамсахурдиа, газета «Свободная Грузия» опубликует разоблачительную статью о том, как под руководством Э. Шеварднадзе была проведена «бессмысленная бойня», убийство молодых «борцов за свободу и независимость», пытавшихся покинуть на самолете «империю». Далее говорилось, что художник Гия Табидзе был убит, художник Давид Микаберидзе покончил с собой, актер Геча Кобахидзе, художник Сосо Церетели, врачи Паата и Кахи Ивериели получили ранения при штурме самолета «имперским спецназом».

В то же время в авиагородке, где живут грузинские летчики, в сквере был совершен акт вандализма: памятный камень с фамилиями погибших пилотов Шабартяна, Чедия и бортпроводницы Крутиковой выдрали из земли, осквернили.

Так что же в действительности случилось ноябрьским днем 1983 года в Тбилисском аэропорту? Центральная пресса об этом почти не писала, республиканские газеты при Шеварднадзе говорили одно, с приходом Гамсахурдиа — другое.

Сразу после происшествия весь экипаж наградили. Гардапхадзе и

Гасоян были удостоены звания Героя Советского Союза. Но пройдет несколько лет, и в Грузии образуют специальную комиссию по новому расследованию дела. Теперь о героях-пилотах скажут, что они «состояли в сговоре с КГБ и устроили бойню борцам за свободу».

Хотя что тут толковать, проще сказать словами международных документов: воздушные террористы — злейшие враги человечества.

Но, видимо, не всем по нутру такое определение, коли оскверняют памятники погибшим и оскорбляют живых. Хотя верно и то, что только из нашей страны угоняли самолеты, дабы убежать за границу. Может быть, тбилисские художники и актеры тогда, в восемьдесят третьем, и вправду хотели покинуть «империю», боролись за свободу? Что ж, попытаемся разобраться. Для этого восстановим события того дня.

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт

Ахматгер ГАРДАПХАДЗЕ, командир экипажа, рассказывает:

Я работал пилотом-инструктором Грузинского управления гражданской авиации. 18 ноября мы летели из Тбилиси. В Батуми должны были дозаправиться и следовать дальше, на Киев — Ленинград.

Мне пришлось исполнять обязанности командира экипажа, но сидел я в правом кресле второго пилота. В левом кресле находился Станислав Габараев, которого мне пришлось в этом полете вводить в строй в качестве командира экипажа. С нами летел проверяющий — заместитель начальника лётно-штурманского отдела грузинского Управления гражданской авиации Завен Шабартян.

Станислав ГАБАРАЕВ, пилот:

У нас в гражданской авиации есть такое понятие: «первый полет на вводе в строй командира». Для меня был именно такой полет. В остальном — все обычно. Если не считать, что в этот день отменили рейс самолета «Як-40» на Батуми и пассажиры, прошедшие регистрацию, оказались у нас на борту. Как выяснилось позже, угонщики готовили нападение именно на «Як-40» и полет на «Ту-134» явился для них в какой-то мере неожиданностью.

Владимир ГАСОЯН, штурман:

Кабина в «Ту-134» маленькая, тесная. Бортинженер сидит на откидном кресле между первым и вторым пилотом. Шабартяну и сесть-то было негде, он стоял за спиной бортинженера Анзора Чедия.

Мы уже прошли Кутаиси и были на предпосадочной прямой, выпустили шасси, но в это время по радио сообщили: в Батуми внезапный боковой ветер. Там такое нередко случается. Нам приказали идти на запасной аэродром. Командир принял решение вернуться в Тбилиси.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

Сделали разворот над Кобулету. И в этот момент условный стук в дверь. Так стучатся бортпроводницы. Шабартян посмотрел в глазок и увидел лицо второй бортпроводницы Вали Крутиковой. Он не заметил, что у нее разбита голова.

Оказывается, когда выпускали шасси, преступники подумали, что мы снижаемся в Батуми, там ведь до Турции рукой подать, и приступили к захвату самолета. Оглушили обеих бортпроводниц, и те не успели нажать кнопку «Нападение», трижды выстрелили в штурмана Плотко, который летел в отпуск и был в форме работника гражданской авиации. Они приняли его за члена экипажа. Потом Валью Крутикову, оглушенную и избитую, подтащили к дверям пилотской кабины.

С. ГАБАРАЕВ:

Шабартян открыл дверь и получил в лицо пять пуль. Я услышал несколько хлопков и даже не подумал, что это могут быть выстрелы. Оказывается, в полете, на высоте, они звучат совсем иначе, чем на земле. Звук примерно такой, словно кто-то рядом открывает шампанское. Только когда Шабартян вскрикнул, я повернулся к нему. Увидел, как он упал за кресло, а в кабину порвались двое молодых ребят. Потом узнал — это были Хахи

Ивериели и Гия Табидзе. Ивериели подскочил ко мне и приставил к горлу револьвер. Табидзе сорвал с командира наушники и ткнул в висок ствол пистолета «ТТ». Лица, перекошенные злобой, мат, истошные вопли: «Самолет захвачен! Берите курс на Турцию! Иначе мы всех вас перестреляем!»

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

— Бортинженер Анзор Чедия повернулся к ним и спросил: «Что вы хотите?» Договорить ему не дали, прозвучало несколько выстрелов, он упал, завис в кресле.

Когда они ворвались, я правой рукой нащупал свой пистолет в кармане, но вынуть его не мог. Так и держал руку в кармане. У нас было три пистолета, у меня, у Габараева и у штурмана Гасояна. У каждого по обойме — 8 патронов.

Гасоян сидел внизу, при закрытых шторках, все слышал, но стрелять не мог. Перед ним был бортинженер. Когда Чедия упал, сектор обстрела открылся.

В. ГАСОЯН:

Вижу, надо действовать. Спасти положение ищу я один. Достал пистолет, взвел курок и выстрелил в преступника, который держал под прицелом командира. Террорист упал. Другой головой по сторонам вертит, кричит: «Кто стрелял? Откуда?», но пистолет у виска Габараева держит.

Я тогда и в него два раза выстрелил. Как потом оказалось, ранил. Он закричал и выскочил из кабины.

За это время командир успел выхватить спой пистолет.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

Когда Табидзе упал, я развернулся в кресле и тоже начал стрелять. Ивериели выбежал за дверь и спрятался за холодильник. Началась перестрелка. Мы вдвоем с Гасояном стреляли, а у них, пожалуй, стволов пять было.

У нас патроны уже кончаются, и я думаю: «Надо закрыть дверь». Но как? В проходе лежит Шабартян, на нем Табидзе — то ли убитый, то ли раненый.

Говорю Гасояну: «Оттащи их от двери, я тебя прикрою». В это время Валя Крутикова очнулась, приподняла голову. Они ее тоже у дверей оглушили. Гасоян говорит ей: «Валя, помоги их оттащить».

Крутикова полулежа, полусидя вцепилась в Табидзе и оттащила его к кухне. Шабартян был еще жив, попытался сам заползти в кабину, Гасоян помог ему.

Я продолжал стрелять, чтобы прикрыть их, а Габараев вел самолет.

С. ГАБАРАЕВ:

Во время перестрелки я управлял самолетом. Ахматгер крикнул мне: «Переходи на ручное управление, создавай перегрузки!» Я так и сделал: резко бросил машину по курсу и по высоте, чтобы сбить с ног преступников.

Над Гори командир израсходовал последний патрон. У Гасояна патроны кончились еще раньше. Он взял мой пистолет и опять вел огонь. Мне показалось, что стрельба продолжалась вечность, а прошло, наверное, не больше пяти минут.

Валя захлопнула двери кабины, а сама осталась в салоне с бандитами.

В. ГАСОЯН:

Шабартян пришел в себя, кричит: «Володя, посмотри, у меня глаз вытек или нет?» Глянул на него и содрогнулся. Все лицо в крови, во лбу пулевое отверстие, в горле рана — из нее кровь так и хлещет. Я достал платок, прижал его к ране на горле. Платок сразу пропитался кровью. Тут опять началась стрельба. Бандиты стреляли в дверь, хотели сбить замок.

Что делалось в салоне, не знаю. Думали: раз так жестоко с экипажем обошлись — ни слова не говоря застрелили Чедия и тяжело ранили Шабартяна, то в салоне всех перестреляли.

Шабартян кричит: «Не могу, ребята, спасите! Не хочу умирать». Достал документы, деньги, командиру протягивает, просит: «Передай жене». Господи, о чем говорит! Чувствовал, что умирает.

Командир его успокаивал, как мог, держись, мол, Завен, сейчас сядем, тебе окажут помощь.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

Когда захлопнули дверь, я надел наушники, вышел на связь, передал, что на нас совершенно бандитское нападение, убит бортинженер, ранен Шабартян. Потом включил сигнал бедствия.

Из Сухуми передали: «Садитесь к нам». Но я знал, в Сухуми взлетно-посадочная полоса на ремонте, и пошел в Тбилиси. Вскоре, смотрю, у нас на хвосте два военных истребителя, видимо, поднялись по нашему сигналу. Доложил обстановку в Тбилиси: «Встречайте, приготовьтесь».

При снижении над Рустави первая бортпроводница Ира Химич по внутренней связи просит: «Командир, летите в Турцию, они взорвут самолет! Достали гранаты!» Я ей отвечаю: «Ирина, передай, что мы уже над Турцией. Садиться будем в Турции».

Было пасмурно, дождь, туман, да и вечер уже наступил, время около половины седьмого, думаю: «Грузия под нами или Турция — сейчас не разберут».

В. ГАСОЯН:

Я позже узнал, что они в салоне творили. Как только мы взлетели, стали ходить туда-сюда, курить, пить шампанское. Наш штурман Плотко сделал им замечание. Они его запомнили, а когда напали на бортпроводниц, подошли к нему. Один несколько раз выстрелил в спину, другой в грудь. Плотко пытался закрыться рукой, у него потом из предплечья несколько пуль извлекли.

Убили двух пассажиров — Соломония и Абовяна, над бортпроводницами, как звери, измывались. Когда Валю Крутикову мертвую нашли, она вся в крови, без волос лежала. А

Ире Химич голову рукояткой пистолета пробили. Вот такие «борцы за свободу».

Когда мы уже садились, слышали крики бортпроводниц — бандиты издевались над ними.

Л. ГАРДАПХАДЗЕ:

Сели. Нас поставили в самый конец зоны аэропорта, рядом со стоянкой военно-транспортных самолетов. Вижу: с двух сторон самолета солдаты с автоматами. Угонщики заставили открыть аварийный люк, а рядом с люком сидел пассажир — молодой солдат. Он выпрыгнул в люк на крыло, с крыла на землю. По нему из салона стреляли, и оцепление открыло огонь, думая, что террорист убегает. Очередями и по самолету прошлись. Габараева в ногу ранили. Я подключил аккумуляторы, кричу по радио: «Уберите этих дураков!» А тут и связь пропала: при стрельбе повредили радиостанцию.

У Гасояна в штурманской кабине — убитый Чедия и раненый Шабартян. Я приказал Гасояну покинуть самолет. Он вылез через форточку. Поворачиваюсь к Габараеву — он к ноге склонился: «Командир, я ранен». «Давай, Станислав, вылезай», — говорю. Тот тоже вылез.

В кабине остались я и Шабартян. У него лицо все в крови, глаз вытек, кричит, просит: «Не могу, страшная боль, дайте лекарство.» И двигаться уже не мог.

Что творилось в салоне, не видел. Только через форточку слышал: они одного пассажира вытолкнули к двери: «Говори наши требования». Парень вырвался, выпрыгнул, ногу сломал.

Тогда у женщины взяли ребенка, толкнули ее к двери: «Говори наши требования. Если выпрыгнешь, убьем ребенка». Она кричит: «Заправьте самолет, отпустите их в Турцию, а то они убьют всех пассажиров и взорвут самолет».

Заместитель начальника Управления гражданской авиации Грузии Кадзана подшел к двери, стал вести переговоры, а я в форточку крикнул женщине: «Скажите им, что мы заправимся и полетим в Турцию». Я уже видел, сзади к нам подходил автозаправщик. Понял, решили слить топливо.

18 ноября 1983 года. Москва. Расположение группы «А»

Виталий ДЕМИДКИН, сотрудник группы «А»:

Было около 18 часов, в тире шло занятие по стрельбе. Начальник группы Геннадий Николаевичи Зайцев зашел в тир, но тут же за ним прибежал дежурный. Он что-то доложил Зайцеву, тот поднялся в свой кабинет, и вскоре прозвучал сигнал боевой тревоги.

Мы быстро собрались, загрузились в автобус, и по дороге в аэропорт нас ввели в обстановку. В Тбилиси захвачен самолет. Террористы действуют с особой жестокостью — убито несколько человек.

Уже в полете получили расстановку сил, кто действует в группе захвата, поддержки, наблюдения, какими парами работаем, с какой стороны.

Игорь ОРЕХОВ, сотрудник группы «А»:

Выезжая по тревоге, не знаешь, будешь ли в группе захвата или поддержки. Когда сказали, что я вхожу в группу захвата, ощутил какое-то двойственное чувство — с одной стороны, радость и гордость за доверие, а значит и признание как профессионала, с другой — волнение, желание не подвести.

Сразу же после объявления состава группы ребята стали помогать подгонять нам бронежилеты, вооружение. Здесь же, в самолете, обсудили первоначальный план действий, потом руководство собрало группу захвата, уточнили некоторые детали.

Когда мы прилетели в Тбилиси, все силы уже были приведены в готовность по плану «Набат». Аэропорт оцепили войска. Погода — хуже не придумаешь: дождь, промозглый ветер, градуса два-три тепла. Темно.

Вошли в здание аэропорта в касках, в экипировке, с кейсами. Вокруг полно людей, все таращат на нас глаза. Ведь в ту пору о группе не писали ни слова, сверхсекретность. Мы тоже ни с кем не разговариваем, не общаемся...

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт

Арушан ГЕВОРКЯН, авиатехник по самолетам и двигателям Ту-134 Тбилисского авиапредприятия:

Ночью, где-то между 23.00 и 24.00 у меня состоялся разговор с командиром 347-го летного отряда Григолашвили. Он попросил: надо пойти на захваченный самолет, помочь раненым и выполнить некоторые технические работы. Сказал, что это дело добровольное и связано оно с риском. Я согласился.

Меня отвели в комнату особого отдела. Там председатель КГБ Грузии генерал Инаури, офицеры спецподразделения, еще какие-то люди. Мне сказали, что надо помочь раненому флагштурману Шабартяну, подключить электропитание и выполнить работы, необходимые для слива топлива с самолета.

На машине поехали к стоянке самолета я, начальник управления Кадзаная и три милиционера. Подошли к самолету. Кадзаная начал переговоры с угонщиками. Они требовали дать свет в салон и заправить лайнер. Кадзаная сказал, что для этого нужно пропустить техника в кабину.

Бандиты потребовали, чтобы я разделся догола у них на виду. Пришлось подчиниться.

На аэродроме ветер, дождь, замерз, заледенел. А они стоят на том, чтобы я прошел в кабину через салон. С трудом удалось объяснить, что дверь в кабину заперта и из салона ее не открыть. Согласились. По аварийному канату я влез наверх, протиснулся в кабину. Вытолкнуть в форточку Шабартяна не удалось, он был полный мужчина.

Включил аккумуляторы, преобразователи тока, в общем, сделал все необходимое для слива топлива. Пока работал — бандиты из салона ломались, просили открыть дверь, сулили миллионы. Потом стали угрожать. Я не отвечал.

Закончил ремонт, спустился обратно по канату. В это время один из милиционеров отвлекал их разговорами. Когда я спрыгнул, он сказал: «Беги». Все время, пока бежал, милиционер (он был в бронежилете), закрывал меня своим телом. Добежал. Оделся. Рассказал о том, что видел и слышал.

Под утро узнал, что спецподразделение быстро и умело

обезвредило террористов.

В. ДЕМИДКИН:

В аэропорту нам дали возможность потренироваться на запасном самолете. Все-таки волнение было — до сих пор мы работали на учебных машинах, а тут реальный самолет, настоящие убийцы, жертвы.

После тренировки началось самое неприятное время: время ожидания. В здании аэропорта нам отвели несколько комнат, периодически их покидали и выдвигались к самолету. Потом вновь уходили, прятались за ангаром, за грузовиками. Ждали. И так в течение всей ночи. В это время штаб по чрезвычайному происшествию вел переговоры с террористами. В зависимости от накала этих переговоров и действовали. Они агрессивней — мы ближе к самолету.

Там я впервые понял состояние солдата на фронте перед атакой. Его не передать словами...

Видимо, террористы нас все-таки заметили. Дело в том, что самолет освещался прожекторами, и делалось это весьма неудачно: наши тени были видны из иллюминаторов. На ломаном русском языке звучали угрозы, мол, уходите отсюда, иначе всех взорвем. Потом вдруг слышу: что-то упало нам под ноги. Невольно весь сжался — ни бежать, ни падать нельзя. К счастью, это оказалась не граната, а оторванная телефонная трубка.

Минуты текут, волнение нарастает, промозглый ветер с дождем, кажется, протыкает ледяными иголками каждую косточку. Вокруг темнота, где-то вдалеке горы. О них я судил по огонькам селений да фарам машины, которая петляла по горной дороге. Луч ее то утыкался в скалу, то шарил по небу, словно прожектор. Подумалось: увижу ли я еще раз ночную картину? Вспомнились семья, жена. Моему ребенку исполнился год, один месяц и один день. Увижу ли я своего малыша, когда ему будет год, месяц и два дня?

Но в следующее мгновение раздался плач ребенка из салона самолета, и мысли о семье ушли. Теперь все силы души были отданы операции: не отстать, не споткнуться, не испортить дело.

И. ОРЕХОВ:

Посадка самолета была очень жесткой, и при ударе о взлетно-посадочную полосу один из люков вывалился на крыло. Террористы его приподняли, прислонили. Этот люк мог в любую минуту упасть сам или его могли открыть бандиты. Теперь представьте, как «приятно» лежать у этого люка. Не успеешь ахнуть, как получишь пулю. Но такая уж, видимо, у меня судьба, по боевому расчету мне достался именно этот люк.

Когда была дана команда готовиться к штурму, заняли свои места на самолете. Не в самолете, а — на самолете. Ползешь и каждую заклепку чувствуешь. И все-таки качание машины, видимо, было. Из салона раздались крики: «Не вздумайте штурмовать! Всех перестреляем!»

Теперь, с годами, когда анализируешь свои действия, понимаешь: помогло то, что наше отделение в ходе учебных занятий так много внимания уделяло тренировкам на борту.

Не могу точно сказать, сколько мы пролежали на ноябрьском ветру — час, два, три. Напряженно огромное, а команды все нет и нет. Кажется, кожа уже примерзла к плоскости. Ведь у нас на голое тело были надеты бронежилеты и легкие комбинезоны. И все!

Виктор Федорович Карпухин, который находился где-то между штабом и самолетом, как мог, подбадривал нас, успокаивал: «Ребята, не волнуйтесь!»

А у меня свои, так сказать, индивидуальные проблемы из-за люка. Что делать, если он неожиданно откроется? Выход один: штурмовать, не дожидаясь команды.

В. ДЕМИДКИН:

Сначала в кабину поднялся Владимир Николаевич Зайцев. Помню, первое, что увидел: кабина маленькая, узкая, возле кресла лежал мертвый пилот. Впереди — бортинженер, тоже уже мертвый. Каждую минуту выходили на связь. Боевые группы докладывали о готовности. Мы тоже доложили, и потянулись минуты. Неоднократно объявлялась «готовность номер один». И

снова время штурма откладывалось.

Из штаба нам сообщали о перемещении террористов, уточняли их местонахождение.

И. ОРЕХОВ:

Пока лежал у люка, продумал каждый свой шаг. «Сейчас я вскочу, выбью люк. У самолета „Ту-134“ два люка, которые выходят на крыло, значит, между ними салонная перегородка... Здесь я должен упасть, встать... Будут сложности с пассажирами, которые сидят у люка...»

Но в жизни оказалось все по-другому. Пассажиров на этих местах не было, спинки кресел оказались опущенными вперед, и люк упал в другую сторону.

Падаю в проход, вскакиваю. Дым, ничего не вижу. Тут еще ребята со всех сторон пошли. Поднимаю забрало каски. Понимаю, что попал в начало второго салона, где были пассажиры. В салоне темно, небольшая подсветка. Крики, стоны. Мы тоже кричим: «Где? Где?» Пассажиры показывают: «Вот они».

Мне достался один из бандитов, раненный в шею. Он сидел в третьем ряду салона, у прохода, и контролировал ситуацию. А порядок такой: если кто-то тебе попался, работаешь с ним до конца. Вот я и работал...

В. ДЕМИДКИН:

По команде «Штурм!» мы стали отрывать дверь кабины, но она не поддавалась. Оказывается, была привалена трупами. Налегли изо всех сил — открыли.

Вперед пошел Зайцев, я за ним. Слышу его голос: «Руки за голову!» Здесь, в коридорчике, который отделяет дверь кабины от салона, были двое террористов, мужчина мощного телосложения, ростом эдак под метр девяносто, и женщина. Оба с пистолетами. Зайцев неуловимыми движениями сразу уложил их на пол, лицом вниз, и побежал. Решительно действовали и мы. Мне досталась женщина, напарнику — мужчина. Я ее схватил и спустил по

трапу вниз.

Выскочил в салон и увидел еще одну женщину, подумал — пассажирка. Сказал: «Пойдемте, вы свободны». И хотел помочь. Но она вцепилась в кресло, закричала: «Нет, нет, я хочу взорваться!» Оглянулся, позвал товарища: „Володя, она взорваться хочет!“ И мы вдвоем под руки подняли ее, передали вниз, ребятам.

Снова вернулись в салон, а Зайцев уже далеко. Тороплюсь за ним. Справа, помню, когда бежал, увидел труп мужчины. Но заниматься им некогда, надо было спасать живых.

Во втором салоне поработал уже Головатов с ребятами. Когда мы вбежали, все в креслах полулежали, полусидели с поднятыми вверх руками. Кто из них заложник, кто террорист — не очень разберешь.

Посветили фонарем, мужчина в кресле обернулся, и мы увидели у него два пистолета. Подхватили под руки — и вниз. Потом помогали пассажирам — кому одеться, кому собрать разбросанные бумаги, документы. Многие и этого не могли сделать — в шоке от страха.

Затем осмотрели сиденья, места под сиденьями и все углы и закоулки — нет ли взрывного устройства. И, наконец, я спустился вниз. Было уже светло, вдалеке виднелись горы. Понял, что теперь увижу отца, мать, жену с сыном. Потом ребята не раз шутили, мол, Демидкин спустился с трапа и сказал: «Как хорошо жить!»

И. ОРЕХОВ:

Прошло столько лет, а все вспоминается тот штурм. Странно, как по-разному перед лицом опасности ведут себя люди.

Наша группа поддержки должна была подъехать к самолету на аэродромном микроавтобусе, но водитель автобуса в самый ответственный момент струсил, отказался ехать. Пришлось ребятам спиной в экипировке бежать через летное поле.

И противоположный пример. В самолете, рядом с туалетной комнатой, есть еще одна небольшая комнатка, гардеробная. Там несколько часов просидел врач, он на коленях держал женщину с пулевым ранением в спине. Несмотря на угрозы, выстрелы, он

оказал помощь пострадавшей...

...С рассветом 19 ноября кровавая трагедия завершилась. Итогом ее стало несколько убитых и раненых. Террористы застрелили летчиков Запвена Шабартяна, Анзора Чедия, двоих пассажиров, зверски замучили бортпроводницу Валентину Крутикову. Получили тяжелые ранения и остались инвалидами штурман Плотко и бортпроводница Ирина Химич.

Террорист Табидзе убит в перестрелке, Микаберидзе покончил с собой. Суд приговорил всех бандитов к высшей мере наказания — расстрелу. Казалось бы, приговор снял все вопросы. Но не тут-то было. Кровавая история имеет свое продолжение и со временем она получила в Грузии новый импульс — старые судебные дела были сняты с архивной полки. Кое-кто хотел из бандитов, террористов и убийц сделать мучеников грузинского народа, объявить их «борцами за свободу и независимость». Не вышло.

Но как все это было, проследить, пожалуй, весьма интересно. Рассказывают участники событий.

В. ГАСОЯН:

Если бы еще немного у власти побыл Гамсахурдия, то наверняка бандитов героями объявили бы, а нас судили. После того, как в 1983 году я вернулся из госпиталя, мне очень много раз звонили в дверь. Смотрю в глазок: какие-то мужчины. Спрашиваю: «Кто?» Отвечают: «Открывайте, мы следователи КГБ, поедете с нами на допрос». Я им: «Приходите ко мне завтра, на работу». Постоят и уходят.

Я в окно гляжу: садятся в легковую машину без номера и уезжают.

Пришел сам в КГБ. Мне говорят, никого ко мне не посылали, но пообещали установить наблюдение за домом. Установили, нет — не знаю, но больше никто не приезжал.

Перенервничал, конечно. У меня ведь четверо детей, мал мала меньше.

Потом я на Кубе работал, думал, столько лет прошло, забылось. Нет. Газеты стали нас грязью обливать. Почему, мол, нам Героев до окончания следствия дали? А мы откуда знаем? С

Кубы приехал, денег немного привез. Пошел в управление торговли, прошу: «Дайте машину как многодетному или как Герою». Там отвечают: «Ты Герой Советского Союза, а Союза больше нет, значит, и машины тебе нет».

В том, что тогда стрелял, не раскаиваюсь. Бандиты к нам ворвались, товарищей на наших глазах убили, что ж, по головке их гладить?

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

После той трагедии меня с летной работы по здоровью списали. А ведь вся моя жизнь в авиации прошла. У нас, когда летать перестают, там же, в аэропорту, остаются работать. А я не могу. Больно. Потому и ушел.

Что сейчас журналисты пишут: «Шеварднадзе, КГБ и экипаж были в сговоре, знали обо всем заранее, устроили бойню правозащитников». Какие же они правозащитники? На суде им сказал: «Вы же все дети высокопоставленных родителей. Взяли бы туристические путевки в Турцию и остались там, попросили политического убежища».

Знаете, что они ответили: «Если бы мы таким путем сбежали в Турцию, нас бы приняли за простых эмигрантов. Вот Бразинскасы улетели с шумом, со стрельбой, Надю Курченко убили, так их там в почетные академики приняли».

Сколько было угонов в разных странах, повсюду бандиты сначала предъявляют свои требования, один из членов экипажа выходит из кабины на переговоры. А наши? Пять пуль в лицо Шабартяну, три пули в спину Плотко, рукоятками пистолетов по голове бортпроводницам.

Мне говорят, выполнил бы их требования, отвез в Турцию, и жертв не было бы. Зачем, мол, Гасоян и я стреляли? Ко мне в дом врываются бандиты, убивают моих близких, а я должен молча смотреть, начинать «переговоры». Чедия пытался начать переговоры — они его тут же убили.

Один из них сказал на следствии, что Шабартяна они в ногу ранили, а экипаж его пристрелил. Какие сволочи! У них погиб один, другой сам застрелился, а наших пятерых положили.

Суд был закрытым, а жаль. Пусть бы народ все увидел и

услышал. А то, мол, Героев дали еще до окончания следствия, подозрительно. При чем следствие? Нас, что ли, судили?

Комиссию назначили по расследованию этого дела. Говорят о «невинно убиенных детях». Хороши «детки», столько перестреляли, инвалидами сделали. Нет, наша совесть чиста. Мы защищали жизнь пассажиров.

Надо ли добавлять что-либо к сказанному?

ГОД 1985. БОЙНЯ НА МАЛЬТЕ

Ноябрьским вечером самолет египетской авиакомпании «Египет Эрлайнс» рейсом МС-648 вылетел из Афин в Каир. Однако попасть ему в столицу Египта было не суждено.

Через двадцать минут после взлета террористы захватили самолет. По рассказам очевидцев, один из них прошел в пилотскую кабину, другой расположился в центре салона, третий остался в хвостовой части самолета.

Террористы смогли пронести на борт оружие — пистолеты и ручные гранаты. Они приказали лететь на Мальту.

Затем бандиты стали пересаживать пассажиров. Сначала отделили израильтян, американцев, австралийцев, канадцев, французов и испанцев и приказали им занять передний салон. По мнению террористов, именно там, в передней части самолета, можно было ждать атаку спецназа.

В середине оказались пассажиры из «нейтральных» стран — греки, филиппинцы. К ним захватчики не питали никаких чувств — ни симпатии, ни вражды.

В конец самолета, в наиболее безопасное место, поместили арабов и детей.

Пользуясь суматохой, возникшей во время пересадки пассажиров, сотрудник службы воздушной безопасности выхватил пистолет и открыл стрельбу по террористам. Однако бандиты хорошо подготовились, ответили огнем из всех стволов. Несколько пуль оказались в теле сотрудника безопасности, остальные пробили обшивку самолета. Это грозило декомпрессией, а возможно, и разрушением стенки самолета.

Командир экипажа «Боинга» Хани Галяль бросил самолет в пике, стремясь снизить и преодолеть разницу давления внутри и снаружи салона.

Террористы тем временем отобрали у всех паспорта. Теперь они доподлинно знали, кто является гражданином США, а кто живет в Израиле.

При подлете к острову Мальта командир авиалайнера запросил по радио диспетчера аэродрома Лука под Ла-Валеттой. Но мальтийцы в посадке отказали, выключив аэродромные огни. Самолет пришлось садить вслепую. Однако другого выхода у Галяля не было — горючее практически закончилось.

После посадки на борту лайнера разыгралась кровавая трагедия. Террористы начали расстреливать заложников. Жертвами бандитов стали

трое американцев и двое израильтян.

Глядя на эту расправу, люди цепенели от страха и ужаса.

Террористы требовали заправки лайнера и обещали расстреливать заложников каждый час.

Утром в аэропорту Лука совершили посадку два самолета С-130 «Геркулес» военно-воздушных сил Египта. На их борту находилось подразделение египетских коммандос «Саака» («Молния»). Созданный в 1977 году отряд специального назначения министерства обороны страны несколько лет назад уже «прославился» своим непрофессионализмом, когда пытался освободить египетский самолет, захваченный террористами на Кипре.

Тогда египетские власти забыли известить киприотов об отправке своих спецназовцев. Прибыв на Кипр, бойцы «Молнии» сразу бросились в атаку на захваченный самолет. Кипрские полицейские, окружившие лайнер, приняв их за подмогу террористам, открыли огонь. Бой длился больше часа, погибло полтора десятка египетских спецназовцев.

На этот раз египтяне не забыли предупредить мальтийцев о прибытии отряда «Молния», однако бойцы спецназа сразу допустили несколько непростительных ошибок.

Один из офицеров британских САС находился в непосредственной близости от места событий и стал свидетелем этой неудавшейся акции.

По возвращению в Великобританию в своем рапорте он сделал подробный анализ действий египетской антитеррористической команды «Молния» и указал на ошибки, сыгравшие роковую роль.

Во время захвата самолета с террористами не велось никаких переговоров. Диспетчер за полчаса до штурма прервал все контакты с бортом самолета. А ведь переговоры в данном случае могли бы сыграть отвлекающую роль.

К моменту штурма на аэродроме установилась полная тишина, а это значит, что террористы слышали, как монтируются и устанавливаются штурмовые лестницы, как бойцы отряда «Молния» забираются на крылья самолета.

Для того, чтобы заглушить эти шумы, рядом должен был выруливать на взлет или взлетать с работающими на полную мощность двигателями самолет.

Да и сам выход к самолету бойцов отряда был неумелым, они приближались к лайнеру с двух сторон — слева и справа, на виду у террористов, вместо того чтобы подойти незаметно сзади самолета, двигаясь цепочкой, находясь в мертвой зоне.

Группы атакующих неверно распределились у дверей и запасных выходов. Их было по 8 — 10 человек на каждую дверь. Они мешали друг другу. Известно, что бойцы западногерманской ГСГ-9 и английской САС выставляют к дверям не более 5 человек.

После открытия люков грузовых отсеков два спецназовца оказались изолированными выступами крыльев и, по существу, не могли эффективно действовать.

Открытие первого люка длилось почти 3 секунды, а первый штурмующий оказался в самолете только через 5 секунд.

Бойцы штурмовой группы не имели специальных шлемов со встроенными микрофонами-наушниками. А это значит, что у каждого руководителя группы одна рука была занята радиостанцией типа «Воки-токи» и он не мог принять полноценное участие в рукопашной схватке. Остальные члены его группы выполняли команды, которые он подавал жестами, что нередко приводило к ошибкам.

Не было у бойцов «Молнии» и специальных светозумовых гранат, которые дают ослепительную вспышку, оглушительный взрыв и выводят террористов из строя, пусть и на короткое, но такое необходимое для первых действий и время.

Египетское спецподразделение также не имело в своем оснащении подслушивающих устройств, которые крепятся к фюзеляжу самолета. Эти высокочувствительные приборы помогают прослушивать переговоры террористов и определять их местонахождение на борту. Ведь в основе успеха — точные данные, где располагаются террористы в самолете.

Обувь бойцов группы антитеррора «Молния» не отвечала необходимым требованиям: ноги штурмующих скользили на трапах, и командос мешали друг другу.

Как выяснилось позже, египетские спецназовцы на базе подготовки не имели не только настоящего «Боинга-737» для тренировки, но даже учебного макета самолета. То есть их знания были сугубо теоретическими.

Одной из основных, главных причин разыгравшейся кровавой бойни на борту самолета офицер САС посчитал присутствие в салоне лайнера сотрудников службы безопасности. Они хоть и были в гражданской форме одежды, но по своему поведению отличались от других пассажиров. Например, размещались в самолете до посадки пассажиров. Таким образом, террористам не составило труда «вычислить» этих сотрудников. В других странах, которые имеют в штате так называемых «воздушных маршалов», чтобы не быть обнаруженными, занимают свои места на борту вместе с другими пассажирами.

Все эти ошибки и просчеты египетских командос привели к тому, что в ходе штурма погибло 2 террориста и 57 из 97 заложников. Многие из них были убиты в перестрелке, некоторые задохнулись в едком дыму начавшегося на борту пожара.

Таков трагический финал этой контртеррористической операции, которую часто называют «бойней на Мальте».

ГОД 1986. ТЕРРОРИСТЫ ИЗ МВД

20 сентября 1986 года в 3.40 по местному времени дежурному по КГБ Башкирской АССР поступил доклад о том, что двое военнослужащих срочной службы, вооруженные ручным пулеметом и автоматом с большим запасом боеприпасов, захватив такси, направились в сторону аэропорта. Не доехав до аэропорта около километра, они скрылись в прилегающих к дороге лесопосадках.

Как было выяснено, в ночь на 20 сентября трое военнослужащих в/ч 6520 внутренних войск МВД СССР Н.Р. Мацнев, А.Б.Коновал, С.В.Ягмурджи, находившиеся в наряде, самовольно покинули часть, похитили ручной пулемет и автомат Калашникова, снайперскую винтовку Драгунова и 220 патронов к ним.

В пути преступники заметили идущую за ними патрульную машину милиции и решили, что их преследуют. Они остановили такси и открыли огонь по патрульной машине, убив при этом двух сотрудников милиции — сержанта Зульфира Ахтямова и младшего сержанта Айрата Галеева.

Один из преступников, вооруженный снайперской винтовкой, скрылся. Двое других продолжали движение в такси в аэропорт.

По получении информации по сигналу тревоги были подняты сотрудники, участвующие в мероприятиях по плану операции «Набат».

В 4.40 преступники ворвались в производивший посадку самолет «Ту-134 А» — следовавший по маршруту Львов — Киев — Уфа — Нижневартовск. На борту самолета находился экипаж — 5 человек и 76 пассажиров.

При захвате самолета преступники открыли стрельбу, убив при этом двух пассажиров. Угрожая уничтожить остальных, они потребовали от командира лететь в Пакистан. С этого момента начались длительные переговоры с преступниками, в результате которых в 5.55 они дали согласие освободить женщин с детьми, а в 7.30 выпустили большую часть пассажиров, оставив заложниками 20 человек.

В 7.00 в аэропорт г. Уфа спецрейсом прилетели 42 сотрудника группы «А».

Младший сержант Николай Мацнев до армии учился в архангельской мореходке и слыл среди товарищей человеком бывалым. Еще бы, просоленный штормовыми ветрами морской волк! Николай, конечно, не признавался, что в плаванье выходил всего несколько раз, да и то учебное,

у морских берегов. Рассказывал товарищам по роте заманчивые сказки о богатых странах, красивой жизни. Он, конечно, знал: работа на судне тяжела и далека от красивой жизни. Близился «дембель», возвращаться в Архангельск не хотелось, не тянуло «морского волка» заново драить палубу, потеть в машинном отделении. Хотелось чего-то другого...

Выход, казалось бы, подсказала сама жизнь. Из взвода был назначен в так называемую «нештатку» — нештатную группу освобождения самолета от террористов. Они изучали типы самолетов, которые садились в Уфе, от «Ан-12» до «Ту-134», их устройство, расположение салонов, выходы и входы, люки, лючки и многое другое. В иное время Мацнев попросту плюнул бы на плакаты, карты, схемы, которыми был увешан их учебный класс, но только не теперь. На удивление друзьям Николай зубрил «летные уроки», словно собирался сменить морские просторы на воздушный океан.

Еще «веселее» стало, когда выехали в аэропорт для практических занятий на самолете. Их учили очень нужным приемам проникновению в самолет, использованию спецсредств при борьбе с террористами.

Через несколько месяцев упорных тренировок Мацнев откроет близким друзьям, готовым идти за ним в огонь и в воду, свой «гениальный» план. Поскольку самолет они теперь знают как свои пять пальцев, смогут захватить его, заблокировать группу захвата, да еще для обороны возьмут не какой-нибудь дедовский обрез, а современное стрелковое оружие, успех им обеспечен. Ну а там отлет за рубеж — и здравствуй, красивая жизнь!

Осталось проработать план, продумать пути бегства из подразделения, захватить оружие, узнать расписание движения самолетов, на очередной тренировке поинтересоваться у работников аэропорта, охраняются ли воздушные лайнеры.

Кто-то предложил взять из парка бронетранспортер. Быстроходная машина, и на случай погони это тебе не «Жигули». Дал пару очередей из крупнокалиберного пулемета, сразу отпадет охота догонять. На том и порешили.

В преступную группу под руководством младшего сержанта Николая Мацнева вошли рядовые Александр Коновал, Сергей Ягмурджи и Игорь Федоткин.

С 19-го на 20 сентября все вместе заступили в наряд по роте. У Мацнева ключи от оружейной комнаты. Он вскрывает «оружейку» и забирает ручной пулемет, автомат, снайперскую винтовку, боеприпасы к ним. Через окно столовой солдаты покидают расположение части, на улице останавливают такси. В затылок водителя упирается ствол автомата: «Гони, быстро!..» Указывают адрес. За городом, в одном из караулов стоит Игорь

Федоткин, который должен вывести из парка бронетранспортер.

Проскочили ночными улицами Уфы, выехали за город. В поселке Затон приказали остановиться, почему-то решили сменить машину.

Ждать пришлось недолго. За поворотом мелькнули фары автомобиля. Но что это? Покачиваясь на ухабах дороги, навстречу им мчал милицейский «УАЗ». Их выследили! Мацнев вскинул автомат. Очередь... И желто-голубой автомобиль кувыркнулся с обочины.

Коновал испуганно прижал к себе винтовку и прыгнул в кусты.

— Сука, предатель, — прошипел Мацнев, но Ягмурджи упрямо тянул его за рукав.

— Некогда, Коля! Хрен с ним...

Они упали на заднее сиденье такси, Ягмурджи прокричал:

— Хочешь жить, шеф, жми что есть мочи.

Было уже не до Федоткина. В ту ночь он так и не дожидается своих сообщников. Машина мчалась в аэропорт.

Не доезжая до аэропорта, беглецы бросили такси на дороге и скрылись в лесопосадках. Пробрались к взлетно-посадочной полосе и залегли в канаве. Ближайшим к ним оказался «Ту-134» с бортовым номером 65877.

Самолет Бориспольского авиаотряда принимал пассажиров. Была уже глубокая ночь, дежурная по встрече Людмила Софронова проверяла билеты, бортпроводницы Елена Жуковская и Сусанна Жабинец рассаживали уставших людей. Наконец все утряслось, пассажиры в салоне, опоздавших не было, и дежурная протянула загрузочную ведомость на подпись второму пилоту Вячеславу Луценко.

И тут под чьими-то тяжелыми шагами загрохотали ступени трапа и Людмила увидела направленный на нее ствол автомата. «Бандиты!» — успела крикнуть она, и Луценко мгновенно втащил ее в кабину, захлопнув дверь.

На крик оглянулась бортпроводница Елена Жуковская, перед ней стоял растрепанный, запыхавшийся парень в солдатской форме.

— Вы почему не в кресле?

— Что-о?! — заорал тот. — Быстро взлетайте, даю двадцать минут.

Впереди, у входа в салон, появился другой, в таком же солдатском бушлате, со вскинутым автоматом.

— Хорошо, — сказала Лена, — успокойтесь. Я сейчас доложу командиру ваши условия.

А условия были таковы: взлетать и следовать в Пакистан. Лена еще не раз ходила к пилотам и возвращалась назад — передавала, уточняла, разъясняла. Наземные службы после шока приходили в себя, тянули время.

Прошло двадцать минут. Мацнев нервничал. Он схватил Сусанну за шиворот, приставил к затылку автомат и громко стал отсчитывать секунды «Один, два, три...»

— Лена, — прохрипела, задыхаясь, Сусанна, — он меня убьет!

Жуковская бросилась к кабине, забарабанила в дверь. В это время в салоне прозвучал выстрел. Лена похолодела. Убили!

Но Сусанна была жива, стрелял другой бандит — Ягмурджи, убил пассажира, монтажника управления Запсибнефтегеофизика Александра Ермоленко. Он что-то не так сказал террористу, и тот нажал на спусковой крючок пулемета.

Мацнев оглянулся и, решив, что кто-то из пассажиров убил его напарника, дал очередь по салону. Пули прошли рядом с головой Лены, обожгли плечо женщины, закрывавшей собой ребенка, ранили в живот электрика из управления буровых работ Укрнефть Ярослава Тиханского и вновь поразили Ермоленко.

Лена видела разъяренных бандитов, они готовы расстрелять пассажиров. Надо было что-то срочно делать. Как можно спокойнее она сообщила Мацневу и Ягмурджи: «Земля» полностью приняла их требования, но взлет невозможен — нарушена герметичность машины, им предлагают другой самолет. Террористы не поверили. Дали двенадцать часов на ремонт. Иначе перебьют всех заложников.

Пошли первые минуты двенадцати часов ультиматума.

Группа «А» совершила посадку утром 20 сентября в уфимском аэропорту. Все, что стало известно еще в полете, потом на земле, не вселяло оптимизма. Придется иметь дело если и не с профессионалами, то уж с полупрофессионалами точно. Им известны пути проникновения в самолет, и они, вероятнее всего, уже заблокированы. Работать можно только по двум направлениям — с хвоста и из кабины. Но опять-таки это знают и террористы. Они готовы встретить мощным огнем всякого, кто сунется в самолет. Пулемет и автомат — сокрушающее оружие. Ни один бронезильт в ту пору не способен был выдержать удар автоматной пули. Чтобы уничтожить террористов, пришлось бы стрелять в салон, но там находились люди. Стало быть, выход один: поразить бандитов сразу и наповал. В ином случае они могли открыть огонь по пассажирам.

Легко сказать, наповал. Такое предложение скорее из области фантастики. Террористы постоянно передвигаются по самолету. Где они окажутся в тот момент, когда нужно будет открывать огонь? Не ускользнут ли в другой салон, не прикроются ли заложником?

Решение искали в штабе по чрезвычайной ситуации, в группе

«Альфа», пилоты самолета и две хрупкие девушки — бортпроводницы.

Это они уговорили террористов разрешить вынести убитого Ермоленко, потом выпустить раненых. Потом — четырех женщин с детьми.

Тянулись часы. Устали пассажиры. Устали бандиты — Ягмурджи впадал в оцепенение. Мацнев, наоборот, начинал метаться по самолету, как затравленный зверь, матерился, кричал.

Девушки мучительно искали выход.

— Знаешь что, — Лена Жуковская подсела к Мацневу. — Есть один вариант...

— Какой еще вариант? — недовольно пробурчал бандит.

— Чтобы быстрее взлететь, надо улучшить центровку.

— Ну и что?

— Убрать лишних пассажиров. Тебе не все ли равно, двадцать их или семьдесят?

— Оно, конечно, меньше мышей — меньше писку.

Лена уже собиралась вскочить, но он опустил свою ладонь на ее плечо.

— Не спеши. Надо подумать.

Думал долго. Смотрел в иллюминатор, потом зачем-то мерил шагами самолет, наконец, согласился:

— Ладно, давай.

Лена шла по проходу между креслами. Теперь от ее решения зависела судьба этих людей — останутся ли они вновь под дулами автоматов или через минуту вздохнут облегченно.

Сколько будет жить бортпроводница Лена Жуковская на свете, столько будет помнить эти глаза.

Хотелось забрать всех, но двадцать пассажиров предстояло оставить. Выбирала тех, кто был на самом надломе, в нервном возбуждении, которое грозило взрывом, кто выглядел больным и особенно уставшим. А остальные? Что станет с ними? Она отводила глаза.

Лене удалось выпустить сорок шесть заложников, когда Мацнев остановил ее окриком и ткнул автоматом в бок, отгоняя от дверей.

«Альфа» отрабатывала вариант за вариантом. И отбрасывала. Ни один из них не годился. Группа захвата уже дежурила в кабине лайнера, снайперы припали к окулярам оптических прицелов и докладывали о перемещениях террористов внутри самолета. Готовность — высшая, но возможность действовать нулевая.

И все-таки забрезжил свет в конце тоннеля. На соседнем самолете, стоящем невдалеке, бойцы «Альфы» отрабатывали новый, не применяемый никогда прежде, даже на тренировках, вариант.

Сняв каски, бронежилеты и оставшись, считай, в нательном белье, без оружия, репетировали скоростной штурм самолета. Оставив своих ребят в роли заложников, группа захвата врывалась в салон.

Да, действительно, налегке можно сделать несколько бесшумных шагов и даже нанести неожиданный удар. И все-таки риск был огромен.

Где в этот момент окажутся террористы? Будут ли стоять, сидеть? Удастся ли разглядеть их среди пассажиров, застать в расслабленном состоянии? А если наоборот? Нападавшим, безоружным, не защищенным ничем парням грозила смерть.

Тем не менее, этот вариант был принят. Опасный, но единственно возможный. Да, жертвовать собой ради спасения заложников стало жизненным правилом каждого бойца группы.

Но вскоре события получили самое неожиданное развитие: Мацнев и Ягмурджи потребовали наркотиков. Оказывается, еще на «гражданке», а потом и на службе, в роте, они покуривали запретную травку. «Можно организовать!» — согласилась Лена.

— Значит, так, — с видом знатока сказал Мацнев, — передай, пусть готовят двадцать ампул, иглы, ну и все остальное — спирт, жгут, вату... И еще гитару. Серега классно поет.

Лена бросилась к кабине пилотов, но Мацнев ее остановил:

— Скажи, чтоб ампулы и гитару принес наш ротный, другого к самолету не подпустим...

«Земля» прислала ампулы. Вместе с наркотиками дали сильнодействующее снотворное. Ягмурджи, выпив три ампулы, скис на глазах. Мацнев к наркотикам не притронулся, но, поглядев на спящего, тоже присел рядом, прикемарил.

Убедившись, что оба уснули, Лена предложила пассажирам обезоружить преступников. Однако никто на такой шаг не решился. Тогда она сама осторожно сняла с колен Ягмурджи пулемет. Надо отдать должное мужеству Лены, но, забрав пулемет, она подвергла себя страшной опасности, по существу, подписала себе смертный приговор. Очнувшись, террористы просто убили бы ее. И это действительно чуть не стоило ей жизни.

Уснув, Ягмурджи свалился с кресла, при этом разбудил Мацнева. Тот вскочил, еще секунда-другая, и он бы вспомнил о пулемете. Но Лена нашла, схватив ампулы, протянула их Мацневу:

— Смотри, он и тебе оставил!

Мацнев обрадовался. Сусанна подсунула чашку. Он слил все ампулы вместе и залпом выпил. Дико застонал, закружился по салону. Пока не

опомнился, Лена вцепилась в него: «Коля, Коленька, выпусти пассажиров, ты же обещал...»

«Черт его знает, обещал — не обещал», — отмахнулся он от Лены, как от назойливой мухи: «Подгоняй трап и к ядрене-фене, пока я добрый!»

Подогнали трап. Выбежали пассажиры, следом бортпроводницы.

Дверь захлопнулась. И тут Мацнев очнулся: где пулемет? Стал трясти Ягмурджи. Но тот ничего не помнил.

В ярости они колотили прикладом автомата в дверь пилотской кабины, орали, матерились, обещали перебить всех. А ведь если бы исполнили свое обещание, дали очередь по кабине, крови было бы много. Слава Богу, выстрелов не прозвучало.

«Альфе» же предстояло решить, что делать с террористами. Они по-прежнему вооружены, опасны, на совести Мацнева и Ягмурджи убийства, ранения заложников. И как бы это жестоко ни звучало, их могла остановить только пуля. Но в данной ситуации на применение оружия должен дать добро... прокурор. Однако, он долго не мог принять решение.

Затяжка грозила смертью всем, кто находился в кабине — и пилотам, и группе захвата. Не было сомнения, что окончательно придя в себя, преступники откроют стрельбу по кабине.

Прокурор по-прежнему вилял, а потом принял «соломоново решение»: брать живыми, но если применяют оружие, уничтожить. Командир «Альфы» резонно возразил, что у террористов не берданка, а автомат Калашникова. Это значит: они должны уложить кого-нибудь из группы и тогда только можно открывать огонь. Получается, трупов пока мало. Уже известно, что умер раненный в живот пассажир. Опять молчание штаба. Опять прокурор думает.

Наконец решение есть.

Группа захвата открывает дверь пилотской кабины. Мацнев сидит с автоматом на коленях. Он еще успевает сделать несколько выстрелов в атакующих, как ответная очередь бросает его навзничь. Ягмурджи пытается схватить выпавший из рук сообщника автомат, но ему не дают этого сделать. Мацнев убит наповал, Ягмурджи ранен. Поединок окончен.

Бортпроводниц Елену Жуковскую и Сусанну Жабинец наградили орденами Красного Знамени. Но главная награда, как до сих пор считает Лена, ее ребенок. Когда все это случилось, она была беременна.

Невероятно, но факт: против бойца «Альфы», применившего оружие, возбудили уголовное дело. Но, к счастью, в ходе следствия было доказано, что сотрудник действовал в соответствии с законом. Ибо он сам воплощал в себе закон, а террористы стояли вне закона.

Ягмурджи не признал свою вину и не раскаялся. Просто сожалел, что не до конца продумал террористическую акцию. Что же касается людей, которые погибли от его руки, о них он не думал вовсе.

ГОД 1987. ЛОВУШКА В ЛОНГХОЛЛЕ

После неудавшегося покушения в Брайтоне на премьер-министра Великобритании Маргарет Тетчер, когда в отеле, где она находилась, была взорвана бомба, антитеррористическая деятельность САС резко активизировалась. Засады на боевиков Ирландской республиканской армии (ИРА) стали проводиться значительно чаще и эффективнее.

В мае 1987 года САС одержала одну из самых громких побед в борьбе с ИРА. А началось все с того, что в ходе оперативной слежки удалось перехватить телефонный разговор боевиков, в котором речь шла о планируемом нападении на объект. Было известно, что объект находится в графстве Арма.

Выполнение этой задачи поручили Восточно-Тиронской бригаде ИРА. К действиям привлекались две ячейки, каждая по 4 человека. Это означало, что акция готовится серьезная, так как никогда прежде ИРА не вводила в операцию так много людей.

Кроме того, по оперативным данным, в состав этой ударной группы входили весьма опытные, авторитетные боевики.

Возглавлял группу Джеймс Лайнаг, жестокий, хладнокровный убийца. Он участвовал в убийстве спикера парламента Северной Ирландии в 1980 году.

Его подопечные были не менее известны своими кровавыми делами. Так, Патрика Маккирни полиция считала одним из самых опасных террористов в Северной Ирландии. Он бежал из тюрьмы и разыскивался полицией.

Под стать ему и Патрик Келли. На счету этого боевика несколько террористических актов.

Юджин Келли, Симус Донелли, Тони Гормли, Джерард О'Каллаген и Деклан Артерс были сравнительно молодыми, но очень решительными боевиками. Словом, группа вызвала у сотрудников САС большие опасения — в ней был сплав опыта и молодости, смелости и тонкого расчета.

Но если состав группы, благодаря усилиям разведки, стал известен, то место удара террористов еще предстояло выяснить. Опытные сасовские аналитики, проанализировав список потенциальных объектов, удобных для нападения террористов, пришли к выводу — наиболее «лакомым кусочком» для боевиков может стать полицейский участок в тихом городке Лонгхолл.

Этот участок состоял из нескольких служебных зданий, обнесенных проволочным забором и двухметровой бетонной стеной перед въездом на территорию. Прежде здесь не было никаких заграждений, но после участвовавших нападений боевиков ИРА на полицейские участки и в Лонгхолле приняли меры предосторожности.

Участок обслуживали всего трое полицейских — один сержант и два констебля. Население здесь было законопослушным и мирным, не доставлявшим особых забот полиции.

На первый взгляд, этот участок казался малопривлекательным для террористов. Но Восточно-Тиронская бригада считалась элитной в ИРА, и ее боевики хотели провести операцию с блеском: нанести удар, который получит широкий резонанс, и уйти целыми-невредимыми. И они придумали, казалось, беспроектный ход.

Полицейский участок закрывался, как правило, в 19 часов, и сержант с констеблями спокойно расходились по домам. Сразу после их ухода участок подвергся атаке ИРА. Как говорят, и дешево и сердито: риска минимум, участок пуст, ответного огня никакого, а с другой стороны — взрыв, огонь, шум и широковещательные заявления в прессе, мол, ИРА уничтожила полицейский бастион в районе, населенном лоялистами.

Однако на этот раз террористам не повезло. К проведению контроперации был привлечен так называемый ольстерский взвод САС. Ему в помощь с центральной базы из Херефорда прибыло еще одно подразделение бойцов из эскадрона «G».

По расчетам сасовцев, террористы собирались использовать начиненное взрывчаткой некое транспортное средство. После тщательного анализа пришли к выводу, что, скорее всего, это будет экскаватор.

В пользу этой версии говорило несколько фактов.

Во-первых, в районе Лонгхолла пропал экскаватор. В краже экскаватора, возможно, и не было ничего настораживающего, если бы не любовь террористов к подобному транспортному средству. Дело в том, что боевики ИРА уже однажды пытались использовать экскаватор для террористической атаки, нагрузив взрывчаткой ковш.

Во-вторых, секретная разведслужба РОК обнаружила на заброшенной ферме (где прятали и украденный экскаватор) взрывчатые вещества. Агенты РОК даже наблюдали, как в ковш загружали взрывчатку, и могли бы захватить террористов, но в качестве «грузчиков» действовали второстепенные фигуры, а всю террористическую группу можно было арестовать или уничтожить только на месте совершения преступления.

Поэтому разведчики РОК оставили в покое «грузчиков», лишь

известив об этом бойцов САС.

Сасовцы тем временем тщательно готовили засаду. Группы по 4 бойца заняли позиции по обеим сторонам полицейского участка, в лесу, у дороги.

8 мая террористы похитили в соседнем городке голубой микроавтобус «Тойота». Вскоре он оказался на той самой заброшенной ферме, где террористы скрывали экскаватор и хранили взрывчатку.

Во второй половине дня туда прибыли боевики. Они переоделись в одинаковые рабочие комбинезоны, шапочки, перчатки, на лица натянули черные маски.

Вскоре террористический эскорт — микроавтобус «Тойота» и экскаватор — двинулся в сторону Лонгхолла.

Боевики проехали на «Тойоте» по городку, дабы убедиться, что все в порядке, все спокойно. Потом они припарковались напротив полицейского участка. Из задних дверей выскочили пятеро боевиков и на всякий случай открыли огонь по окнам участка.

Под прикрытием огня террористов к участку двинулся экскаватор. В его ковше, присыпанная гравием, лежала взрывчатка.

Подразделение САС открыло огонь. Автоматные очереди бойцов спецподразделения были столь неожиданны, что Симус Донелли погиб за рулем «Тойоты», в шаге от двери был убит Патрик Келли.

Под огонь попали Юджин Келли и Деклан Артерс и через несколько секунд оказались уничтоженными.

Джеймс Лайнаг и Патрик Маккирни успели спрятаться за автобус и открыть ответную стрельбу, но успели сделать лишь по несколько выстрелов.

С началом операции сложились и непредвиденные обстоятельства. Еще шел бой, когда на улице, перед полицейским участком, появился «Ситроен», в котором сидели двое мужчин, одетых, на свою беду, в такие же рабочие комбинезоны.

Бойцы спецподразделения САС тут же открыли огонь по ним, приняв их за террористов. Водитель автомашины погиб сразу, пассажир был тяжело ранен. Как оказалось позже, эти двое никакого отношения к террористам не имели. Просто они возвращались с работы домой.

Несмотря на прицельный огонь, разогнавшийся экскаватор было уже не остановить. Террорист Гормли успел поджечь запал, а сам бросился бежать. Возможно, он и остался бы жив, но в руке у него блеснула зажигалка, и его, как и остальных бандитов, настигла пуля сасовца.

Экскаватор ударил в стену, и в следующее мгновение раздался взрыв — часть здания рухнула.

В эту минуту на дороге показалась еще одна легковая автомашина. Пришлось командиру блокирующей группы срочно выводить ее из-под обстрела.

Последним из террористов погиб Джерард О'Каллаген.

Удар спецподразделения САС по террористам в Лонгхолле оказался столь эффективным и чувствительным, что более двух лет ИРА находилась в растерянности и не предпринимала сколь, нибудь серьезных атак на силы безопасности.

Операция в Лонгхолле вошла в анналы антитеррористического искусства. Что показала она?

Важность оперативных данных. Зная примерное место проведения теракта, а также состав ударной группы, подразделение САС выработало эффективные меры противодействия.

Высокий профессионализм бойцов подразделения антитеррора, грамотно устроивших засаду и не оставивших своим противникам ни шанса на выживание.

В то же время слабо было продумано блокирование района проводимой операции, что привело к жертвам среди мирного населения.

Не использовались в ходе операции снайперы. Именно поэтому экскаватор прорвался к зданию и прозвучал взрыв. Только случайно никто не пострадал внутри здания полицейского участка.

Сасовцы имели возможность для ареста террористов по маршруту следования экскаватора и микроавтобуса «Тойота», однако они решили их уничтожить, нежели рисковать жизнью своих бойцов.

Эта операция подтвердила непреложную истину: оперативная работа в комплексе с тщательной подготовкой и высокопрофессиональным исполнением неизменно дает хороший результат.

ГОД 1988. «ПРЯНИКИ» ДЛЯ ЯКШИЯНЦА

О бандитском захвате автобуса с детьми в Орджоникидзе 1 декабря 1988 года, о том, как освобождали ребятишек, наша пресса писала много. Операция прошла успешно. Израиль выдал преступников. Сотрудники КГБ, экипаж самолета проявили мужество и были по достоинству награждены. Высокие награды в Кремле вручали первые лица государства: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета М. С. Горбачев и его первый заместитель А. И. Лукьянов.

Смелая учительница Наталья Ефимова, которая более суток находилась вместе с детьми под боевыми стволами террористов, была удостоена ордена «За личное мужество» № 1.

На экраны страны вышло два фильма: документальный — «Заложники из 4-го „Г“ и художественный — „Взбесившийся автобус“.

Кажется, в этой истории нет белых пятен, все ясно и понятно, расписано и снято по минутам. Ан нет. Через три года в «Досье» «Литературной газеты» появляется статья «Международный терроризм — кто „за“?» Автор ее — достаточно опытный журналист, в некотором роде даже „специалист по терроризму“. К этой теме он обращался неоднократно. Тем удивительнее было прочесть его откровение.

«Помните декабрь 1988 года? — спрашивает автор. — Да, когда террористы захватили автобус с ребятишками во Владикавказе (на момент захвата г. Орджоникидзе) и выпустили их и учительницу только тогда, когда получили в свое распоряжение огромные деньги (3, 5 миллиона американских долларов) и самолет для отлета в Израиль. И там они были схвачены и выданы советским представителям.

Так вот, все то, что связано с реагированием на этот террористический акт, как мне известно, формировалось уже в ходе самих событий, что было явно ненормальным. И когда представители «Аэрофлота», уполномоченные соответствующих компетентных органов делали максимум возможного, чтобы нейтрализовать террористов, то многое ведь базировалось на их интуиции, а не на профессионализме и опыте».

Странно, не правда ли? Автор прекрасно знает, что удалось освободить всех до единого заложников — 30 детей, учительницу и водителя автобуса. И террористы не мальчики — матерые преступники, готовились долго и

тщательно. Как признавался сам главарь банды, они перечитали десятки публикаций, просмотрели не один зарубежный фильм о нападениях на самолеты и выбрали самый бесчеловечный и изощренный способ — захват детей.

Кстати, детей и учительницу они отдали раньше, чем получили деньги, на которых автор статьи заостряет внимание. Да и не деньги определили исход борьбы, а оружие. Впервые в мировой практике его вручили бандитам. Но даже после этого удалось переиграть террористов.

И все благодаря интуиции? Ни опыта тебе, ни знаний, ни профессионализма. «Формировались в ходе самих событий», «базировались на интуиции» — и поди ж ты, сумели выиграть труднейший бой с хитрыми, жестокими бандитами. Вот так любители!

Не думаю, что автор статьи столь наивен и не может отличить работу профессионалов от любительских упражнений. Но тогда в чем же дело? Видимо, даже многочисленные публикации, фильмы — по причинам ли секретности или по каким-то другим обстоятельствам — не смогли по-настоящему раскрыть деятельность профессионалов. Их сложная психологическая борьба за жизнь заложников прошла как бы мимо повествования.

Хотелось бы восполнить этот пробел. Ведь захват автобуса с детьми в Орджоникидзе и их освобождение — без сомнения, одна из сложнейших операций такого рода, проведенных когда-либо в мире. И мы должны знать о ней все.

2 декабря 1988 года. 3.10. Аэропорт Минеральные Воды

Пять минут назад полковник Геннадий Зайцев начал переговоры по рации с главарем вооруженной банды, захватившей автобус с детьми, Павлом Якшиянцем. Главное, что волновало штаб по чрезвычайному происшествию, — состояние детей. С этого и начал полковник.

Зайцев: Алло, Павел, ты слышишь меня?

Якшиянц: Не беспокойтесь.

Зайцев: Павел, учительницу можешь пригласить?

Якшиянц: Пожалуйста. — Обращается к учительнице: — С тобой будут разговаривать. Говори, что хочешь.

Учительница: Здравствуйте, говорит учительница Наталья Владимировна.

Зайцев: Очень приятно, Наталья Владимировна. Я — Геннадий Николаевич.

Учительница: Вы не скажете, когда нас отсюда выпустят?

Зайцев: Наталья Владимировна, я обращаюсь к вам как к главной защитнице детей. Как они чувствуют себя?

Учительница: Дети сейчас спят. Конечно, все хотят домой. Проснутся, опять начнут плакать.

Зайцев: Нужно ли кому-то из детей оказать медицинскую помощь? Или иную помощь, по вашему мнению?

Учительница: Нет. Они чувствуют себя хорошо. Помощи медицинской не надо. Только есть хотят и домой бы поскорее.

Зайцев: Я очень прошу вас: держитесь изо всех сил. Что бы ни произошло, знайте — все о вас беспокоятся. Подчеркиваю, вашей жизни, если все пойдет нормально, ничего не угрожает.

...Ах, дети, дети. Просто представить трудно, что родился, ходит по земле человек, который пошел на такое чудовищное преступление — в заложники взял детей.

Что знал полковник, что знали в штабе на этот час о главаре банды? К их прилету в Минводы местные комитетчики уже получили кое-какую информацию.

Павел Якшиянц, 38 лет, уроженец Ташкента, работал водителем в Орджоникидзе. Трижды судим, Хитер, изощрен, жесток.

Н-да. Десять с лишним лет руководил Зайцев группой «А», всякого навидался, но такое — держать под ружьем автобус с одиннадцати — двенадцатилетними детишками — встречает впервые.

Он сам отец и дед. Представляет сейчас испуганные глазенки мальчишек и девчонок. Эх, кабы не дети, «Альфе» на все про все хватило бы считанных секунд, и лежать бы сволочам мордой на грязном полу.

Но нет, он должен быть спокоен и мудр. Ему вести дуэль с главарем бандитов.

Якшиянц: Мы поступили очень грубо, сапогами в морду, можно сказать. Но мы себя оправдаем. В дальнейшем, я вам говорю, одна секунда, как вы сделали добро, вторая секунда будет наше добро. Не принимайте нас за дуралеев. Я интересовался всеми этими акциями и, по-моему, неплохо продумал операцию.

Зайцев: Павел, готовы удовлетворить все ваши требования. Но нами руководит беспокойство за детей. Могли бы вы тоже ответить гуманностью и освободить детей?

Якшиянц: .Да, освободим детей. Но только в случае, если

руководитель государства официально объявит во всеуслышание и подпишет документы о нашем беспрепятственном выезде.

Зайцев: Куда вы хотите вылететь?

Якшиянц: В любое иностранное государство, которое нас не выдаст. Уверены в лояльности Пакистана, Израиля, ЮАР.

Заместитель председателя КГБ генерал Пономарев выжидающе смотрел на Зайцева. Полковник опустил микрофон. Москва. Аэропорт Шереметьево.

— Пакистан...

— Добро, — ответил Пономарев и направился в противоположный конец комнаты, в которой располагался штаб, к телефону правительственной связи.

Экипаж Александра Божкова готовится к полету в Дели. Они недавно вернулись оттуда, увозили после гастролей цирк. Веселые пассажиры попались: медведи, лошади, орлы. В полете вели себя смирно, только орлы все помахивали крыльями, беспокоились.

2 декабря 1988 года. 0.45

Однако очередной рейс в Индию был неожиданно отменен. Самолет полетел в Минеральные Воды. Когда приземлились, поразило безлюдье в аэропорту. Пока выруливали на дальнюю стоянку, «Земля» ввела в обстановку. У трапа их встречал сотрудник КГБ, рассказал подробнее о случившемся, уточнил: «Дело добровольное. Кто чувствует себя неуверенно, может отказаться». Ни один из пилотов не дрогнул. С этой минуты они уже знали: им лететь за границу по требованию террористов, им быть заложниками.

Зайцев нажал тангенту микрофона: «Мы готовы предоставить вам возможность вылететь в Пакистан. Как вы относитесь к этому?»

Якшиянц: Хорошо. Значит, куда мы улетим отсюда?

Зайцев: Самолет без дозаправки дотянуть до Пакистана не сможет. Поэтому требуется промежуточная посадка в Ташкенте. Именно Ташкент ближе всего к Пакистану. Поняли меня?

Якшиянц: Душанбе вас не устраивает?

Зайцев: Душанбе ближе к нам и дальше от пакистанской границы.

Якшиянц: Там разве нет прямой границы с Советским Союзом?

Зайцев: Нет. Да и Ташкент географически ближе к Пакистану.

2 декабря 1988 года. 1.20 московского времени. Совпосольства в Исламабаде, Кабуле, генконсульство СССР в Карачи.

Советские полномочные представители в Афганистане и Пакистане получили срочное сообщение о захвате детей в Минеральных Водах, о требованиях террористов предоставить им самолет до Пакистана.

Несмотря на глубокую ночь, послы СССР настойчиво выходили на связь с местными представителями власти.

2 декабря 1988 года. 1.25 московского времени. Аэропорт Минеральные Воды.

Произвел взлет самолет, следующий рейсом по маршруту Минводы — Ташкент с 15 сотрудниками антитеррористической группы «Альфа» на борту. Возглавил группу Сергей Гончаров.

Вскоре в штаб пришло сообщение: Ташкент готов принять террористов. Однако к тому часу бандиты уже изменили свое решение

Якшиянц: Значит, я вам говорю: иностранный самолет из Пакистана прилетает в Ташкент. Что мы делаем? Грузимся в самолет. Там присутствует посол этого государства. Вы подписываете с нами договор, что не применяете силу, мы детей оставляем и летим.

Зайцев: Хочу пояснить: вопрос весьма сложный. Сейчас ночь. Посла Пакистана требуется из Москвы доставить в Ташкент. Значит, надо провести переговоры на самом высоком уровне.

Якшиянц: Непонятно мне, разве посол Пакистана не может сразу вылететь?

Зайцев: Может. Но подчеркиваю, он находится в Москве. Его надо найти, поднять, обеспечить вылет...

Якшиянц: Вы меня не поняли, что ли? Я спрашиваю: посол или временный поверенный?

Зайцев: Полномочный представитель Пакистана в Советском Союзе. Его резиденция в Москве.

Якшиянц: Как, вы поддерживаете дипломатические отношения с государством, которое с нами воюет?

Зайцев: Что вы имеете в виду?

Якшиянц: С территории Пакистана уничтожаются наши парни. Там базы. Ну, если у вас пакистанский посол, нам Пакистан не нужен. С этим послом можно о чем угодно договориться. Да-а, значит, они тоже засранцы приличные, простите за выражение. Наших бьют, а сами в Москве сидят. Ладно. Как насчет Израиля?

Зайцев: У нас с Израилем нет дипломатических отношений. Павел, а если Финляндия, вас устроит?

Якшиянц: Я даже улыбнулся — Финляндия! Боже мой! Это ж наши шлепанцы в Балтике. Летим только в Израиль!

2 декабря 1988 года. 2.47 московского времени. Тель-Авив. Консульская группа Советского Союза.

Руководитель консульской группы Г.И.Мартиросов был поднят с постели ночным телефонным звонком из Москвы. Сообщив о происшествии, его предупредили, что самолет скорее всего направится в Израиль.

Заместитель министра иностранных дел СССР попросил выйти на руководство страны. Он намеренно воспользовался открытой связью в надежде, что Тель-Авив «услышит» беседу МИДа со своим посланником и как-то отреагирует. Так, по существу, и случилось. Через час после разговора с Москвой Мартиросову позвонил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг и дал понять, что им известно о захвате самолета.

Израильтяне практически сразу выразили согласие принять самолет. А в Минводах продолжалась борьба. Теперь бандиты требовали денег.

Зайцев: Вы уже несколько раз говорили о деньгах. Что вы имеете в виду, какие деньги?

Якшиянц: Нам нужны доллары, стерлинги.

Зайцев: О какой сумме идет речь?

Якшиянц: Ну, тысяч по пятьсот на брата.

Зайцев: А сколько вас, братьев? Сколько человек? Вы слышите меня, вы не ответили.

Якшиянц: Я сказал еще в Орджоникидзе — нам нужно миллион в долларах, миллион в фунтах стерлингов и миллион золотом. Золотом с пробами. Мы все это проверим.

Зайцев: Миллион золотом и миллион фунтов стерлингов. Я вас правильно понял?

Якшиянц: И миллион долларов. И золотом. Русским золотом. Самым дешевым и самым дорогим.

Зайцев: Я вас так понял: либо миллион долларов, либо миллион фунтов стерлингов, либо миллион золотом?

Якшиянц: Совершенно вы меня не поняли. Все три в одно место. Может быть, вы скажете: «Дадим вам три — золотом?» Пожалуйста.

Зайцев: Павел, я откровенно говорю, что у нас такой возможности нет. Речь может идти о долларах.

Якшиянц: А почему золота нет, русского золота?

Зайцев: Павел, у нас золота с собой нет.

Якшиянц: Как так? В Советском Союзе золота нет, что ли? Я удивляюсь. Неужели вам жалко денег? Просто туда с миллионом неудобно ехать. Столько морд! Не успеешь оглянуться, как опять будешь в заднице.

Зайцев: Я еще раз обращаюсь к вам. Вы обсудите этот вопрос с товарищами. Мы можем дать только доллары.

Якшиянц: Три миллиона?

Зайцев: Нет, два...

Якшиянц: На каких условиях?

Зайцев: Условие одно: вы освобождаете детей, мы передаем два миллиона и обеспечиваем вылет.

В это время в комнате штаба полковник Зайцев увидел сотрудника группы «Альфа» Валерия Бочкова, окликнул:

— Как с деньгами, Валерий Александрович?

— Все нормально, Геннадий Николаевич, деньги уже в Минводах.

А было так: сотрудники 4-го управления КГБ, приехав во Внешторгбанк, выгребли из сейфов все, что было в наличности. Работники банка только руками развели: с чем работать завтра? Сотрудники безопасности промолчали. Только один, увязывая мешок с валютой, угрюмо сказал: «До завтра еще дожить надо...»

В ту ночь каждый из них думал о своем: банкиры о деньгах, уплывающих неизвестно куда, сотрудники безопасности — о детях, в сердце которых направлен бандитский обреза.

...Самолет с мешками денег улетел в Минводы.

Теперь, когда с будущей безбедной жизнью все было решено, террористы потребовали новых гарантий. Гарантий безопасного вылета в Израиль. Как только не изощрялись бандиты, чего только не придумывали. Их требования, даже самые безумные, пытались удовлетворить. Повторим,

никто не имел права рисковать детьми.

Позже выяснилось, что бандиты продумали даже мелочи: окна автобуса наглухо зашторили, в салоне расставили банки с бензином. Одна искра, и гибель тридцати детей неминуема. Арестовать преступников ценой тридцати жизней?

Якшиянц: Значит, я вам говорю: сюда к нам члена Политбюро, но не того, который должен выйти на пенсию, а цветущего. Личность мировую, известную. И гарантии от нашего Президента. Пусть даст железные гарантии, а его жена Раиса Максимовна пусть едет с нами. Если она детей любит.

Зайцев: То, что вы предлагаете, нереально.

Якшиянц: Раиса Максимовна — не государственный человек, она мать. Почему же на это нельзя пойти? Знаю, с ней меня и за два миллиона никто не уничтожит.

Зайцев: Вас и без нее никто не собирается уничтожать. Но ваше требование невыполнимо.

Якшиянц: Думаете? Но другого выхода не вижу. Это, может, моя фантазия, но если бы я был Первый, посоветовал бы: «Знаешь, жинка, давай-ка съезди с хлопцами». Считаю, что Крупская бы поехала. Сказала бы: «Я вам как бабушка, меня возьмите, а детишек отдайте».

Зайцев: Павел, вы прекрасно видите — рядом стоит самолет, работают двигатели, он полностью готов к вылету. Так летите! При чем тут Раиса Максимовна?

Трудно сказать, были ли эти требования доложены Президенту. Говорят, Горбачев знал о них. Во всяком случае, секретарь ЦК Егор Лигачев, в ту пору второй человек в государстве, несколько раз звонил в штаб ЧП в Минводах.

А главарь уже требовал вернуть в автобус жену и дочь. Дело в том, что при захвате автобуса вместе с террористами находилась и жена Якшиянца Тамара Фотаки с дочерью. По дороге в Минеральные Воды она упросила мужа выпустить их. Тот согласился. Теперь счел необходимым возвратить обеих обратно.

Якшиянц: У нас все идет отлично, не жалуюсь. Единственно, у меня была минута слабости, когда жену с ребенком выпустил. Она мне сказала: «Павел, нас всех уничтожат! Пожалей ребенка». Действительно, я посмотрел, у нас такая зарядка техбензином, непременно сгорим — и выпустил. Теперь передумал и говорю: подготовьте их к возвращению. Это будет одно из требований. Они должны вернуться в автобус. Вот так — Тамару Михайловну и дочь. Она не против, просто не верит, что все

пройдет благополучно.

Зайцев: Я понял.

Но Фотаки возвращаться наотрез отказалась.

Ее уговаривали заместитель председателя КГБ генерал Пономарев, полковник Зайцев, местные партийные работники. Просили как женщину, как мать. Тамара Михайловна боялась.

После проведенной оперативной работы стали известны имена сообщников Якшиянца.

В. Муравлев, 26 лет. Шофер, электрик. Последние месяцы нигде не работал. Дважды судим.

Г. Вишняков, 22 года. Работал в автобусном парке, потом на заводе...

Однако пока никто не знал: трое их, четверо или пятеро? Главарь банды говорил о семерых сообщниках, но хотел получить восемь бронежилетов. И вот впервые прозвучало грозное требование выдать оружие. Требование — одно из самых опасных и тупиковых. В мировой практике не было случаев выдачи оружия террористам. В отечественной тоже.

Что означал бы такой шаг? По существу, самоубийство. Все понимали: каждая пуля бандитов — пуля, летящая в грудь людей из «Альфы».

А Якшиянц требовал семь автоматов.

Зайцев: Еще раз прошу повторить. Как я понял, мы должны дать вам восемь бронежилетов. Так или нет?

Якшиянц: Да, так. И еще семь автоматов. Их работоспособность мы проверяем, заряжены ли они боевыми, чтобы не было подлога. Это наша полная гарантия. Плюс Тамара с ребенком.

Зайцев: Для чего вам нужны автоматы?

Якшиянц: Вы должны точно гарантировать, что по прилету на место один из нас выйдет в город, проверит, действительно ли это та страна. Потом автоматы сдаем.

Зайцев: По существующим международным нормам ввозить в другую страну оружие запрещено законом.

В это время, чтобы увести Якшиянца от мысли об оружии, Зайцев предлагает в качестве заложников вместо детей экипаж самолета. Бандит не верит, он считает, что в форме летчиков перед ним предстанут работники спецслужб.

Зайцев: Взамен детей мы даем гарантии правительства и экипаж.

Якшиянц. Экипаж — это первоклассные бойцы, они согласны пожертвовать собой, чтобы выполнить долг перед Родиной. Это я понимаю. Вы должны применить все, чтобы не выпустить нас. Я не верю, что вы

просто так отпускаете. Такого не было. Не было никогда.

Зайцев: Да, не было. А сейчас впервые проблема решается таким образом. Я подчеркиваю еще раз, ваши требования удовлетворены на самом высоком правительственном уровне.

Когда читаешь магнитофонную запись переговоров, порою кажется, что там, в автобусе, находится благоразумный человек, со своими мыслями, чувствами. Он не лишен сострадания, то и дело говорит, что ему жаль детей, пытается философствовать о добре и зле, даже шутит! Но вот лишь один непредвиденный случай — в радиостанции террористов село питание. Штаб послал к автобусу женщину, работника аэропорта, с новыми батареями.

Ну а кого же послать? Мужчину? Бандиты могут решиться на отчаянный шаг. Увидев в окно женщину, Якшиянц пригрозил: «Если еще кто-нибудь подойдет, как эта женщина, без предупреждения, — уничтожим автобус».

Зайцев: Не было другого выхода. У вас село питание.

Якшиянц: Питание у нас нормальное. Просто вам трудно кнопку нажать.

Полковник Зайцев «нажимал кнопку» и вел переговоры одиннадцать часов без перерыва. Уговаривал, увещевал, лавировал, уходил от вопроса об оружии. Упорно работали местные комитетчики: они выявили сообщников Якшиянца, доставили в аэропорт отца одного из бандитов — Муравлева.

Отец: Володя, доброе утро.

Муравлев: Здравствуй, папа.

Отец: Володя, мне страшно, и я плачу. Что ты творишь? Что ты делаешь с детьми? Остановитесь. Не оставляйте Родину, важнее Родины ничего нет! Куда вы катитесь? Подумай о бабушке, о дедушке Саше, подумай. Ты на его земле сейчас. Кого ты бросаешь? Остановись, сынок! Я тебя прошу. С ваших голов ни один волос не упадет. Это гарантии правительства, Горбачева. Если он сказал, кому еще верить в нашем государстве?

Муравлев: Слушай, папа, мы повязаны друг с другом: кто выйдет, тот должен умереть. Такой закон у нас.

Отец: Никто вас умирать не заставляет. Вы должны жить. Вы молоды.

Муравлев: А что, разве плохо для государства валюту заработать? Подумаешь, пройдет каких-то десять лет, и мы эти два миллиона вернем. Ничего не случится.

Отец: Два миллиона захотели? Зачем они вам, эти два миллиона?

Честно надо трудиться. У нас в семье копейку зарабатывают трудом. Твой дедушка Ваня трудился, молотком добывал свой хлеб. Сынок, я должен с вами поговорить.

Муравлев: Не надо.

Отец: Ты хотел бы с матерью встретиться, проститься? Если она вас попросит, как сыновей, одуматься и вернуться, согласись.

Муравлев: Больше нечего сказать?

Отец: Ты не хочешь со мной в последний раз поговорить?

Муравлев: Нет, не надо, тут все против.

Отец: Можешь дать микрофон Павлу? Его Павлом зовут?

Муравлев: Не надо, все это впустую.

Отец: Володя, одумайтесь, там же маленькие дети, я слышу, они плачут.

Муравлев: Кто плачет? Они смеются.

Отец: Володя, ты подумай, если бы такое случилось с твоим двоюродным братом Алешкой, Лехой. Он такой же маленький.

Муравлев: Уже поздно задний ход давать.

Отец: Я с матерью разговаривал. Знаешь ведь, какое у нее здоровье.

Муравлев: Не могу я, не уговаривай.

Отец: Положи ее в гроб тогда, положи в гроб. Мать у нас труженица, тебя любила, лелеяла, обогревала, обмывала, кормила, в детский сад водила. Ты вспомни это, сынок. Давай я подойду. Хочешь или не хочешь, я обязан сказать. Я все-таки отец.

Якшиянц: Не надо мучить парня. Он волнуется. На протяжении двух месяцев каждый из нас обдумывал. В любой момент мог отказаться. В любой момент. Сто раз!

Отец: Павел...

Якшиянц: Для меня не имеет значения, сколько нас человек. Здесь достаточно одного с зажигалкой. Даже если вы заберете всех, со мной вопрос не решите. Если кто будет подходить, я водителю и этой бабе-училке уши или что-нибудь еще отрежу и выброшу прямо в лицо...

Волк показал зубы, почувствовав опасность. А дети который час сидели в душном, пропахшем бензином автобусе. Отец Муравлева взывал к совести бандитов.

Отец: Деньги есть, самолет стоит, но мы, советские люди, обращаемся к вам. Я, как отец Володи, обращаюсь. Подумайте еще раз. Какое кощунство — взять детей заложниками. Такого даже варвары не делали.

Якшиянц: С помощью ума, силы, хитрости они хотят добиться результатов. Но мы-то стоим по другую сторону баррикад. Нам надо

добиться своего! Мы не грубим, не торопим. А можно события поторопить. Парочка жертв, и события потекут, побегут. И правительство приедет. Боже мой! Это очень много — тридцать человек.

Да, это очень много — тридцать детских душ.

Аэропорт был оцеплен солдатами, танки и бронетранспортеры замерли у летного поля, боезапас наготове. Они могли бы стереть с лица земли батальон, а может, даже полк противника, но оказались бессильными перед горсткой бандитов. «Альфа» тоже была бессильна. Пока бессильна.

У микрофона другой бандит. Он назвался Германом.

Герман: Вы не приняли наши условия с автоматами и бронежилетами?

Зайцев: Жилеты лежат, восемь штук. Мы готовы передать их в любое время.

Герман: В чем тогда дело? Все предельно просто.

Зайцев. Вы можете принять бронежилеты. Сколько штук требуется?

Герман: Восемь бронежилетов и семь автоматов.

Зайцев: Мы ведем речь о бронежилетах.

Герман: И об автоматах тоже. Это входит в наши условия.

Зайцев: Герман, я каждому разъясняю: автоматическое оружие по нормам международного права запрещается ввозить как в Советский Союз, так и в любую другую страну мира. Вы поймите.

Герман: А как это станет известно, что мы ввозим?

Зайцев: После приземления местная полиция сделает досмотр.

Герман: Можно тайник в самолете придумать.

Зайцев: За это ответственность еще больше. Я повторяю, вопрос о вашем вылете решен. Вы требовали деньги — Советское правительство готово выделить их. Вы требовали бронежилеты — мы готовы дать бронежилеты. Но просим в обязательном порядке соблюсти неременное условие: освободить всех детей.

Герман: Это можете рассказать детям четвертого класса. Они поверят.

Зайцев: Что вас не устраивает?

Герман: Нет стопроцентной гарантии. Сказано уже сто раз.

И такой гарантией бандиты считали выдачу оружия. Требования террористов были переданы в Москву. Но что необычного, нового может предложить Москва? Москва молчит.

Штаб бросает в бой последний «резерв».

Зайцев: Павел, с тобой жена хочет поговорить

Жена: Павлик, доброе утро. Павлуша, родной, послушай. Я только что разговаривала с заместителем председателя КГБ Советского Союза. Гарантии полные. Бог тебе навстречу. Хочешь, оставайся здесь, хочешь

уходить — уходи. Детей оставляй и лети. Никто тебе здесь помехой не будет. Павлуша, милый, я здесь одна, ребенок у чужих людей остался. На все иду, только сейчас сделай по уму, не напори глупостей, родной. Оставляйте детей и идите. Деньги вам приготовлены, Горбачев в курсе дела. Он дал свое согласие. Уже там, в твоём любезном Израиле, все договорено. Не упирайся, иди, заклинаю тебя, Павел, я тебе говорю, что с тобой буду. Буду! Но сейчас это не в моих силах. Ребенка на чужих людей не брошу.

Якшиянц: Было бы твоё желание, я бы подождал. Даже своим ходом готов в любое государство ехать, хоть в автобусе. Раису Максимовну они не хотят в заложницы. Боятся. А члена Политбюро? Тоже нет. Нам что, погибать впустую?

Жена: Павлик, я тебя прекрасно понимаю. Для чего вас уничтожать? Это ни к чему. Тут единственная цель: забрать детей. Я же здесь все своими ушами слышу, обстановку знаю. Неужели ты думаешь, я бы тебя на гибель толкала? Павел, поступи благоразумно, по-человечески, как отец. Там же дети, чьи-то дети. Ты представь, если бы это твои дети были. Кошмар! Сколько это длится? Сутки! Вдумайся. Вам все дадут. Уже мешки денег стоят наготове. Забирайте, езжайте. Зачем вам оружие? Вас же самих с ним не пустят никуда. Зачем оно тебе? Вот, пожалуйста, экипаж самолета здесь, все здесь. У меня на глазах! Я же тебе родная душа. У нас же ребенок, Паша! Мы же дитём связаны!

Якшиянц: Зачем врать? Пацаны над нами смеются. Учительница даже говорит: «Нет, ребята, вас постреляют». Шофер это говорит. Люди посторонние, со здравым умом. Скажем, у меня преступный ум, извращенный. Ты сама мне вчера сказала, что нас с детьми уничтожат. Нет, не верю, дайте гарантию.

Жена: Павлуша, если я сейчас приду, ты ко мне выйдешь?

Якшиянц: Ты, наверное, будешь говорить за свою судьбу, за нашего ребенка. Не уговоришь. Что тебе нужно? Крест от меня?

Жена: Да дурак же! Какой крест мне от тебя нужен? Что еще сказать, господи! Хочу объяснить, гарантии вам даны. Эти люди слов на ветер не бросают. Бронежилеты дают, деньги дают. Экипаж не вооружен. Зачем вам оружие?! Какой ты упрямый. Это только твоих рук дело, я знаю. Мальчишки там — тьфу! По сравнению с тобой — телята. Это же твоя рука! От тебя все зависит. Павел, еще раз говорю, креста от тебя не хочу. Знаешь, у меня на свете четыре родных человека: ты, отец, мать и дочь. Так почему, если у меня есть возможность, тебя не спасти? Почему я тебя должна хоронить? Ты жив останешься, будешь с деньгами.

Якшиянц: Я уже все потерял. Я обречен на выезд. А это хуже смерти. Смерть — это мгновение. Но ты сама подписала приговор. Ни Родину, ни честь я не предаю (!). Мог бы заставить полететь в Пакистан и там бы пошел в формирования, взяв оружие в руки. Но я не пойду туда. Потому что хочу жить для себя и для своей семьи, а не для государства.

Жена: Павлик, я хочу только одного: чтобы ты вернулся домой. Есть такая возможность. Паша, остановись! Еще не поздно. Поверь мне! Нас Элечка дома ждет. Дитя пожалей!

Якшиянц: Ты вышла — и все. Между нами барьер. Не надо из меня делать зверя.

Жена: Мы можем жить по-человечески. Пойти к тебе я не могу, ребенка бросила у знакомых в городе. Ты мне три года назад какое горе сделал — ребенка украл! За тобой летели. Куда опять меня тянул? Зачем? Знаешь прекрасно, что я не хотела, против была. Так не делается, надо по-человечески делать.

Якшиянц: Тамара, если ты женщина и мать, ты поймешь матерей этих детей. Вернись, и я отдам детей. Ан нет, о себе думаешь. Теперь о других подумай, пусть тебе тяжело будет, но не убьют же тебя.

Жена: Мой ребенок на улице, понимаешь? Чего ты хочешь? Чересчур много хочешь. Люди все, что могли, предложили. На все твои условия пошли...

Итак, переговоры Якшиянца с женой ничего не дали. Бандит был непреклонен. У этого человека и вправду не осталось ничего святого.

Прошло 16 часов со времени захвата автобуса. Истекал девятый час переговоров.

Якшиянц по-прежнему требовал оружия. Переговоры оказались в тупике.

На связь вышла Москва. Центр давал добро на выдачу оружия террористам. Трудно было поверить в это. Но другого выхода не было.

Зайцев: Мы предлагаем тебе четыре пистолета Макарова.

Якшиянц: Хорошо! С полными обоймами. Пистолеты и по запасной обойме. Мы берем обоймы на выбор, постреляем. Но если будет подвох, пистолеты выбрасываем и диктуем другие условия.

Зайцев: Павел, ты имей в виду сам и предупреди товарищей, четко изложи: с нашей стороны оружие применяться не будет. Но чтобы и с вашей стороны были полные гарантии неприменения.

Якшиянц: Безусловно. Я еще раз повторяю, безусловно. Вы нам для самолета предоставьте один автомат. Будем выходить, автоматом прикрываться. Когда половина экипажа будет в самолете, автомат оставим

на полосе.

Зайцев: Один автомат Калашникова. Мы удовлетворили ваши требования. Наши требования прежние: все дети, учительница и шофер должны быть освобождены.

Якшиянц: Да, конечно. Теперь об экипаже самолета. Пусть они выйдут в рубашках, чтобы было видно: никакого сверхсекретного оружия при них нет.

Зайцев: Еще один вопрос. Надо сообщить ваши данные. Вы же летите за границу. Фамилии, имя, отчество, год рождения, местожительства.

Якшиянц: На это я ребят уговорить не могу. У некоторых родители ничего не знают. И они не хотят, чтоб знали.

Зайцев: Скажи хотя бы точное количество людей, чтобы сообщить, сколько человек летит.

Якшиянц: Герман говорить не хочет, Ахат, Гриша — тоже. Они скажут в самолете.

Зайцев: Я понял тебя. Сейчас готовим бронежилеты, оружие.

Убедительно прошу: не нервничайте, если что — связь со мной.

Якшиянц: Приносить оружие частями. Передавать в окошко.

Зайцев: Экипаж и специалисты, которые будут готовить машину к вылету, пошли к самолету.

Ну вот и наступил их час. Заместитель начальника шереметьевской эскадрильи Вячеслав Балашов оглядел экипаж.

Командир Александр Божков. Летчик что надо, и в личном деле запись «первый класс», и в работе — первоклассный пилот. Работал в Ледовой разведке, в широковысотных арктических экспедициях, летал в Афганистан.

Второй пилот — Александр Гончаров. Сибиряк, красноярец. Молчун, слова не вытянешь, надежен в полете и на земле. Пилотировал «Аннушку», «Як-40», «Ил-86».

Штурман Сергей Грибалев. Работал штурманом вертолетного отряда в Тюменской области. Летал на «точки» — к нефтяникам, геологам, охотникам. Позже облетел всю Европу, Юго-Восточную Азию.

Старший бортинженер авиаотряда Юрий Ермилов. Опытен. Знал еще «Ту-114». Попадал в переделки — садился со сломанным шасси, однажды заклинило тягу руля, а за спиной двести пассажиров. Но нашел выход из критической ситуации.

Радист Александр Горлов. Прошел три антарктических экспедиции. Самая сложная — на корабле «Сомов». За тот героический рейс получил орден.

Бортоператор-инструктор Борис Ходусов и его молодой коллега Виктор Алпатов. Борис начинал еще бортпроводником, потом участвовал в первом полете «Ил-76» в Антарктиду. Виктор — самый молодой в экипаже. Окончил авиационно-техническое училище, работал в конструкторском бюро. И вот потянуло в небо.

«Что ж, ребята как на подбор», — подумал Балашов и кивнул экипажу: «Вперед, пилоты! Отступать некуда».

Перед выходом на летное поле задержался:

— Только вот что, мужики, разное увидим. Но с бандитами ни-ни, предельная вежливость. От нашей выдержки зависит жизнь детей.

Они шагнули за порог. Поле аэродрома лизал колючий зимний ветер, низкие облака, казалось, зависли над самыми самолетами. Автобус стоял невдалеке. Тихий, мрачный, с зашторенными окнами.

Главарь банды вновь вышел на связь со штабом.

Якшиянц: Тамара не думает лететь?

Зайцев: Тамары здесь нет. Она ушла.

Якшиянц: Не хочет?

Зайцев: Павел, сейчас товарищи по одному, как условились, будут подносить бронежилеты.

Якшиянц: А оружие?

Зайцев: Потом принесут оружие.

Якшиянц: Ждем и наблюдаем.

К первой встрече с бандитами были готовы начальник отдела Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев и сотрудник «Альфы» Валерий Бочков.

Бандиты вновь на связи.

Муравлев: Нам вроде сказали, что кто-то будет идти. Но никого не видно.

Зайцев: Пошел товарищ.

Муравлев: С какой стороны?

Зайцев: Идет к автобусу.

Первым понес бронежилеты Шереметьев. Ни одна шторка не шевельнулась на окнах. Словно вымер автобус. Приоткрылась дверь. В темноте салона никого не было видно. Шереметьев приподнял руки: «Вот, мол, принес».

На пороге появился небольшой мужчина — скуластое, заросшее черной щетиной лицо, впалые, с хищным наркотическим блеском глаза.

— Я принес бронежилеты, Павел, освобождай, как обещал, детей.

Ядовитая усмешка скривила лицо бандита:

— Я не Павел, я Геннадий.

— Геннадий так Геннадий. Восемь комплектов будут, а пока два. За один раз не утащить.

Муравлев, стоявший сзади Якшиянца, передал тому обрез, спустился с подножки, стал слева, вплотную к Шереметьеву. Подстраховал главаря.

— Пропусти в автобус, — попросил сотрудник КГБ, — надо на детей глянуть.

Важно было и другое: до сих пор неизвестно, сколько бандитов? Просил-то восемь бронежилетов.

Оказывается, темнил. Четверо их всего было.

Заглянул Шереметьев в салон, и сердце сжалось от боли: в духоте, в грязи, среди банок с горючим, изнуренные, уставшие, с потухшим взглядом сидели детишки. Но, слава богу, все живы. Молоденькая учительница полными слез глазами глядела на Шереметьева. Подмигнул ей ободряюще: держись, Наташа.

Потом начался торг. За бронежилет — ребенка.

Следующим пришел Бочков. Бандиты глянули на него, угрюмо кивнули: «Сложи у колес». Чем-то не понравился им Валерий. Комплекцией, что ли. Очень уж могучий мужик.

Снова у автобуса Шереметьев: в одной руке автомат, в другой снаряженный патронами магазин.

Опять очередь Бочкова. Передал Якшиянцу пистолет, тот повертел его, вставил магазин. Вернул Валерию: попробуй. Тот передернул затвор, нажал на спусковой крючок. Выстрела нет. Бандит насторожился: никак подвох? Но Бочков уже понял, в чем дело. «Что ж ты магазин толком не дослал?» Прогремел выстрел.

Потом следователь долго будет пытаться Валерия: зачем, мол, стрелял? Затем и стрелял, что нельзя было не стрелять.

Протянул пистолет, заглянул в автобус:

— Слушай, Павел, я свое слово сдержал, оружие принес. Отдай мне девчонок.

Понимал: девочкам труднее, да их всегда и больше в классе. Значит, больше удастся освободить.

— У меня самого в доме две девочки. Не мучай их.

Девочки стояли на площадке у дверей, Муравлев прикрывался ими, когда Бочков внизу с Якшиянцем вел переговоры. Не получив ответа, сотрудник группы «А» стал не спеша снимать с площадки детей — одну, другую. Заглянул в салон: есть еще девочки?

Взял четверых, а когда отошли от автобуса на несколько шагов, еще

две выпрыгнули. Всего шестеро. Обнял за плечи, повел, а сам шепчет: «Что бы ни случилось, не бойтесь и не бегите. Только не бегите». Вдруг за спиной выстрел. Валерий крепче прижал к себе девочек, скомандовал: «Не бежать!» Хотя у самого внутри все похолодело.

Оказывается, бандиты проверяли автомат, выстрелили вверх, в люк автобуса.

Каждая ходка Бочкова и Шереметьева — вызволенные дети. Двое, четверо, шестеро... всего десять человек. Заложниками оставались одиннадцать мальчишек вместе с учительницей Натальей Ефимовой.

Долго обсуждалась процедура пересадки из автобуса в самолет. Наконец, казалось бы, решение принято...

Зайцев: Павел, я хотел бы уточнить некоторые вопросы. Мы с тобой определились, что дети идут до самолета, становятся в две линейки у трапа, и вы в это время поднимаетесь на борт. Так?

Якшиянц: Знаете, что я вам скажу. В дальнейшем вы предоставьте все это нам делать. Так будет спокойнее. Потому что можно придумать и другие хитрости.

Зайцев: Павел, мы же с тобой договорились основательно. Все, что вы просили, мы сделали, требования выполнили. Ты согласен со мной?

Якшиянц: Я согласен с тем решением, которое я принял.

Зайцев: Павел, мы с тобой так не договаривались.

Якшиянц: Мы договаривались, что дети останутся здесь.

Зайцев: Правильно, будут стоять у входного люка в две шеренги. Так или нет?

Якшиянц: Был такой момент. Но ситуация изменилась...

Зайцев: Павел, давай, раз уж определились, будем держать слово.

Якшиянц: Почему не даете с женой попрощаться по рации?

Зайцев: Ее нет, она уехала домой, к ребенку.

Якшиянц: Понятно...

Зайцев: Павел, как мы все-таки определимся с детьми? Давай оставим вариант, который обговорили?

Якшиянц: Вы считаете, он самый безопасный?

Зайцев: Но мы же договорились, что будем поступать таким образом. Дети выстроятся у самолета, вы пройдете, а дети уйдут к нам.

Якшиянц: Так и будет. Только часть детей останется в автобусе.

Зайцев: Повтори, я тебя не понял.

Якшиянц: Часть детей останется в автобусе.

Бандит обманул. За одиннадцать часов переговоров он не раз клялся в честности, вспоминал Родину, честь, жену, дочь, но обманул нагло и

коварно. Вместе с экипажем заложниками вновь оставались дети.

Террористы проводили детей в самолет, прикрываясь ими на случай нападения. В самолет заходили так: сначала летчик, потом ребенок, а уж за ним бандит. Не забыли Шереметьева.

Последним поднялся на борт Муравлев. Произвел салют из обреза в воздух и дико захохотал от радости.

Бандит Герман Вишняков, по-хозяйски оглядев самолет, сказал, что знаком с машиной, в прошлом служил в десанте, прыгал с парашютом.

Еще один, не говоря ни слова, прошел в хвост самолета и занял там боевую позицию.

И тут новое требование Якшиянца: Шереметьев должен остаться в самолете заложником вместо детей.

Зачем это сделали бандиты, остается только гадать, ведь в заложниках у них недостатка не было.

Может, ждали, что сорвется офицер КГБ. За время их общения Якшиянц без конца тыкал Шереметьеву в грудь оружием, грубил, дерзил. Но Евгений Григорьевич молча делал свое дело, старался казаться спокойным, сдержанным, невозмутимым. И на сей раз он только до боли сжал зубы, сказал, мол, сходит в штаб, доложит, и назад с ответом.

Ухмыльнулся бандит:

— У тебя что, шеф, жены нет, детей, родителей? А может, у тебя две жизни?

В штабе, услышав об этом, дали прямой провод на Москву, на комитет. Оттуда передали: в данном случае приказать не могут. Что ж, пришлось идти без приказа. Понимал: иначе бандиты не отпустят детей.

Когда поднимался на борт, у входа стоял вооруженный Муравлев. Не оборачиваясь, быстро зашептал:

— Как отец, а? Как? Что еще говорит?

— Одумайся, пока не поздно. Не позорь фамилии.

— Поздно. Передайте, пусть простит, если сможет.

Шереметьев прошел в салон, кивнул Якшиянцу на детей, которые, словно стайка испуганных воробьев, жались к учительнице.

— Финтишь, Паша. Обещал же пацанов на земле оставить. Отпусти!..

— Ты Тамару приведи, тогда отпущу. Без нее взлета не будет, и дети тут останутся.

Что ответить бандиту? Даже если бы и можно было высказать все в лицо, где же найти такие слова? Как определить глубину человеческого падения? Да и человек ли перед ним? По виду вроде смахивает: голова, ноги, руки, а по нутру — зверь, монстр, исчадие ада.

Но кто бы он ни был — надо идти уговаривать Тамару Фотаки, жену Якшиянца. Вновь Тамару просили Пономарев, Зайцев, Шереметьев. Не соглашалась, отказывалась. «Я не хочу к нему возвращаться. Ненавижу!» Больше часа прошло с тех пор, как покинул борт Евгений Григорьевич. И вот, наконец, жена Якшиянца возвращается с ним в самолет. Павел отводит ее в конец салона, что-то возбужденно говорит, объясняет. Тамара тоже не молчит, просит отпустить детей.

— Черт с тобой! — орет бандит и подбегает к Шереметьеву: — Молись, твоя взяла. Выгружай детей.

Наташа с Тамарой начинают спускаться на землю вконец измученных ребятишек. Внизу их принимает Бочков, другие сотрудники группы. Подходить чекистам к трапу опасно, поэтому они стояли с другой стороны самолета, так и считали спускающихся детишек. Один, два... пять... одиннадцать. Последней сошла учительница.

Наступило временное облегчение. За много часов тяжелейшей психологической дуэли — первая победа. Все дети живы, вырваны из рук мясника. На борту в качестве заложников остались экипаж и Женя Шереметьев. Но они — взрослые, закаленные люди, бывавшие не раз в переделках, они выдюжат. Теперь с бандитами говорить попроще.

«Альфа» была готова к штурму. Группа захвата, засевшая в пожарном депо, находилась там почти сутки. Ребята были в любую минуту готовы пожертвовать собой, чтобы уничтожить бандитов, освободить заложников. Однако пока не пришло их время.

Бочков принес к трапу самолета три мешка денег. Якшиянц все больше нервничал, грозил, тыкал пистолетом в лицо Шереметьеву. Он никак не мог поверить, что операция удалась, их выпустят, они взлетят.

Запущены двигатели. Якшиянц мечется по салону. Шереметьев опускается на пол самолета. Пистолет в грудь, команда: «Руки за голову!» Евгений Григорьевич повинуется. Но вот в проем двери влетает мешок с деньгами. Бочков кричит снизу:

— Павел, отдай Шереметьева!

— Гони «бабки»! Еще мешок! — требует бандит.

Когда на борту оказываются все три мешка, он выглядывает в дверь:

— Не хочет Шереметьев выходить, понял?!

— Ах ты, подонок! — взрывается Бочков. — Да тебе, сволочи, вообще верить нельзя. Веди мне Шереметьева, я с ним поговорю.

Бандит растерялся. За полсуток увещеваний так с ним никто не разговаривал. Шереметьева вытолкнули к дверям, Бочков и Кирсанов приняли его внизу.

Все ушли, у самолета остался один Бочков.

Присутствие его у трапа нервировало бандитов, они боялись штурма. На этом Бочков и сыграл. Через члена экипажа передал требование: соблюдать договоренность, вернуть автомат.

На сей раз они подчинились быстро — выбросили на полосу автомат. Бочков подобрал его, стер снег с приклада: «Так-то легче с вами разговаривать...»

Он до последнего был уверен, сейчас группа захвата пойдет на штурм. Самолет знакомый: успеют они выстрелить, не успеют — это уж не столь важно. Скрутят их ребята, сомнений нет.

Поразило, когда лайнер стал выруливать на старт.

Бочков еще не знал, что по дипломатическим каналам Израиль дал добро на выдачу бандитов. Так стоило ли рисковать экипажем, бойцами группы, самолетом?

Маршрут был непростой. В Тель-Авиве никто из пилотов не был. Трасса незнакомая, проходит через Турцию, Кипр. Где-то за Сухуми с экипажем попрощался советский, родной диспетчер. Пожелал доброго пути. Да уж, на «доброту» бандитов грех жаловаться: с летчиков перед рейсом сняли наручники, а над Анкарой «Павлуша», как окрестили пилоты главного головореза, забежал в кабину, стал совать деньги. Говорил, что в знак благодарности, за работу.

Прошлось взять, чтоб не обидеть «хозяина».

Опять же, валюта государственная, у командира экипажа будет сохраннее.

Бандиты, раскрыв мешки, распихивали по карманам доллары, франки, фунты стерлингов. Вишняков, приняв очередную порцию наркотиков, матерился от досады, что надел узкие джинсы: беда, деньги в карманы не лезут.

Радист Александр Горлов держал связь с диспетчером на Кипре, когда «Павлуша» дернул его за рукав:

— Слушай, а вы нас правильно везете? Не по кругу катаете, как иркутян?

Хотелось врезать бандиту, чтоб башка с резьбы слетела, да нельзя. Горлов кивнул:

— Иди к штурману, он все покажет...

Штурман ткнул пальцем вниз: смотри, мол, под крылом Кипр. Якшиянц вроде успокоился, ушел в салон. Там рабочие места бортоператоров — Бориса Ходусова и Виктора Алпатова. Бандита потянуло на откровения. Повадал биографию. Крутая жизнь, ничего не скажешь: из

38 лет 16 Якшиянц провел в тюрьмах и лагерях. Имеет две семьи. От первой жены двое детей и от второй, Тамары, ребенок.

Алпатов спросил:

— Неужто в детей смог бы стрелять?

«Павлуша» долго думал, качал головой:

— Не знаю. В детей, может, и нет. А учительку...Надоела она мне.

Излил душу и Муравлев. Тоже не повезло в жизни — дважды судим. Денег нет, с квартирой проблема. А вот работать неохота. Дома бросил жену и ребенка.

Под крылом был Израиль, самолет заходил на посадку. Якшиянц вновь забеспокоился, заглянул в кабину, поигрывал пистолетом.

— Смотрите, мужики, Сирия нам не годится...

Не годилась она и экипажу.

Божков посадил самолет на одной из военных баз под Тель-Авивом. База уже была окружена войсками.

Заглохли двигатели, и бортинженер Борис Ходусов открыл правую дверь.

— Всем оставаться на местах! — заорал Якшиянц и оттолкнул Ходусова от двери.

Встречающих было трое. Бандит приветствовал их пачками стодолларовых купюр.

— Презент! — широко улыбнулся «Павлуша».

Однако хозяева от денег отказались. Страшная догадка пронзила Якшиянца: эти сволочи не туда посадили. Разве могут в Израиле отказаться от долларов?

Оказывается, могут.

— Переводчика! — закричал террорист.

Потребовал у встречающих удостоверения личности. Израильский солдат вынул удостоверение. Что там прочел бандит — сложно сказать. С ним пытались объясниться по-французски, по-английски, по-немецки...

— Боже мой, — горько усмехнулась жена, — он и по-русски-то с трудом говорит.

Свои услуги израильтянам предложили пилоты.

Но Якшиянц высокомерно отказался — на иностранной территории не верил соотечественникам.

Наконец прибыл переводчик, и представители властей потребовали освободить экипаж, немедленно сдаться. У бандитов отобрали четыре пистолета, охотничье ружье, мешки с деньгами. Такой прием террористам не понравился, и они тут же предложили израильтянам миллион долларов

за возможность улететь в Южную Африку. Увы, и от этого миллиона встречающие отказались. Единственное, что разрешили террористам — «отдохнуть» в камере тюрьмы Абу-Кебир.

3 декабря 1986 года. 14.30 московского времени. Израильский международный аэропорт Бен-Гурион.

Группу сотрудников «Альфы», прилетевших в Израиль, встречал представитель Советского Союза Мартиросов, работники полиции и спецслужб страны. Сразу уточнили детали операции — когда и как осуществится передача террористов, оружия и денег.

После этого сотрудники комитета выехали на военную базу, где и должны были встретить террористов. Однако их ждали осложнения. Некоторые депутаты кнессета от оппозиции стали возражать против выдачи бандитов, оружия и денег.

После выступления депутатов оппозиции государственная машина закрутилась быстрее. Большинством голосов было принято единственно разумное решение: вернуть преступников. Срочно послали за ними в тюрьму, разрешили готовить самолет, тот же «Ил-76», который угнали террористы.

Вскоре на летное поле, к самолету, подкатил кортеж полицейских машин. Бандиты были с завязанными глазами, в наручниках. Работники спецслужб Израиля устроили живой коридор, провели по нему террористов. Вверху, в дверях самолета, их приняли два сотрудника «Альфы». В «Ил-76» усадили самых агрессивных — главарей Якшиянца и его подручного Вишнякова. Муравлева, Анастасова и Тамару Фотаки отправляли в другом лайнере.

Здесь же, у трапа, передали деньги и оружие. Самолеты взлетели и через несколько часов приземлились на московской земле. Первым сел «Ил-76».

Бандитов спустили вниз, с главаря сняли повязку.

В холодной декабрьской ночи над козырьком аэропорта нестерпимо ярко горели страшные для Якшиянца слова: «Москва. Шереметьево».

Подкосились ноги, поплыли ненавистные неоновые буквы. Сознание отказывалось воспринимать реальность. Тело Якшиянца обмякло, повисло на чьих-то сильных руках.

Когда он пришел в себя, то спросил:

— Что со мной будет? Расстреляют?

— Пряников дадут, — сказал кто-то за спиной.

Суд приговорил Якшиянца к 15 годам лишения свободы, с отбыванием всего срока в тюрьме.

ГОД 1988. ШТУРМ НА АЭРОДРОМЕ ВЕЩЕВО

8 марта 1988 года на военном аэродроме Вещево, что под Ленинградом, был предотвращен угон самолета «Ту-154». Цена этого теракта велика — сгорел дотла авиалайнер, погибло, включая пятерых террористов, 9 человек, 19 человек ранено.

Врачи госпиталя, куда доставили пострадавших, сделали 32 операции. На пяти столах одновременно оперировали пострадавших военные хирурги. Всю ночь, до рассвета продолжалась борьба за жизнь 26-летнего ленинградского аспиранта Игоря Мойзеля. Пуля, пробив поясницу, прошла навылет через легкое.

Поражает признание самого Мойзеля, сделанное уже после выздоровления. Когда на борту самолета прогремел взрыв и авиалайнер загорелся, заложники стали прыгать вниз, на бетонку. Игорь раньше других оказался у открытого люка. Прыгнул, указывая спасительный путь другим. На земле оказался первым. Казалось бы, опасность миновала.

«Я упал на землю, на корточки, — рассказывает Игорь, — мне завернули руки назад, прижали лицом вниз к бетонному покрытию и выстрелили в спину. Боли я практически не почувствовал, затем меня подняли, провели вперед на несколько метров, положили вниз лицом и велели лежать с руками за головой. Пока меня тащили, то били ногами, стараясь попасть в лицо и по голове, но я закрывался руками».

Сколько раненый Мойзель пролежал на бетонке, трудно сказать. Когда его подобрала «скорая помощь», врач Е. Кочетова уже с трудом прощупывала пульс.

Кто же стрелял в Игоря, пинал ногами? Террористы этого уже не могли сделать, к тому времени он были мертвы. Оставшиеся в живых спрятались за кресла. Убивали Мойзеля его так называемые спасители. Те, кто пришел вызволять заложников из лап бандитов, имея мало представления о том, что и как делать. Что тут сказать? Не дай нам бог впредь еще таких спасителей.

Однако заклинания вряд ли помогут. Ибо трагедии, подобные ленинградской, время от времени повторяются. И не только в нашей стране.

23 ноября 1985 года самолет египетской авиакомпании вылетел из

Афин в Каир. Через 22 минуты после взлета он был захвачен террористами. По рассказам очевидца, один из них прошел в пилотскую кабину, второй расположился в центре корабля, третий остался в хвостовой части. Бандиты были вооружены пистолетами и ручными гранатами.

Сотрудник службы безопасности, сидевший впереди, открыл огонь, но тут же был тяжело ранен.

После этого террористы отобрали у всех паспорта и, рассадив пассажиров по национальным группам, расстреляли пятерых — двух израильтян и трех американцев. Просьба командира корабля о дозаправке самолета была отклонена. Авиалайнер совершил посадку в аэропорту Валлетта (о. Мальта).

Во время штурма самолета египетские командос действовали неумело и не смогли предотвратить применение террористами ручных гранат, что привело к массовой гибели пассажиров. Было убито более 60 человек.

Офицер британской антитеррористической команды САС, оказавшийся свидетелем трагедии, рассказал, что с бандитами никто не вел переговоров. Диспетчер за полчаса до штурма прервал все контакты с бортом. А они крайне необходимы для того, чтобы отвлечь внимание террористов.

Египетские командос имели лишь теоретические знания по захвату «Боинга-737». Штурмывая самолет, они пренебрегли отвлекающими маневрами, группа захвата постоянно находилась в поле зрения террористов. На каждый люк и дверь египтяне поставили по 8-10 человек, которые мешали друг другу. Долго, около трех секунд, штурмующие открывали первый люк, а первый боец оказался в салоне только через 5 секунд.

Одной из причин, подтолкнувшей террористов к открытию огня, было то, что на борту оказались сотрудники службы безопасности. По своему поведению они явно отличались от обычных пассажиров. На своих местах они разместились еще до посадки пассажиров. А ведь в других авиакомпаниях сотрудники безопасности, дабы не быть обнаруженными, садятся со всеми пассажирами.

Кстати говоря, на борту нашего «Ту-104», следовавшего по маршруту Москва — Новосибирск — Чита в 1973 году, произошла подобная трагедия. Милиционер В. Ежиков, сопровождавший самолет (такая мера безопасности широко практиковалась после угона «Ан-24» отцом и сыном Бразинскасами), уловив момент, выстрелил в спину террориста Рзаева, который захватил лайнер. В ту же секунду сработало взрывное устройство.

К сожалению, есть и еще достаточно яркие примеры неудач в борьбе с террористами. Сюда следовало бы отнести и освобождение самолета в аэропорту Карачи. На борту «Боинга-737», летевшего в Бомбей, было около 400 пассажиров, 17 из которых погибли и 98 получили ранения в ходе перестрелки, завязавшейся между пакистанскими солдатами и преступниками.

Мы привели только три случая гибели десятков людей от рук террористов, назвали три адреса: Ленинград, Валлетта, Карачи. Тысячи миль между ними — Северо-Запад Европы, Средиземноморье, Азиатский континент. Но их объединяет то, что люди оказались не только заложниками воздушных бандитов, но и невольными жертвами малоопытных, неподготовленных бойцов спецслужб.

Как не вспомнить предупреждение полковника Чарльза Беквита: нельзя частично заниматься борьбой с террором, даже талантливый дилетант не сможет соперничать с ними; только профессионалы способны на равных вести бой с международными террористами.

Оставим в покое ошибки египетских и пакистанских командос. Но как случилось, что у нас, при существовании мобильной, высокопрофессиональной группы антитеррора, имеющей достаточно богатый опыт борьбы с воздушными бандитами, разыгралась эта кровавая бойня?

Вспомним, что в первые же минуты после посадки террористы увидели солдат с оружием, бегущих к самолету, вспомним выпрыгивающих из горящего лайнера пассажиров, которых принимали за бандитов и встречали на земле ударами прикладов. Как это далеко от профессионализма, как не похоже на умелые, расчетливые действия «Альфы»...

В том-то и весь секрет трагедии под Ленинградом 8 марта 1988 года — группа «Альфа» не имела к этому ровным счетом никакого отношения. Захваченный самолет взорвался в тот момент, когда вертолет «Альфы» заходил на посадку на аэродроме Вещево. Бойцы приникли к иллюминаторам, увы, уже было поздно. Им осталось только постоять у догорающего остова самолета. Они были единственными людьми, кто мог с самого начала помочь заложникам. Однако нашлись «ответственные работники», которые, приняв сообщение о захвате самолета, быстро смекнули: дело особой сложности не представляет, какие-то юные музыканты во главе со своей мамой, вооруженные обрезом, захватили самолет. Соберем силы, припугнем, смотришь, можно и дырочку для ордена вертеть. Широкая грудь «ответственных» так и осталась без

орденов. Но оказались смертельно ранеными ни в чем не повинные люди. Или, быть может, это чужая боль? Только кто даст гарантию, что завтра она не станет нашей болью, когда пуля террориста настигнет нас с вами? Никто такой гарантии не даст.

Потому хотелось бы вспомнить заново, как все это было в весенний день 1988 года. Не только вспомнить, но и навсегда сохранить в памяти. Может статься, скоро в полет. Конечно, трудно поверить на тихой, благословенной земле, что внезапно обрушатся на тебя такие страсти-мордасти, но ведь пилоты и пассажиры самолета «Ту-154» № 85413, следующего из Иркутска, тоже не верили... Даже получив угрожающую записку: «Следовать в Англию (Лондон). Не снижаться. Иначе самолет взорвем. Вы находитесь под нашим контролем» — бригадир бортпроводников Ирина Васильева не поверила. Так и сказала командиру корабля Валентину Куприянову, мол, не пойму, может, столь оригинальная шутка по случаю 8 Марта?

Командир корабля не разделял оптимизма бортпроводницы. Он отдал ясные и четкие команды: с этого момента в пилотскую кабину не входить, связь поддерживать по телефону, выяснить, действительно ли реальна угроза, что конкретно требуют террористы?

Всего через несколько минут девушки поняли справедливость слов Куприянова. Когда Тамара Жаркая и Ирина Васильева появились во втором салоне, в конец которого ушли после посадки в Кургане Овечкины, они увидели направленные в грудь стволы охотничьих обрезов.

— Вдвоем не подходить! Одной оставаться на месте! — раздался окрик.

15.01. Главный центр управления воздушным движением получил информацию из Ленинграда: на траверзе Вологды вооруженными преступниками захвачен самолет «Ту-154». Высота полета 11 600 метров .

...Бандиты обнаружили себя после вылета из Кургана. Пассажиры хвостового отсека с удивлением увидели, что молодой человек в сером свитере и фетровом берете не пускает людей в туалет. Не пустил женщину, потом ребенка. Не успел подняться со своего места мужчина, как услышал резкую команду: «А ну сядь!...» Он обернулся — два парня подняли обрезы и направили их в пассажира.

15.15. Борт самолета № 85413 информировал «Землю»: в салоне 11 угонщиков. Остаток топлива на 1 час 35 минут полета.

Кто они, угонщики? Многодетная семья Овечкиных из Иркутска. Здесь их хорошо знали: газеты, радио, телевидение не раз рассказывали о талантливых ребятах, создавших семейный диксиленд «Семь

Симеонов». У ансамбля было достаточно меценатов — областные руководители гордились: как же, не в прославленных консерваториях, а в рабочей «глубинке» подрастают истинные таланты. Считали, что появление Овечкиных на сцене повышает престиж местных органов культуры.

В рекламе «Симеонов» не было границ: Восточно-Сибирская киностудия сняла о них документальный фильм. Юных музыкантов устроили в Иркутское училище искусств, потом обком выбил места в Институте имени Гнесиных.

Только учиться по-настоящему музыке оказалось некогда, грянули гастроли: сначала в Москве, Кузбассе, потом за рубежом — в Японии. А по возвращении оттуда учиться уже не хотелось. Старшие быстро поняли, что свалившаяся на их головы нежданно-негаданно популярность может дать богатые дивиденды. Какое уж тут творчество — успеть бы побольше урвать, пока не подросли в семье самые младшие. В них-то все и дело: вырастут — будет обычный ансамбль. А так — с изюминкой, дети вызывают умиление слушателей.

Институт Гнесиных, едва отучившись семестр, пришлось бросить.

Окончательно вскружила голову Япония. «Симеоны» вернулись с гастролей в полной уверенности — только за рубежом по-настоящему смогут оценить их талант. Тогда-то, видимо, и возникла мысль «мотнуть» в капстрану.

Не следует судить Овечкиных за желание покинуть Родину. Каждый волен жить там, где ему захочется. И сама история привлекает как раз не намерением уехать из Советского Союза, не такое уж это редкое стремление, а необычайной жестокостью молодых людей и их матери, лично руководившей всей операцией.

Потом журналисты будут «раскручивать» психологический феномен «Симеонов» и придут к поразительному выводу: когда обсуждался план захвата самолета, никто в семье и словом не обмолвился о заложниках, их жизнях. словно эти люди не существовали для Овечкиных.

Игорь Овечкин, оставшийся в живых, рассказывал на суде, что в случае провала братья договорились взорвать «бомбу». Его спросили:

— Но в самолете-то почти сотня человек. В чем их-то вина?

Игорь отвечал:

— Я не помню, чтобы мы говорили о них.

Но сам он боялся смерти. Когда стало ясно, что угон не состоялся, Игорь спрятался возле пилотской кабины. Самому застрелиться? Ни за что! Знал цену жизни.

Вопрос о пассажирах задали и сестре Игоря Ольге Овечкиной, тоже оставшейся в живых.

— Оля, а как же пассажиры?

— Не думали как-то мы о них...

15.22. Удаление самолета от Ленинградского аэродрома Пулково — 180 километров .

15.30. Начальник смены главного центра УВД передает на борт: бортинженера можно выпустить в салон для переговоров. Соблюдать меры предосторожности.

Бортинженер Иннокентий Ступаков вышел во второй, задний, салон. Едва вошел, крик: «Стоять! Дальше ни шагу!»

Как можно спокойнее предложил: «Подойдите кто-нибудь один, поговорим...» Сошлись на середине салона, сели в кресла по разные стороны прохода. Террорист нервничал:

— Требуем лететь в Лондон!

— Горючего не хватит. У нас топлива едва до Ленинграда. Надо садиться на дозаправку.

— Тогда садитесь за границей...

— Хорошо, — сказал Ступаков, — я доложу командиру.

Чтобы не подвергать риску пассажиров, экипаж первоначально принял решение лететь за рубеж. «Земля» дала добро. Но чем ближе лайнер подходил к Ленинграду, тем яснее становилось: до ближайшего финского или шведского аэродрома не дотянуть.

В Кургане самолет был дозаправлен, но ровно настолько, чтобы долететь до Ленинграда, на крайний случай — до запасного аэродрома в Таллине.

Если же следовать в Финляндию, то у неизвестного аэродрома пришлось бы маневрировать, изучать подходы, тут и могло бы кончиться топливо. Как быть? Садиться в Ленинграде или Таллине? А если террористы узнают город с высоты? Обещание взорвать «бомбу» более чем реально.

«Земля» приказывает уходить на запасной аэродром, который находится в стороне от Ленинграда. Самолет делает разворот почти на 180 градусов.

А в салоне раздаются истеричные крики террористов: «Что такое? Что происходит? Почему самолет поворачивает? Всех взорвем!»

К бандитам бросается бортпроводница Тамара Жаркая, пытается их успокоить, объясняет: самолет делает маневр перед посадкой в финском городе Котка. По громкой связи звучит сообщение: лайнер идет на

дозаправку в Финляндию, просим пассажиров оставаться на своих местах, пристегнуть ремни, сохранять спокойствие.

15.55. «Ту-154» у цели. Впереди аэродром Вещево. Высота 1500 метров. Командир корабля Валентин Куприянов запрашивает «Землю»: какие рекомендации? Рекомендация одна — продолжать переговоры.

...Самолет резко идет на снижение. Низкая облачность. Преступники беспокоятся, требуют сделать круг над землей. Но у пилота свой план: надо скорее посадить лайнер.

16.05. Самолет произвел посадку.

Потом в десятках публикаций, в разных вариациях прозвучит одна мысль — теперь все зависело от профессионалов другого ведомства.

Операция вступила в самый ответственный, завершающий этап.

Но именно посадка ознаменовала и первый просчет: пилоты, пассажиры и, конечно же, террористы увидели, как от края летного поля к лайнеру бегут солдаты. Знакомые шинели, фуражки, автоматы Калашникова. Бандиты понимают: их провели. Гремят первые выстрелы, пока предупредительные, в салонную переборку.

Преступники требуют, чтобы экипаж вышел из кабины и выстроился лицом к стене.

Командир корабля передает через бортпроводницу Ирину Васильеву о подходе автомобиля-заправщика. Вновь в салоне крики: «Взлет! Взлет! Не нужна дозаправка, взорвем!» Василий и Дмитрий Овечкины ломятся в дверь пилотской кабины, бьют ногами, прикладами обреза, стремянкой. Грозят: «Если экипаж не будет подчиняться, начнем убивать пассажиров».

Тамара Жаркая просит их успокоиться, уговаривает: «Не надо стрелять! Взорвется самолет, погибнут люди. Сейчас подойдет заправщик и полетим дальше». Двое бандитов хватают ее за руки и усаживают с собой. А через несколько минут Дмитрий Овечкин, красавец-трубач в ансамбле «Семь Симеонов», убивает Тамару.

Подошел первый заправщик. С борта самолета видно, как находящийся на заправщике офицер спешно срывает с шапки кокарду. Люди, стоящие у края летного поля, делают жесты, тоже понятные всем, — они направляют действия штурмующих. Обстановка накаляется. Василий рвется в кабину: «Открывай! Иначе кого-нибудь застрелю». Олег бежит с оружием по салону и истерически орет: «Не смотрите на меня — перестреляю!»

Командир передает в салон: при дозаправке без бортинженера не обойтись.

17.04. С борта самолета сообщили: разрешение на выход

бортинженера получено.

Иннокентию Ступакову ловко удалось выскользнуть из кабины, да так, что никто из преступников не успел проникнуть к пилотам. Вот он уже на крыле, открыл горловину, опустил в нее шланг. Бандиты внимательно следили за каждым его движением.

17.12. Первый дозаправщик заправил самолет. С борта требуют второй.

17.18. Напряжение на земле растет. Спасатели на вертолетах перебазировались ближе к самолету. Рейсовые самолеты огибают опасный район.

17.20. Угонщики, угрожая оружием, требуют немедленного вылета в Хельсинки.

17.50. К «Ту-154» подошел второй заправщик.

18.10. Заправка окончена.

Теперь перед Ступаковым стояла задача вновь проскользнуть в кабину, не дав прорваться туда бандитам. Но как это сделать? Овечкины «пасут» каждый шаг.

Поднявшись на борт, Иннокентий передает бандиту стремянку, просит: «Подержи, надо люк закрыть». Пока тот возится со стремянкой, удастся совершить обратный маневр.

В это время — вызов по СПУ. Кто-то из террористов, взяв трубку у бортпроводницы, спрашивает: «Почему не взлетаешь, командир?» «Надо развернуться, жду тягач». «Жди, но только пять минут, понял? Не взлетишь, взорвем самолет!»

18.35. Два человека из группы захвата поднялись в кабину. Начинается подготовка к обезвреживанию бандитов.

18.50. Продолжаются угрозы взорвать самолет. Бортпроводники проявляют выдержку.

В 19.10 самолет тронулся с места, и группа рванула дверь пилотской кабины.

В те дни газета «Известия» дальнейшие события живописала так:

«Сразу началась бешеная стрельба. Через несколько секунд дверь захлопнулась. Два бойца, разрядившие пистолеты в преступников, упали на пол кабины, обливаясь кровью. Их раны, к счастью, оказались не опасны для жизни».

В том, что «два бойца разрядили пистолеты», сомнения нет, но вот в кого? Преступники не получили ни царапины. Куда же летели пули, в кого палили два бойца? Вот что рассказывает участница тех событий, бортпроводница Валентина Николаева:

«Они приоткрыли дверь и начали беспорядочную стрельбу по салону, не видя и не думая, что кроме преступников здесь находятся бортпроводницы, пассажиры. Пули летели не в преступников, а в мою сторону. Я присела, закрыв голову руками, пули летели над головой, через панель, в пассажиров первого салона».

Старший следователь военной прокуратуры Ленинградского военного округа майор юстиции Андрей Ковалев, который вел следствие, так оценивает действия группы захвата:

«От экипажа группе захвата было известно, чем вооружены преступники, но это не помогло».

«Когда в нас понесся град выстрелов, — рассказывали они, — мы подумали, что стреляют из автомата...» В ответ сами стали палить из пистолетов. Прикрывшись щитами, стреляли вслепую в конец салона, где находились Овечкины. Ранили пассажира, майора Я. Таюрского. Он сидел в трех-четырёх метрах от кабины самолета, из которой вела огонь группа захвата. Вместе с ним пострадали еще три человека. И только чудом можно объяснить тот факт, что в такой перестрелке не поубивали пассажиров, находившихся в салоне самолета... Замечу, так действовали не солдаты срочной службы, а профессионалы, которые за свой труд получают деньги».

Не прав старший следователь только в одном: хотя бойцы группы захвата получают деньги и числятся в профессионалах, они далеки от этого высокого звания.

Такие же «профессионалы» действовали и в хвостовой части самолета. Ничего лучшего они не придумали, как, открыв люк, разрезать ножом коврик под ногами прямо у бандитов.

Однако было бы неверно во всем случившемся обвинять только группу захвата. От первого своего шага в аэропорту Иркутска до последней минуты в горящем самолете террористы Овечкины встречались с вопиющим непрофессионализмом. Исключение составляет, пожалуй, только экипаж самолета — не теряющие самообладания пилоты, мужественные бортпроводники. Остальные — крепко повязаны неумением работать, низкой служебной квалификацией.

Первыми, кто сказал бандитам «счастливого полета», была смена иркутского аэропорта под руководством капитана милиции К. Джикая. На выходе номер три в тот день контролировали посадку и вели досмотр ручной клади сержант В. Макеев, младший сержант В. Журнист, в также диспетчеры отдела перевозок Г. Сергеева и И. Богомолова.

Кроме ручной клади и инструментов, других вещей у Овечкиных не

было. Ничего подозрительного в поведении пассажиров милиционеры не обнаружили. Да особенно придирчиво и не присматривались, ведь это ж «сами Овечкины», музыканты, гордость области.

Один из старших братьев даже попытался поставить контрабас в рентгенотелевизионный интерскоп. Галина Сергеева попросила положить инструмент на стол, дернула молнию на чехле, махнула рукой: проходи! Вот и вся проверка.

О действиях группы захвата и тех, кто «встречал» на земле убегающих из горящего самолета пассажиров, мы рассказали. Надо добавить, что и в верхнем эшелоне руководства операцией профессионализма было не больше.

Начальник управления КГБ по городу и области генерал-лейтенант В. Прилуков руководил операцией непосредственно из... Ленинграда. Как? На этот вопрос он отвечал сам: «Держал связь с Москвой».

Однако эта драма, потрясшая в свое время страну, хоть и не такая далекая, но уже история. Она забывается и, возможно, ее не стоило бы ворошить, если бы жизнь не рождала новых «Симеонов», на пути которых по-прежнему оказываются «профессионалы», работа которых оплачивается человеческой кровью и жизнями.

ГОД 1989. ПОСТРАДАВШИХ НЕ БЫЛО

10 мая 1989 года в 16.45 группа подследственных изолятора № 1 УИТУ УВД Саратовского облисполкома: Рыжков В. Ю., 1969 г . рождения, арестованный за разбой, Семенютин Г. Л., 1972 г . рождения, Левахин Д. И., 1962 г . рождения, осужденные за разбой и другие преступления, Збандут Г. П., 1956 г . рождения, осужденный за умышленное убийство, угрожая самодельным холодным оружием, во время прогулки во внутреннем дворе изолятора, захватили в качестве заложниц двух сотрудниц изолятора.

Завладев ключами от 3-го этажа корпуса, преступники открыли одну из камер и дополнительно взяли в качестве заложников двух несовершеннолетних подследственных: Федорова А. В., 1972 г . рождения и Бекетова Ю. М., 1972 г . рождения.

Забаррикадировавшись на этаже, преступники требовали встречи с руководством УИТУ, представителями прокуратуры и УВД. В разговоре с прибывшими руководителями преступники выдвинули требование предоставить им 4 пистолета, 10 тысяч рублей, транспорт и возможность выезда за пределы области. В случае невыполнения требований преступники угрожали расправой над заложниками.

10 мая в 22 часа требования преступников были частично удовлетворены. Им был передан пистолет «ПМ» с 24 боевыми патронами, часть денег, за что они освободили женщину и подростка. Затем к дверям изолятора вплотную был подан микроавтобус, куда сели преступники с заложниками.

11 мая в 2 часа ночи, обнаружив за собой преследование, они потребовали прекратить его, угрожая в противном случае убить заложников. Преследование было прекращено, преступники скрылись в неизвестном направлении.

В результате предпринятых оперативных мер 11 мая в 15.00 было установлено местонахождение преступников в квартире Просвириных на 4 этаже 6-этажного жилого дома по адресу: улица Жуковского, дом 20, квартира 58.

Преступная группа, возглавляемая Рыжковым В.Ю., захватила в качестве заложников хозяина квартиры с женой и двухлетней дочкой и его брата. Всего в квартире находилось 11 человек. Для проведения операции по спасению заложников и задержанию преступников был создан

оперативный штаб. Предпринятые штабом меры положительных результатов не дали. В связи с вышеизложенным руководством КГБ СССР было принято решение о направлении в г. Саратов сотрудников группы «А».

Когда 11 мая самолет «Ту-154» с 18 сотрудниками спецподразделения «Альфа» произвел посадку на военном аэродроме г. Энгельса, В. Карпухин и М. Головатов поняли: им придется расхлебывать кашу, заваренную непрофессиональными действиями саратовских милиционеров.

После захвата заложников и выдвижения требований преступниками руководители УВД пытались вступить в контакт с террористами, но разговор как-то не клеился. Милиционеры были к нему психологически не готовы, бандиты же буквально «брали за горло», грозясь уничтожить несчастных женщин и подростков. Представители правоохранительных органов вновь и вновь совещались. Время шло. Террористы проявляли все большую нервозность, сыпали угрозами. Наконец, результатом «сидения» руководства была полная капитуляция перед бандитами. Решили не рисковать. Подали террористам микроавтобус «РАФ» с полной заправкой бензином и, по существу без борьбы, выложили боевое оружие — пистолет Макарова и 24 патрона к нему. За что бандиты освободили женщину и подростка.

В 10 часов вечера из ворот следственного изолятора на улицы оживленного Саратова на высокой скорости выскочил «рафик» с четырьмя вооруженными бандитами. Остальных заложников, вопреки обещанию, те взяли с собой. Вскоре одну из пострадавших террористы выбросили из машины. Женщина была без сознания, едва не умерла от жестоких побоев.

Пять часов преступники колесили по ночному городу. Они чувствовали себя хозяевами: выезжали на полосу встречного движения, газовали на красный свет, неожиданно открывали огонь из пистолета. Бандиты захватили еще одну заложницу, 19-летнюю И. Закутаеву, продавца магазина, которая была свидетельницей по делу одного из бандитов.

Оперативный штаб, созданный из представителей УВД, Комитета государственной безопасности, прокуратуры и командования подразделений внутренних войск, с оцепенением следил за разбойными действиями террористов.

В 22 часа штаб проиграл еще один раунд борьбы — преступники, обнаружив преследование, выдвинули ультимативное требование: прекратить слежку, в противном случае угрожали застрелить заложников. Как напишут потом в оперативных милицейских документах, «преследование было прекращено, преступники скрылись в неизвестном

направлении». Штаб потерял вооруженных бандитов.

Двенадцать часов о террористах не было ничего известно — убыли ли они на территорию другой области или здесь, в Саратове, готовятся к новым убийствам, а может, уже совершили их. С превеликим трудом к 15 часам следующего дня удалось установить: преступники находятся в квартире супругов Просвирных, в доме номер 20 по улице Жуковского, рядом с саратовским аэропортом. В квартире кроме взрослых — двухлетняя дочь Просвирных. Все они взяты заложниками в плен.

Теперь преступники выдвигали новые требования: предоставить самолет для вылета за границу, дать водку, наркотики, крупную сумму денег. И снова грозили убить заложников. Предупреждали, что на случай штурма они привязали хозяйку квартиры с дочерью к дверям. Попытки убедить бандитов отказаться от преступных замыслов ничего не дали.

Так напряженно складывалась обстановка на момент прибытия группы «Альфа» в Саратов.

Было 23 часа 11 мая. Переговоры, которые вели с преступниками начальник ГАИ Саратовского облисполкома и заместитель прокурора области, в очередной раз зашли в тупик. Преступники вели себя агрессивно, нагло угрожали. Чтобы показать серьезность своих намерений, стали истязать женщину-заложницу. На просьбу выдать ребенка потребовали водки, наркотиков, автомат, бронежилет. То и дело в захваченной квартире распахивалось окно, террористы сажали на подоконник одного из заложников, кричали, что выбросят его с четвертого этажа.

Штаб принял решение выдать водку и наркотики. Их подняли в осажденную квартиру по веревке.

Стало ясно, выход один — штурм квартиры. «Альфа» подготовилась к штурму. Карпухин и Головатов провели рекогносцировку: прошли в квартиру этажом ниже той, что была захвачена преступниками, составили ее схему. Снайперы постоянно наблюдали с помощью приборов ночного видения за поведением преступников и их передвижениями. Вся информация передавалась в штаб.

А информация тревожная — действия террористов становились непредсказуемыми.

В 3.10 группа захвата заняла исходные позиции. В 3.25 начальник группы «А» отдал команду на штурм. Здесь следует подчеркнуть — магазины автоматов сотрудников «Альфы» были снаряжены холостыми патронами. Бойцы с помощью специального альпинистского снаряжения спустились с крыши и буквально влетели в окна захваченной квартиры,

забросав преступников имитационными гранатами. Бандиты никак не ожидали штурмующих из окон. Они ясно видели, что лестниц под окнами нет, никто к штурму не готовится. В те же секунды дверь вышибла тараном вторая группа и ворвалась в квартиру.

Преступник, вооруженный пистолетом, успел сделать два выстрела. Пули пришлись в бронешит.

Пользуясь фактором внезапности, группа захвата через несколько секунд обезвредила бандитов.

В последних строках отчета о действиях группы в Саратове начальник подразделения «А» напишет одну фразу, которая не нуждается в комментариях, ибо она коротко и емко характеризует высокий профессионализм спецподразделения антитеррора: «Пострадавших при проведении захвата не было».

ГОД 1990. «ВЗБЕСИВШИЙСЯ» ИЗОЛЯТОР

...Порядком уставший от суточного дежурства постовой Козмава, гремя ключами, идет коридором первого этажа. Сейчас он повернет ключ в замке двери седьмой камеры, потянет железную ручку на себя, передаст ведро и веник. Обычное дело — уборка помещения. Так каждое утро, изо дня в день, из года в год. Правда, вчера начальник изолятора, инструктируя наряд перед заступлением на дежурство, велел быть особенно осторожным у седьмой и десятой камер. По некоторым данным, там вроде бы готовят побег. Но постовой привык к предупреждениям. Они звучат на каждом инструктаже. И, как правило, никаких последствий. Обязанность начальника — постоянно предупреждать об опасности. Понятное дело, не на конфетной фабрике работают.

Козмава знал, что идет на нарушение инструкции, ведь открывать дверь должен дежурный офицер, в присутствии постового. То есть у камеры их должно быть двое. Но гудит голова после бессонной ночи, в ушах стоят крики и ругань заключенных, хочется скорее распрощаться с этим затхлым «каменным мешком».

Не взглянув в глазок, постовой открывает дверь. Резкая команда, стремительный бросок, удар по голове — Козмава падает на бетонный пол.

Дежурный офицер Шикирба не заметил, когда постовой забрал ключи. Опомнися, увидев на пульте охранной сигнализации тревожное мигание желтого глазка: в седьмой камере открыта дверь.

Лейтенант помчался в камерный бок. А в дверь уже протискиваются заключенные Дзидзария и Бигвава. Офицер пытается затолкнуть их обратно в камеру. К нему на помощь прибежал постовой Нижерадзе со второго этажа. Но уже поздно — семеро преступников вырвались из камеры, набросились на охранников, отобрали ключи, поспешно открыли другие камеры.

Четвертый охранник смены, постовой сержант Векуа, видя, что ничем не может помочь товарищам, захлопнул на перегородке, преграждающей выход из камерного блока, дужку замка, затем выбежал во двор, запер дверь изолятора и кинулся в дежурную часть МВД рассказать о нападении. Бежал и клял все на свете: из-за блокады железной дороги ломался график спецэтапов, вагоны с заключенными простаивали на путях вместе с

десятками замерших поездов. Недели три не было поступлений, потом сразу привалило — сорок два заключенных. Требовалась усиленная охрана, да где ее взять. Ее и по обычному штатному расписанию не хватало: постовых в изоляторе восемнадцать человек, а должно быть двадцать четыре.

По камерам распихивали кого куда — судимых с несудимыми, совершеннолетних с несовершеннолетними.

Да и следователи, прокуроры, судьи — разве они считались с бедами изолятора? Из дальних уголков республики, из других изоляторов везли в Сухуми на допросы задержанных. А потом здесь же оставляли, и не на десять дней, как положено, а на недели, месяцы. Так убийца, рецидивист Павел Прунчак сидел в изоляторе уже месяц, а суда все не было.

Когда Векуа докладывал о нападении, заключенные успели повалить стальную перегородку и открывали камеры второго этажа.

Еще через несколько часов взбунтовавшиеся преступники овладели оружием. Когда прокурор Квициния и руководство МВД Абхазии совещались, входить или не входить в изолятор, из-за решетки второго этажа выбросили горсть патронов и наган. Бандиты давали понять, что они вооружены. «Откуда у них оружие?» — удивился первый замминистра МВД Абхазии Аршба.

Действительно, откуда? Оказалось, что в изоляторе, в одном из помещений, хранилось более трех тысяч стволов нарезного и гладкоствольного оружия: винтовок, пистолетов, охотничьих ружей и 28 тысяч единиц боеприпасов, изъятых у населения, а также у преступников.

Верно сказал на следствии один из зачинщиков бунта, осужденный за убийство Петухов: «Какой же дурак держит в переполненной тюрьме боеприпасы и оружие? Для нас это был приятный сюрприз».

Теперь представим себе преступников, которым уже нечего терять, и в их распоряжении вот такой арсенал. Представим, что они вырываются на улицы города. Думаю, Абхазия в августе 1990 года стояла на пороге страшной трагедии.

Возможно, кто-либо возразит, мол, они же не вырвались. Да, и только по двум причинам: в первое утро — случайно. К ним в руки не попал сержант Федор Векуа, и он успел захлопнуть щеколду на дверях. А на четвертые сутки, когда по их требованию был подан микроавтобус, на их пути уже стояла «Альфа».

14 августа с одного из московских аэродромов стартовал самолет, следующий в Сухуми. На его борту было 22 сотрудника группы «А» и 31 боец ОМЗДОНа. Альфовцы знали: идут на трудное дело, тут тебе не

террорист с ружьем или поддельным взрывным устройством, а десятки преступников, вооруженных до зубов. Что ж, работа есть работа. Из трех отделений группы отобрали лучших, отменных снайперов, мастеров рукопашного боя, опытных командиров. Руководил операцией начальник группы «А», полковник, Герой Советского Союза Виктор Карпухин.

Экипировка по максимуму — тяжелые бронежилеты, электрошоковые дубинки, щиты, спецгранаты, приборы ночного видения.

В полете прокурор Абхазии ввел группу в обстановку. Три дня в руках вооруженных преступников томились заложники. Требования бандитов постоянно менялись. Они хотели, чтобы перед ними для безопасности выстроили жителей — женщин и детей, потом требовали бронетранспортер, чтобы уехать из города, ставили и такое условие: посадить невдалеке от изолятора вертолет.

Город напоминал растревоженный улей — у изолятора собралась толпа жителей, родные и близкие преступников, просто любопытные. Квартал был оцеплен бронетранспортерами и войсками, низко кружил вертолет.

Все эти дни и ночи с преступниками вели переговоры руководители МВД Абхазии и Грузии, родственники, лидеры различных движений, просто друзья.

Зачинщик бунта, убийца Прунчак выкрикивал свои требования из-за спин других. Его, совершившего немало преступлений, выследили в пещерах глухого Очамчирского района два милиционера. Прунчак застрелил их из охотничьего ружья. Но вскоре был сам ранен. Он бы, конечно, погиб, но министр внутренних дел Абхазии Ломинадзе отдал распоряжение, и Прунчаку сделали переливание крови, спасли жизнь. Кровь дал один из милиционеров.

Теперь Ломинадзе, стоя у решетки под винтовочными стволами, говорил: «Прунчак, если бы мы хотели тебя убрать, задержали бы переливание крови. И все. Обещаю, если вы сложите оружие и разойдетесь по камерам, за этот случай вас не привлекут к ответственности».

В ответ — крики, мат. И новые требования. Сразу после прилета в Сухуми и проведенной рекогносцировки «Альфа» стала прорабатывать варианты штурма изолятора и освобождения заложников.

Михаил Картофельников,
сотрудник группы «А»,
участник операции в Сухуми:

— Когда преступники оказались хозяевами в изоляторе, они

стали все ломать, крушить, рвать сигнализацию. Нашли свои уголовные дела, стали читать, выявили нескольких стукачей, ну и, наконец, добрались до комнаты с оружием.

Уже в самолете мы стали составлять план действий. Оружия у них было более чем достаточно — пистолеты Макарова, Марголина, «ТТ», винтовки.

Много боеприпасов, тут войну вести можно. Потому каждый из нас спрашивал себя: как быть?

В городе их брать невозможно, могут пострадать тысячи мирных граждан. А бандиты требовали предоставить БТР, чтобы уйти в горы. Значит, в горах придется атаковать бронетранспортер. Это бы ладно, но есть другая опасность: прорываться в горы бандиты станут через город. Кто знает, что взбредет в их лихие головы, когда в руках окажется мощная боевая машина.

Местные органы предложить ничего не могли, у них не хватало сил. Три дня они выжидали, старались не выносить сор из избы, только куда уж там: пришлось обратиться в Москву.

Выходит, альфовцы могли рассчитывать только на себя.

А требования бандитов постепенно менялись. Кто-то из них соглашался уезжать, кто-то отказывался, количество людей называлось разное. Сначала требовали автобус, потом уже вертолет. Его посадили на площади Ленина, недалеко. В изоляторе был слышен шум винтов. Те говорят: покажите экипаж. К изолятору пришли пилоты. Тут же требование — один из летчиков должен остаться заложником. На это мы не согласились.

Вскоре они отказались от бронетранспортера. Видимо, поняли, что горные дороги трудные, запас хода БТРа небольшой, могут подбить и взять.

Михаил Максимов, сотрудник группы «А»:

— Считаю, что самое удачное изобретение «Альфа» сделала в Сухуми. Буквально за один день нашли и разработали новый тактический прием. На одном из этапов переговоров бандиты отказались от БТРа. Значит, передвигаться они будут в автобусе или «рафике».

На этот случай есть хорошо отработанный прием, во всем

мире его называют «прием лопатки». Разбиваются окна автобуса, ставится трап, и по нему бойцы спецподразделения врываются в салон. Но тут была иная обстановка: пока мы схватим террористов, они убьют заложников. Значит, надежный, проверенный вариант тут не годился.

У омздоновцев есть прием, когда в машине прячут специальную взрывчатку и, к примеру, в момент остановки у нее направленным взрывом отрывает колеса. Для нас этот прием не подходил, но натолкнул на мысль: начинить пиротехникой «РАФ», который будет предложен бандитам. Снаряжали его всю ночь.

Дополнительное отвлекающее взрывное устройство было заложено во дворе изолятора.

М. Картофельников:

— Подогнули «рафик». Бандиты долго выясняли отношения, орали, ругались. Вспыхнула драка. Видимо, решали — кому ехать. Потом внутри помещения началась стрельба. Как выяснилось позже, они опробовали оружие, приводили его в боевое состояние.

Выпустили «шестерку». Тот внимательно осмотрел «РАФ». Не понравилось, что нет шторок. Ладно, повесили шторки.

И вот, наконец, десять отъявленных преступников, большинство убийцы — Прунчак, Дзидзария, Петухов, Ахвледиани, Малов, Бигвава и другие, натянув на головы чулки с прорезями для глаз, прихватив с собой Козмаву и Нижерадзе (тоже в масках), с рюкзаками и с оружием, вышли из дверей изолятора.

Снайперы оказались парализованными: в кого стрелять, где бандиты, а где заложники? Однако на них особенно и не рассчитывали — достаточно того, что они вели наблюдение за террористами и были готовы в любую минуту открыть огонь.

Тут произошла небольшая накладка. Взрыв в «РАФе» должен произойти, как только бандиты его заведут, но вот он катится уже метров десять на выезд из ворот, а взрыва нет.

Представляете состояние некоторых генералов, которые как раз и боялись этого. Еще десяток-другой метров — и преступники на свободе. Конечно, даже в том случае, если бы

пиротехника не сработала, машина с бандитами на улицу не вырвалась бы — ворота перекрыл бронетранспортер.

М. Максимов:

— По расчету мы начинали одновременно. Нас было три группы — первая действовала на «рафике», вторая проникала через люк с четвертого на третий этаж, еще одна группа взрывала боковую дверь изолятора.

Для нашей группы сложность состояла в том, что люк, через который предстояло спуститься на «оккупированный» этаж, мы не видели. Он находился под паркетом. Определили примерное его месторасположение, но вскрывать паркет не могли: боялись выдать себя шумом.

Что касается двери, то там возникли свои проблемы. Рядом с дверью, метрах в двух-трех — цементный забор. Дверь взорвать не проблема, опасна ударная волна. Надо было так рассчитать силу взрыва, чтобы и дверь убрать с дороги, и самим остаться в живых. Не колотить же кувалдой, как это делала группа захвата в санкт-петербургских «Крестах».

Хотя в «Крестах» двери — не чета советским, сухумским. Бандиты надавили плечами — вывалилась стальная перегородка, отделяющая камерный блок от остальных помещений. Боковые штыри перегородки не были даже закрепленными в кирпичных гнездах. Окажись перегородка покрепче, так бы и остались преступники на первом этаже, не прорвались к оружию. Если бы да кабы...

В тот день, перед штурмом, мы пригласили к себе прораба, который строил изолятор. Он посмотрел на тротиловые шашки и откровенно предупредил: «Осторожно, ребята! Строили изолятор кое-как, материалы тащили, воровали. Балки перекрытия лежат на „честном слове“. Рванете — упадет наша тюрьма». Ладно, хоть нашел мужество признаться.

После его слов подошел Карпухин, снял одну тротилую шашку с центра люка.

М. Картофельников:

— «Рафик» подогнали почти вплотную к дверям. Всем трем

подгруппам, которые брали его, надо было бежать примерно одинаковое расстояние. Но он выкатился вперед. Мы стали стрелять по колесам. По салону вести огонь нельзя. Террористы сидели с заложниками вперемежку.

Моя подгруппа штурмовала машину сзади. Пока преодолевали расстояние из засады к «РАФу», бандиты успели выпустить в нас 20 пуль.

Мы выбили заднее стекло. Рукояткой пистолета я «вырубил» ближнего бандита, второго схватил за шиворот и вытащил. А преступник оказался мощный, ростом под метр восемьдесят. Потом ребята удивлялись: как ты смог такого борова выволочь?

Где у него только не было оружия: за пазухой, в карманах, за поясом.

При штурме ранили Игоря Орехова. Когда он навалился на бандита, Прунчак, сидевший на переднем сиденье, выстрелил. Пуля попала в незащищенную часть шеи между каской и бронежилетом, пробила шею. Счастье, что террорист стрелял из малокалиберного пистолета Марголина, а не из «макарова» или «ТТ».

Ну и как всегда, рядом не оказалось врача. Как снять боль? Ребята из местного КГБ бутылку коньяку притащили. Принял Игорь, тут и «Скорая» подоспела. Так Орехов отпраздновал свой день рождения.

Признаюсь, что и я в тот день выкурил несколько сигарет, хотя никогда в жизни не курил. Как-то совсем не весело, когда в упор по тебе палят из пистолетов.

М. Максимов:

— Когда у самых ворот «взорвался» «рафик», мы тут же подорвали и люк. Снизу он, оказывается, был еще закрыт на засов. Крышка люка вылетела, но засов остался, разделяя люк на две части.

Боец ОМЗДОНа все рвался к люку. Я его удерживал, так как преступники снизу стреляли. Одним выстрелом он был легко ранен в ногу. Я отвел его в сторону, бросил в люк шумовую гранату и спустился вниз на канате. Оказался в комнате, где прежде хранилось оружие. Бандиты уже сбежали отсюда, дверь заперли. Пришлось взрывать дверь, прорываться дальше.

На пути ребят, которые штурмовали этаж через дверь, уголовники устроили баррикаду, открыли огонь.

Штурмующие на огонь не отвечали. Они применили так называемое «психологическое оружие». Что это за оружие, разъяснять пока не станем. Скажу только — достаточно было одного выстрела, чтобы бандиты сдались.

На следующее утро бойцы «Альфы» пришли к морю. Как были в поту и в грязи, так и пришли: отмыться, полежать на солнышке. Загорающие догадались: «Это ребята, штурмовавшие изолятор!» Окружили, обступили, с улыбками, с поздравлениями. Кто-то позавидовал: «Наверное, за такую работу кучу денег получите!»

Альфовцы смущенно улыбались: они-то знали, их зарплата рассмешила бы любого абхазца или грузина. Но восхищение подкупало.

Кто-то уже протягивал им арбузы, дыни, цветы. Расталкивая обступивших, пробился через толпу высокий усатый грузин. Опустил на песок ящик, раскрыл объятия:

— Генацвале! Родные мои! Для вас вино, настоящее кахетинское!
Вино и вправду было отменное.

ГОД 1992. ПРОВАЛ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

...23 февраля 1992 года. Санкт-Петербург. Операция по освобождению заложников в знаменитой тюрьме «Кресты» закончилась провалом. Убит заложник, сотрудник следственного изолятора.

Тем не менее один из участников штурма, офицер ОМОНа, с уверенностью заявил: «Специалистами и руководством ГУВД исполнение операции оценено довольно высоко».

Трудно сказать, что стоит за «высокой оценкой» руководством ГУВД собственных омовцев, но специалисты во всем мире считают: операция с применением спецподразделений не имеет смысла, если в ходе нее уничтожаются как террористы, так и заложники. В таком случае достаточно роты солдат, которая, окружив захваченный бандитами объект, искромсает огнем автоматов и правых и виноватых.

Иной оценки нет и быть не может...

И все-таки, что же случилось в питерских «Крестах», или, как их официально именуют, в следственном изоляторе № 1 ГУВД Санкт-Петербурга, тем февральским днем?

Во время прогулки семеро подследственных, вооруженных заточками (заостренными металлическими штырями) и двумя гранатами, набросились на контролеров В. Аввакумову и А. Яремского. Затащив пленников в служебное помещение и запершись изнутри, преступники выдвинули ультиматум: в обмен на жизнь заложников они потребовали два автомата, четыре пистолета с боекомплектom, гранаты, автомобиль. Было также поставлено условие — обеспечить беспрепятственный выезд из тюрьмы и предоставить самолет.

Знакомство с личными делами бандитской семерки не предвещало легкой борьбы. Статьи уголовного кодекса, по которым предъявлены обвинения каждому из бандитов (разбой, убийство, насилие), тянули, как минимум, на 10 лет лишения свободы каждому. Да и большинство из них за решеткой не были новичками.

Ситуация складывалась угрожающая.

В «Кресты» выехала группа захвата ОМОН.

Три с половиной часа вели переговоры с преступниками заместитель начальника ГУВД В. Фролов и исполняющий обязанности прокурора

города В. Большаков.

Преступники категорически отвергали все предлагаемые варианты, по-прежнему угрожая расправой над заложниками. Не отрезвили бандитов слезы матерей, мольба жен и родственников, которых доставили в изолятор.

Из тюрьмы привезли «авторитетного» рецидивиста, который тоже советовал им сдаться. Не послушали. Вели себя нагло, агрессивно.

Переговоры, начатые в 10.45, завершились в 14.00. Преступники твердо стояли на своем, демонстрируя гранаты — «лимонки» (как впоследствии выяснилось, муляжи, слепленные из хлебного мякиша и раскрашенные).

Было принято решение в 14.15 начать операцию по освобождению заложников. Но как это сделать? Штурмовать камеру, в которой заперлись террористы? Да, хотя это один из самых сложных вариантов. В тюрьме, построенной еще до революции, все было сделано добротнo: крепкие решетки, массивные двери с надежными замками. При подготовке штурма пробовали, зацепив тросом, вырвать оконную решетку. Толстый трос лопнул, а решетка даже не сдвинулась с места. Вот уж проклятый царский режим, и тут нам подгадил!

Другой путь для штурмовой группы — маленькое окошко на лестнице, через которое велись переговоры с преступниками. Оно бы и хорошо, да не пролезть могучим парням в окошечко.

Задача казалась практически невыполнимой. Сами омовцы признались: шанс на то, что при штурме заложники уцелеют, — один из ста. И все же выбрали именно этот, по существу тупиковый, безвыходный вариант. Почему?

Непростой вопрос. Безусловно, были еще кое-какие варианты. Ведь ситуация с захватом заложников в следственном изоляторе не нова. Достаточно вспомнить сухумский изолятор. Там преступники вооружились не заточками и муляжами гранат, а боевым оружием — пистолетами, десятками пистолетов, по несколько штук на каждого негодяя. Тогда «Альфу», как до того питерский ОМОН, тоже подталкивали идти на штурм камер, но не вышло. Ее начальник однозначно взял ответственность на себя и, все взвесив, настоял на так называемом варианте «рафик». Бандитов выманили во двор, и, когда они сели в микроавтобус, прозвучала команда группе захвата. Террористы в несколько секунд оказались арестованными, заложники — освобожденными. Хотя местное руководство, милицейские генералы боялись варианта «Рафик»: как бы чего не вышло. Вдруг действительно, усевшись в микроавтобус, банды вырвутся на свободу, в

город. Что делать с ними тогда? А так спокойнее, хоть и грозятся, орут, но в камерах, в тюрьме. Долго пришлось профессионалам из группы «А» убеждать высокое начальство. Убедили. И операция закончилась успешно.

Ничего подобного не произошло в Санкт-Петербурге. Две штурмовые группы выдвинулись на лестницу, к окошку, через которое шли переговоры. Приготовили трос с крюком, чтобы в нужный момент выдернуть решетку. У запертой двери стояла еще одна группа, которая после начала штурма должна была выбить ее с помощью подручных средств.

Потом, в паноптикуме «Кресты» Александра Невзорова, все увидят, как боец подразделения отчаянно колотил в дверь кувалдой. Помогали ему и другие, но, как оказалось, безуспешно. Дверь открыли только изнутри после окончания операции.

О начале штурма преступников известил сам командир группы захвата. Он решил с ними поговорить. Предупредил: «Ваши требования невыполнимы. При штурме ложитесь на пол, тогда останетесь живы». И тем самым подписал смертный приговор заложникам. Естественно, после такого выступления ни о какой внезапности не могло идти и речи.

Потом омоновец объяснил, что пошел на своего рода маневр, он-де отвлекал внимание бандитов от выдвигающейся группы захвата, пытался «стянуть» террористов в одно место и, наконец, хотел в последний раз образумить преступников.

Не получилось ни того, ни другого, ни третьего.

Бандиты, как и следовало ожидать, приготовились и ждали штурмующих. Конечно, с заточками и муляжами они не могли противостоять вооруженным омоновцам, и с началом штурма один был застрелен снайпером, другой — из автомата при попытке сопротивления, остальные остались в живых. Но свое гнусное дело они успели сделать: убили заложника.

Интересно, что решетку из окна удалось вырвать лишь с третьей попытки, на что ушло 10 минут. Вся операция длилась 15 минут. В такой ситуации четверть часа — целая вечность.

Сыграла свою роковую роль и слабая техническая оснащенность, нехватка спецсредств. Подумать только, у милиции Питера не нашлось гранат свето-шумового действия, которые дают яркую вспышку и ослепляют на время преступников. Что же касается взрывного устройства направленного действия «Ключ», а оно «открывает» любые двери, то тут нужны специально подготовленные люди, умеющие его применять, «у нас их пока нет», — посетовал заместитель командира ОМОНа капитан Павел Пашаев.

Если отсутствуют спецсредства, нет профессионалов, умеющих их применять, может, лучше приглашать их со стороны, из «Альфы», например, ведь в ее практике не было провалов: заложники оставались в живых, террористы либо убиты, либо арестованы. Когда дело идет о жизни людей — не время для межведомственных распрей. Но руководство ГУВД Санкт-Петербурга всякий раз отвергало эту мысль с порога: мол, наши ничуть не хуже. Оказалось, как ни прискорбно признать, значительно хуже.

Поговаривают, что с милицейским начальством города на Неве злую шутку сыграли удачи «Альфы». Еще бы, обезврежены террористы в Сарапуле, Тбилиси, Уфе. Операции прошли успешно, бойцы спецподразделения действовали умело, высокопрофессионально. Соответственно были и награждены. Вот и решили местные руководители, что не боги горшки обжигают. Оказалось, чтобы бороться с террористами, надо быть богом в своем деле.

Штурм на аэродроме Вещево, по существу, захлебнулся в огне и крови. Но прошло время, многое забылось, стерлось в памяти, уволились в запас старые начальники, появились новые. А у «Альфы» опять победы — спасли детей в Минводах, обезвредили террористов в Баку, Саратове. И самое главное, «без шума и пыли» взяли следственный изолятор в Сухуми, захваченный вооруженными преступниками.

Со стороны посмотреть: все легко и просто. И поэтому вновь звучит знакомый мотив: «А мы чем хуже?» Нет, не хуже и не лучше, просто другие.

23 февраля 1992 года газеты сообщили о гибели в «Крестах» заложника, отца троих детей. Тогда же было опубликовано другое сообщение: «Шестеро этапированных по железной дороге преступников, особо опасных рецидивистов, напали на караул, тяжело ранили трех конвоиров, забрали оружие и боеприпасы. На трассе бандиты остановили „Икарус“ с 30 пассажирами, ехавшими из Кзыл-Орды в Сарыачаг.

Преступники потребовали подготовить самолет для вылета в южную страну.

При въезде в аэропорт грохнули отвлекающие гранаты. Операция по захвату преступников длилась 3 секунды. Разбив окна, парни из подразделения по борьбе с терроризмом ворвались в «Икарус». Бандиты были расстреляны на месте».

Какие похожие сообщения, и какие разные судьбы у заложников. Откуда они, эти парни, сумевшие уничтожить бандитов и сохранить 30 жизней? Тоже из «Альфы». Из регионального алма-атинского подразделения антитеррористической группы «А».

Теперь, правда, оно уже стало самостоятельным.

ГОД 1994. БОЙ В МАРСЕЛЕ

В тот день, срочно прервав свои рождественские каникулы, премьер-министр Франции Баладюр возвратился в Париж. Там его уже ждал кризисный комитет.

Дело в том, что 24 декабря 1994 года на аэродроме имени Бумедьена в Алжире был захвачен аэробус А-300 компании «Эр-Франс». Днем он вылетал в Париж, шли последние приготовления к взлету, когда в самолете появились четверо молодых людей в форме обслуживающего персонала алжирской гражданской авиации.

Они вытащили припрятанные автоматы Калашникова, и дружный крик террористов «Аллах акбар!» возвестил пассажиров о том, что самолет захвачен.

Чего хотели эти люди? Они требовали вылета в Париж. В подтверждение серьезности своих намерений террористы отобрали из состава пассажиров двух человек — алжирского полицейского и торгового атташе посольства Вьетнама — и расстреляли их. Тела выбросили на площадку перед лайнером.

Филипп Легорю, бывший командир спецподразделения ГИГН, узнал о захвате по дороге в Нормандию, куда он ехал на рождество к родителям. Высадив семью на ближайшей железнодорожной станции, он тут же помчался в Париж в штаб-квартиру авиакомпании «Эр-Франс».

Весть о теракте в Алжире застала нынешнего руководителя ГИГН капитана Дени де Фавье дома, в пригороде Парижа. Он поднял подразделение по тревоге, отдал необходимые распоряжения по подготовке к боевым действиям и сам выехал в окрестности Версаля, где была расквартирована группа ГИГН.

Тем временем события набирали обороты.

Террористы требовали вылета, но командир алжирских спецсил «Ниньяс», окруживших аэропорт, не собирался уступать. Исламские фундаменталисты, вот уже несколько лет ведущие скрытую войну с правительством страны, попортили ему немало крови, и теперь он решил поквитаться с бандитами.

Он не собирался принимать ничьей помощи, в том числе и от французов. Алжирцы собирались в лоб штурмовать аэробус, используя взрывчатку для пробивания брешей в обшивке самолета.

В Париже понимали, что это может обернуться большими жертвами.

Пойди «ниньясы» на такой штурм, повторилась бы трагедия, которая произошла десять лет назад на Мальте.

Франция принимала самые энергичные действия, чтобы убедить правительство Алжира согласиться с предложениями Парижа. Переговоры французских министров и их партнеров велись постоянно и к вечеру достигли апогея.

Террористы выдвинули ультиматум: если им будет отказано во взлете лайнера, они станут убивать заложников каждые полчаса. Следом за этим требованием в эфир полетела мольба молодого повара, работавшего в посольстве Франции. «Разрешите им вылет, — просил повар, — они убьют меня».

А тем временем подразделение ГИГН под руководством капитана Дени де Фавье уже более часа находилось в воздухе. Поздней ночью 25 декабря бойцы французской группы антитеррора оказались в аэропорту Пальма де Майорка и только тут узнали, что их самолет не впускают в Алжир.

Французы убеждали алжирцев, что в случае проведения операции ГИГН может оказать техническую и консультационную помощь, а также беспокоились за жизнь заложников, и в первую очередь за повара, который уже стоял под дулом пистолета.

Алжирцы, в свою очередь, успокаивали французов: террористы, мол, блефуют и никого расстреливать не собираются.

Но утром труп повара скатился по ступеням трапа. Премьер-министр Баладюр немедленно позвонил своему алжирскому коллеге Мокдаду Сифи, и между ними состоялся «горячий» разговор. Подчиняясь приказу премьер-министра, взбешенный руководитель «Ниньяс» наконец отдал разрешение на вылет самолета. Через два часа захваченный лайнер покинул аэродром имени Бумедьена и взял курс на Марсель.

Тем временем стали известны имена террористов. Их идентифицировала как алжирская полиция, так и французская разведка. Руководил группой Абдулла Яхья, жестокий уголовник. Он был известен спецслужбам как участник нескольких террористических актов. Это означало, что Яхья обладает определенным опытом и его нельзя недооценивать.

Двое других бандитов тоже не стали откровением для полиции — это были Назеддин Мехти и Саид Оуфчин, имя четвертого члена террористической группы пока оставалось загадкой.

Захваченный самолет еще находился в воздухе, когда команда ГИГН приземлилась на соседнюю посадочную площадку. Антикризисная группа

во главе с префектом марсельской полиции Аленом Гэимом уже находилась в башне управления полетами аэропорта. Префекту предстояло вступить в переговоры с террористами, объясняясь с ними по радиосвязи.

Помогать шефу марсельской полиции должны были специалисты по переговорам из подразделения ГИГН.

Однако еще до начала переговоров у антикризисной группы оставалось немало дел. Следовало выбрать удобное место для стоянки самолета. Разумеется, удобное с точки зрения специалистов антитеррора. Решили, что таким местом станет площадка, называемая «бомбовым паркингом».

Когда рейс 8969 из Алжира совершил транзитную посадку в аэропорту Марселя, там уже все было готово к приему гостей: снайперы и бойцы группы ГИГН заняли свои позиции, парашютисты из эскадрона национальной жандармерии находились в резерве, в любую минуту готовые принять участие в боевых действиях.

Захваченный самолет отбуксировали на нужную площадку, префект полиции вышел на связь с террористами. Теперь предстояло затягивать время, чтобы накопить необходимую информацию о самолете, расположении в нем террористов, их поведении, намерениях.

Кстати говоря, намерения бандитов были до сих пор не ясны. Первоначально, еще в Алжире они настаивали на освобождении из-под ареста двух лидеров Исламского фронта освобождения. Потом террористы сами отказались от этого требования. Получалось, что, в сущности, у них политических или каких-либо других требований, за исключением одного — вылететь в Париж, не было. А что дальше? Аналитики ГИГН ломали голову — ситуация казалась совершенно непонятной.

Разгадку подсказали сами бандиты. Они упорно требовали заправки самолета. И в том не было бы ничего особенного, если бы Яхья не настаивал на заливке в баки лайнера... 22 тонн горючего. Но до Парижа с лихвой хватило бы и 10 тонн. Тем более, что в самолетных емкостях еще оставалось 4 тонны топлива.

Значит, одно из двух — либо террористы хотели лететь совсем не в Париж, а в другую страну, либо они собирались взорвать лайнер над столицей Франции.

Вскоре подтвердилась вторая гипотеза. Агент французской разведки в исламском подполье сообщил, что террористы намерены взорвать самолет над Парижем. Действительно, все сходилось. Освобожденные ранее заложники тоже говорили, что слышали из уст бандитов, захвативших аэробус, о каком-то «белом пламени рая». А ведь это именно то, что

мусульмане считают «священной смертью», сделали вывод аналитики группы антитеррора ГИГН.

Теперь стала ясной и вторая опасность — возможно, что террористы уже заложили взрывчатку внутри самолета. Это значительно осложняло ситуацию.

Несмотря на давление сверху, шеф спецгруппы Дени де Фавье настаивал на необходимости установки на самолет подслушивающих устройств, дабы получить возможность контролировать переговоры и передвижения террористов. Предложение хорошее, нужное, но как это сделать? Террористы не подпускали к самолету никого.

И тогда вновь в переговоры вступает префект марсельской полиции Гэим. Он предлагает очистить туалеты, пополнить запасы воды и, конечно же, заправить топливом самолет.

Абдулла Яхья дает срок до 10 часов утра, потом обещает взорвать самолет.

После некоторого раздумья террористы соглашались на технические процедуры. В качестве уборщиков туалета работают переодетые бойцы группы ГИГН. Они устанавливают подслушивающие устройства в салоне самолета, снаружи у иллюминаторов крепят потайные мини-телекамеры и микрофоны. Разумеется, сотрудники подразделения антитеррора подмечают, что двери самолета не заминированы и не заблокированы.

Вскоре Фавье согласился на штурм. У него было достаточно информации о местонахождении террористов, их вооружении. Так вот вооружение бандитов как раз и беспокоило: автоматы Калашникова и гранаты, приведенные в действие, могли унести много жизней заложников. Поэтому было принято решение: продолжить давление на террористов с целью освободить кого-либо из захваченных пассажиров.

И действительно, в полдень Яхья освободил двух заложников — пожилую супружескую пару. Он предупредил, что это его последняя уступка, и вновь потребовал заправки самолета.

К 16 часам сотрудники ГИГН были полностью готовы к штурму. Напряжение в самолете нарастало: террористы читали Коран. Эти молитвы наводили ужас на заложников. После этого Яхья сообщил: 17 часов — последний срок. Если самолет не взлетит, они приведут взрывные устройства в действие.

Однако в 17 часов Фавье штурм не начал. Его опыт подсказывал — надо дотянуть до сумерек. Но в 17.08 один из бандитов в приоткрытую дверь самолета открыл огонь по башне управления полетами.

Судя по всему, это было действительно последнее предупреждение

террористов. Фавье отдал приказ о минутной готовности.

В эфир вновь вышел руководитель банды Яхья. Он угрожал. Префект полиции Гэим сообщил, что бензовозы уже движутся к самолету. Прозвучала команда: «На штурм!», и три группы бойцов на мобильных трапах двинулись к самолету. Спецназовцы взбежали по ступеням уже во время движения трапов.

Снайпер на вышке открывает огонь. Шесть пуль пробивают стекло кабины самолета, но все они не приносят никакого вреда террористам.

Первый трап, на котором 8 сотрудников во главе с капитаном Фавье, уже у правых передних дверей. Первый спецназовец бросается на двери, открывает их своим весом. В щель летит светошумовая граната, и двое бойцов врываются в салон. Один из террористов, убегающих к кабине, получает пулю в голову. Однако остальные бандиты быстро приходят в себя и открывают мощный огонь из автоматов.

Спецназовец Тьерри получает несколько пуль из Калашникова. Они попадают в его автомат, отрывают три пальца на руке. Остальные пули угодили в грудь и плечо. Бойца ГИГН спасает пуленепробиваемый жилет и кевларовый шлем.

Другой жандарм был ранен в руку и ногу, еще одна пуля разбила забрало шлема, и кровь залила глаза.

Третий боец Оливье тоже получил несколько пуль в бронежилет и был отброшен к борту самолета.

«Шестеро моих людей были ранены, как только попали на борт самолета», — скажет позже капитан Фавье.

Действительно, террористы хорошо обучены и ведут прицельный огонь.

Вторая группа бойцов ворвалась в салон через левые двери. Террористы продолжали стрелять. Был ранен один из сотрудников подразделения ГИГН.

Третья группа проникает внутрь самолета через правые задние двери. Они готовят надувные аварийные трапы и начинают срочную эвакуацию пассажиров.

А на борту тем временем идет бой. Террористы не только ведут огонь из автоматов, но и забрасывают салон гранатами. Однако и жандармы, отвечая меткими выстрелами, медленно продвигаются вперед.

Снайперы ведут огонь по кабине. Через несколько минут боя террористы отвечают все реже и реже. Наконец из кабины пилотов раздается голос летчика: «Не стреляйте, они все мертвы!»

Бойцы ГИГН врываются в кабину и видят тела погибших террористов,

а под ними живых и невредимых пилотов.

На часах 17.35. Капитан Фавье докладывает: «Операция закончена».

В результате ее проведения четверо хорошо обученных и фанатично настроенных террористов погибли. Серьезно был ранен лишь один сотрудник Тьерри, которому оторвало пальцы, еще трое прошли курс лечения и благополучно вышли из госпиталя, остальные шестеро отделались легкими ранениями.

Вся операция длилась 17 минут. Террористы боеприпасов не жалели и выпустили около 1500 патронов.

Операция в Марселе признана успешной. Действительно, в ходе ее проведения не было ни одного погибшего ни среди штурмующих, ни среди заложников.

Надо признать, что удача в тот день была на стороне спецназовцев ГИГН. Террористы не успели взорвать динамит, иначе неизбежно погибли бы и пассажиры, и бойцы спецподразделения. На руку сотрудникам ГИГН было и то, что двое бандитов располагались в пилотской кабине и двое тоже бежали туда с началом штурма. Рассредоточься они по салону, и жертв было бы не избежать.

Теперь об уроках операции.

Несмотря на идущий бой, третья группа сотрудников ГИГН быстро организовала эвакуацию заложников. Иначе пострадавших могло быть больше.

Операция шла в условиях ближнего боя, к тому же бойцы ГИГН почти не видели террористов и тем не менее добились победы.

Что касается просчетов операции, то они тоже есть.

Французские снайперы оказались недостаточно подготовлены к ведению огня через стекла самолета.

Движение трапов привлекло внимание террористов, и был потерян фактор внезапности. Возможно, лучше было бы в пешем порядке выдвинуться к самолету и проникнуть в него по приставным лестницам.

ГОД 1995. БАСАЕВ ЕЩЕ НА СВОБОДЕ

Трагедия в Буденновске. Сегодня дело повернуто таким образом, что невиданный в мире акт терроризма накрепко завязан в единый узел с чеченской войной. Россия начала войну, а чеченцы, загнанные в угол, ответили терактом — так утверждали многие средства массовой информации.

И вроде бы правильно утверждали. И война, и бомбы, и смерти, и чеченцы... Все так... Все было.

Некоторые газеты выносили на первые полосы заголовки, что именно террорист Басаев остановил войну. Чудно это было, право, слышать, но слушали.

А иные журналисты так раздухарились, что время от времени покрикивали с полос, мол, не смейте чеченцев называть террористами, а ежели смеете, то и всех русских солдат не иначе как в террористы запишите.

Получалось вроде как баш на баш: развязали войну — получили теракт. А тут еще и заложники, выбегающие из осажденной больницы, кричали о «чеченских шоколадках» для детей. Выхваченные недремлющим, объективным оком TV, крики эти, как ни крути, укрепляли вину русских шовинистов, поднявших меч на «благородных» сынов Вайнахии.

И все бы укладывалось в прокрустово ложе нашей «независимой», «неподкупной» пропаганды, если бы не одно веское обстоятельство — история терроризма.

Так уж случилось, что этой темой мне приходится заниматься не один год, и потому смею заметить — теракт в Буденновске только на первый, весьма поверхностный взгляд — «реакция на войну», «ответ на бессмысленную бойню». Ведь именно такую версию предложил нам Басаев в своем первом интервью, не правда ли? И мы съели... Более того, на все лады стали рассуждать, мог ли Басаев поступить иначе, заранее предполагая, что не мог. Да. Не мог. Ибо он — террорист. У них свои понятия о чести, своя система жизненных координат. Система столь опасная для остального мира, что все они давно признаны вне закона.

Хоть кое-кто в нашей стране и пытается сделать из него супергероя, ясно одно — Басаев не первый и, к сожалению, не последний в кровавой шеренге террора.

Еще в первом веке нашей эры в Иудее действовала секта сикариев (сика — кинжал или короткий нож), уничтожавшая представителей еврейской знати за сотрудничество с римлянами.

Сикарии на современном языке и есть террористы. И это в первом веке нашей эры. Известия о прапращурах Басаева появятся лишь через много столетий.

Этот короткий экскурс в далекую историю террора приводится лишь для того, чтобы показать — бандит, он и есть бандит, в первом ли веке нашей эры или в двадцатом столетии. И в данном случае война лишь неуклюжее оправдание кровавых деяний террора.

Ибо у того же Басаева еще вчера был захват авиалайнера, потом автобуса, теперь вот — больницы. Что он захватит завтра? Кому предъявит требования — правительству, стране, миру?

И нет сомнений, требования эти будут прикрыты вполне пристойным фиговым листком борьбы... Борьбы за что? За свободу, независимость, мир... Или против чего-то. Это уже не важно. Даже самый отпетый преступник, убийца старается найти благородное объяснение своим преступлениям, сколь бы ни были они страшны.

Терроризм — тяжелейшее преступление перед человечеством. Это не мое определение. Такое определение дало этому мерзкому и гнусному явлению нашей жизни мировое сообщество. Оно же поставило террористов вне закона.

Увы, как ни прискорбно говорить, но и тут у нас свое, особое мнение. Свое весьма «бережное» отношение к террористам.

В 1990 году в течение только одного месяца было совершено пять угонов самолетов. 30 июня. Самолет, вылетевший из Львова, по требованию террориста изменил курс и совершил посадку в Стокгольме.

И после этой «гонки», когда наш Аэрофлот и его службы в прямом смысле стояли на «ушах», не ведая, как остановить совершенно дикий поток угонов, когда спецподразделения антитеррора подобно пожарным командам метались по стране, а правительство срочно разрабатывало контрмеры, в прессе появляются душещипательные эссе о переживаниях юного 19-летнего террориста.

Признайтесь, весьма экстравагантно звучит заголовок в газете: «Воздушный пират или несчастный мальчишка?» Как вы догадываетесь, автор статьи никак не хотел признавать в юноше воздушного террориста. Разумеется, тот был всего лишь «несчастливым» глупым мальчишкой, жаждущим приключений. А Шамиль (некоторые газеты любят писать это имя с восклицательным знаком) Басаев — лишь благородным борцом за

свободу чеченского народа.

Вне зависимости, за кого выдают себя эти люди и как их величают некоторые услужливые СМИ, они террористы. Как сказано в Международных конвенциях — «злейшие враги человечества».

Это общепринятое международное определение и должно явиться отправной точкой в разговоре о трагедии в Буденновске.

...Итак, 14 июня 1995 года, в полдень, чеченские террористы захватили маленький российский город на Ставрополье.

Старики-фронтовики подумали, что вернулась война и вновь фашисты входят в город.

Только эти были, пожалуй, кровожаднее: стреляли в детей «от живота», на местном рынке хладнокровно убили бабушек-торговок и пошли по дворам.

Помните кадры немецкой хроники: фашистские молодчики врываются в дома, убивают, избивают, вытаскивают мирных жителей и гонят их, как стадо. Не важно куда — в колхозный хлев, как полвека назад, или в районную больницу, как теперь.

Почерк один и тот же. Даже обувь приказали снять и гнали босиком через весь город. Террористы не пощадили никого. Фашисты иногда отпускали детей и женщин. Эти не отпустили. Наоборот, захватывали как можно больше немощных, больных, беременных. Уж эти сопротивления не окажут, да и на власти давить проще.

Боялись, и потому захватывали не по одному — десятками, сотнями. Если что, есть возможность десятком русских баб да детишек прикрыться.

Кого хотели — убивали. Фашисты — за то, что ты партизан, террористы — за то, что летчик или милиционер.

Говорят, у чеченцев теперь патологическая ненависть к летчикам: они их бомбили. А к милиционерам? Просто за то, что они милиционеры? Или, может, оттого, что бандитам всегда поперек горла те, кто пытается установить порядок? Чеченская война, конечно, не добавила любви, но дело не в ней. Террористы от корня своего изначально ненавидят представителей правоохранительных органов и пилотов. Пока подтянутся спецподразделения, эти люди первыми противостоят террору. Им и первая пуля террора.

Вспомните Надю Курченко, зверски убитую бортпроводницу, пилотов-тбилисцев Завена Шабартяна, Анзора Чедия, Валентину Крутикову, расстрелянных бандитами в 1993 году при захвате самолета «Ту-134 А» в небе над Кабулети, Тамару Жаркую, погибшую от пули «воздушного пирата» Овечкина в 1988 году. Этот список можно продолжать и

продолжать.

Однако сейчас важно выяснить другое — что же произошло в Буденновске? Акт кровной мести? Зверское нападение террористов? Фашистская карательная операция? Или четко разработанный и спланированный удар преступного криминального дудаевского режима?

На эти вопросы скорого и однозначного ответа нет. И все-таки, отбросив эмоции и ненависть буденновской бойни, попытаемся разобраться в сути произошедшего. Ибо уже сегодня вымыслы и домыслы, ложь и предательство, желание некоторых ведомств и чиновников этих ведомств представить себя в более выгодном свете упорно лакируют действительность, пытаясь скрыть истину.

Сейчас ясно одно. Произошла национальная трагедия. И мы пока не в силах оценить ее масштабы и последствия.

Террористы на глазах всего мира поставили Россию на колени. Руководство страны пошло на все мыслимые и немыслимые уступки ради спасения заложников. И даже после их освобождения великодушно отпустило террористов на все четыре стороны. Ответ пришел уже на следующий день — террорист Басаев вновь угрожал стране. Он обещал новую кровавую бандитскую вылазку и цинично заявил, что подаст в международный суд на тех, кто посмел назвать его террористом. Опять в который раз журналистка достала Басаева в его берлоге. ФСБ достать Басаева не смогла. Большого позора для страны, которая время от времени называет себя великой, придумать нельзя.

Кто-то сказал, что Россия стояла на коленях несколько дней. Нет. Россия до сих пор на коленях.

Более страшного финала и придумать нельзя. Когда власть не способна управлять страной, на арену выходит террор. Так уже было в нашей истории. Тогда, в начале века власти тоже не знали, что делать с разгулявшимся террором. Но мы знаем, чем это закончилось в 1917 году.

Возвратимся к Буденновску. Первый вопрос, на который до сих пор не дан ответ даже после работы специальной комиссии Совета Безопасности, как террористам удалось пройти. Для меня, как и для многих других россиян, не столь важны нюансы: двигались ли бандиты через Дагестан или, к примеру, через Кабарду, а может, и вовсе напрямую через границу со Ставрополем, сегодня волнует иное — как?

После многократных дудаевских угроз, после предупреждений и приказов из центра об усилении, укреплении, удвоении бдительности, каким образом немалый бандитский отряд оказался почти в центре Ставрополя?

Сейчас спорят о том, просочились ли чеченцы или проехали на «КамАЗах» с гробами? Было и то, и другое.

В подтверждение первой версии — в карманах убитых боевиков найдены квитанции о проживании в местной гостинице «Химик», о второй и говорить не приходится — «КамАЗы» с террористами задержали милиционеры, видели сотни буденновцев. Но опять-таки и это не столь важно.

Не пожелавший назваться источник не то из ФСБ, не то из МВД заявил: никакого склада не существовало вообще. Но тогда как объяснить огромный (иного слова не подобрать) запас боеприпасов на руках у бандитов?

По этому поводу мы немало говорили с командиром группы «А» генералом Александром Гусевым, пытаясь найти разгадку.

Представьте себе две сотни террористов (а это ни много ни мало — почти мотострелковый батальон), которые несколько часов ведут непрерывный огонь. Бойцы «Альфы» рассказывали мне, что град пуль был подобен свинцовому дождю. Многие из тех, кто шел на штурм, вытряхнули потом из своего бронежилета по несколько пуль. На дорожках, ведущих к больнице, выбоины от пуль располагались в 2 — 3 сантиметрах друг от друга.

Стыдно сказать, но патроны кончились у наших солдат и офицеров, а не у террористов. Мне признался по секрету один из снайперов, что накануне операции весь боекомплект на его винтовку составил 40 патронов. Правда, на следующие сутки патронов подвезли целый автомобиль, но они уже никому были не нужны.

Откуда такой поистине невиданный боезапас у террористов? Одна из версий — склад. Заранее организованный, завезенный боезапас.

Если же верить «неизвестному источнику» из недр силовых министерств, то «увы» становится еще хуже. Значит, бандиты весь огромный склад с оружием притащили с собой.

Теперь говорят, что проехать было не так уж и сложно.

Да, на пути террористов оказался по существу единственный контрольный пункт в поселке Затеречном на автотрассе Георгиевск — Копейск.

В промежутке между 9 и 9.30 утра, когда происходила смена дежурных, террористы проследовали на трех «КамАЗах» и «Жигулях». Они не предъявили никаких документов. Сказали, что везут в Ростов «Груз-200» — трупы погибших российских солдат.

В одном из интервью заместитель начальника Главного управления

ГАИ МВД Владимир Тимошин и начальник отдела Дмитрий Чугуев так рассказывали о произошедшем:

— Люди в «Жигулях» были одеты в штатную форму милиции, выглядели как славяне и говорили без акцента. Это можно считать установленным показанием всех наших оставшихся в живых сотрудников, с которыми они контактировали. Это не освобождает от ответственности проявивших халатность сотрудников на КПМ в Затеречном, но сработал эффект мундира.

На вопрос корреспондента, сколько постов ГАИ проехала колонна от Затеречного до Буденновска, руководители ГАИ признались: ни одного. «Стационарных построить не успели, передвижные не имеют ни воды, ни электричества, ни средств защиты. Экипажи, которые должны были дежурить в тот день, были отвлечены учебными занятиями, которые проводятся еженедельно по средам, о чем террористы тоже, вероятно, знали. Один из экипажей сопровождал автобусы, перевозившие жителей Буденновска на сельскохозяйственные работы. Разгильдяйство, конечно...»

Ой ли, о разгильдяйстве ли речь?

Ведь выходит, у террористов все получилось — и в пересменку они КПМ проехали, и лжемилиционеров подсунули, и даже когда учебные дни в МВД знали. Наш единственный пост и документов не спросил, поленился, а не то чтобы в гробы заглянуть. А уж коли в форме милиции, да славяне, да без акцента, плевать тут на войну... Все бандиты в милицейских фуражках друзья-братья.

Однако, как известно, есть и другая версия, о которой и подумать-то страшно. Если слова Басаева о жадности сотрудников ГАИ хоть на сотую, хоть на тысячную долю правда, хочется быть волком: мы действительно воровская страна.

На пресс-конференции по итогам буденновской операции из уст первого заместителя министра внутренних дел прозвучала фраза: мол, к каждому милиционера не приставишь. А к каждому и не надо. Исполняй милиционеры свои обязанности как положено, и нет сомнений, все было бы в порядке. Ведь по существу за преступную халатность дежурных Затеречного КПМ, других экипажей ГАИ заплатили своими жизнями их коллеги Попов, Герасименко, Чекуркин и еще несколько сотрудников МВД.

Что же касается «милицейской косовицы» в Буденновске, то это пахнет старым, добрым временем застоя, когда все управление, за исключением дежурных, «выгоняли» в поле.

Сено косить надо. Но нынче, увы, не тихие семидесятые, и

Ставрополье не далекая глубинка могучей державы, а прифронтовой край.

Понимаю, все понимаю. Провинциальный городок, не успевший осознать себя на пороге войны, военные «КамАЗы», которые ежедневно мозолят глаза, и, к сожалению, не редкий «Груз-200». Все это видят милиционеры Ставрополья каждый день. И тем не менее, местное УВД было единственной вооруженной силой, которая могла противостоять террору.

Могла, но не противостояла. Нет, речь не о тех нескольких смельчаках-милиционерах, которые с пистолетами Макарова шли на пулеметы басаевского батальона и погибли как герои. Проблема не только в том, что не было готово к бою УВД, а в вертолетном полку оказалось всего десяток автоматов. Отсутствовала система самообороны как таковая. И потому никто не смог защитить мирных жителей.

А есть ли гарантия, что подобное не повторится впредь?

Ведь системы как не было, так и нет. И оттого предложение о создании казачьих отрядов самообороны, их вооружении, обучении совсем не кажется столь бредовым и опасным, как пытаются представить это некоторые общественные деятели и прочеченско настроенные СМИ. Примером тому опыт Израиля, где практически все население служит или состоит в резерве, почти у всех дома — оружие и боеприпасы. Они готовы в любой момент противостоять террору. И не только потому, что есть чем защищаться, но и потому, что в ходе занятий, учений приобретены необходимые навыки антитеррористических действий.

Нет, я не призываю вооружать всю страну. Речь идет лишь о прифронтовой полосе. Думаю, что, несмотря на все договоренности о разоружении, процесс этот будет долг и труден, и ставропольским, краснодарским городам и станицам рассчитывать не на кого. Их безопасность в собственных руках. За время правления Дудаева в Чечне собралось слишком много убийц, которым нет места в мирной жизни. Никогда, ни при какой власти они не пойдут пахать землю или опять, как прежде, строить коровники. Тем более что многие строители коровников поняли: можно жить припеваючи, не работая — грабить, убивать, брать в заложники. Так что, если люди хотят спокойно жить, придется создавать и казачьи заставы, и отряды самообороны.

Кстати говоря, террористы Басаева потому и действовали столь дерзко, нагло и бесцеремонно, зная о полной демилитаризации города. Конечно же, несколько милицейских пистолетов не в счет.

Но будь в городе обученный отряд самообороны с современным вооружением, уверен — беды удалось бы миновать, а возможно и

прикончить незваных гостей до тех пор, пока их не отпустили на свободу.

Но, увы, случилось то, что случилось. Они дошли до Буденновска. Вроде бы шли на Минводы, где якобы их ждал заранее зафрахтованный самолет. Потом собирались лететь в Москву. Словом, получилось как в старой песне: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону, в засаду попался отряд». Только на сей раз в засаду попался мирный, тихий Буденновск.

Теперь уже дело экспертов спецслужб раскручивать задумки террористов. Мы же говорим о реальных событиях, случившихся в ставропольском городке.

И потому на повестке дня крайне болезненный и спорный вопрос — надо или было штурмовать больницу с заложниками? К нему же вплотную примыкает еще один — кто отдал приказ на штурм?

Странно, что именно о нем так много было разговоров. Добро на штурм дал Президент. Это и есть самый главный приказ. Борис Ельцин сказал об этом ясно и четко в Галифаксе. Кто же отдал приказ промежуточный, этапный, если так можно выразиться, то это мог сделать и министр Ерин, и его зам Егоров или кто-либо еще. Это абсолютно не имеет значения. Если решение принято первым лицом страны, всегда найдется человек, который его конкретно озвучит — произнесет, прокричит в трубку телефона или прошепчет на ухо командирам спецподразделений.

Кстати говоря, в том, что решение принял Президент, нет ничего удивительного. Более того, так должно быть. Неужто мы вновь желаем вернуться в горбачевскую эпоху, когда вдруг оказывалось, что в состоянии боевой готовности приводились целые округа, на штурм бросались спецподразделения, а Президент ничего не знал, мирно спал и никаких приказов не отдавал. В такое вот положение были поставлены военные в Тбилиси, группа «А» в Вильнюсе. Когда наутро вдруг обнаруживалось, что, поди ж ты, нашелся недисциплинированный подполковник из «Альфы», поднял своих людей, неизвестно каким образом вооружил, экипировал и сам, по собственной инициативе, вылетел на неизвестно откуда взявшемся самолете в Литву. Жил там неделю, а когда ему взбрело в голову, пошел на штурм телецентра.

Бред, не правда ли? Так за что же мы ратуем?

К возврату той бредовой поры? Потому считаю, Ельцин поступил совершенно честно и порядочно, как человек и как политик. Он принял решение и о нем объявил. Однако более спорной является другая проблема — надо ли было штурмовать больницу?

Знаю, что большинство прессы, общественных деятелей, парламентариев склоняются к тому, что силовой метод оказался

неэффективен. Особенно после того, как Виктор Черномырдин разрешил кризис, что называется, «мирным переговорным путем». После этого у Черномырдина заметно прибавилось почитателей и сторонников. Многие, обычно помалкивающие во время «драки», поняли чья взяла, на чьей стороне симпатии народа, и ринулись в черномырдинский лагерь.

Что ж, действительно, во имя спасения людей следовало идти на все. Россия давно с завистью кивает на Америку, где из-за одного «попранного американца» страна поднимает по тревоге флот.

«Я рад, что нам удалось спасти жизни тысяч людей, — заявил Черномырдин на пресс-конференции. — Думаю, этому была рада вся страна».

Однако душу точит червь сомнения. Если все так было просто, если проблему можно было разрешить, сняв телефонную трубку из кабинета Дома Правительства, то почему ее не разрешили в первый день кризиса, в первые часы захвата больницы? Не иначе тут злой умысел «силовики», которые только и мечтают пострелять, поштурмовать?

Думаю, что все обстояло значительно сложнее. И к мирному разрешению кризиса в первый день не был готов никто. Да, никто — ни Президент, ни Черномырдин, ни террорист Басаев.

Легко сказать: вступить в переговоры. А если Басаев не вступает и разговаривать не хочет? Вы помните его первые требования — прекратить войну и вывести российские войска из Чечни?

Но как это сделать практически? Как в одночасье повернуть всю военную машину, наращиваемую месяцами, и сделать это до того, как бандит начнет расстреливать заложников? Тысячи солдат и офицеров, огромное количество боевой техники, оружия, боеприпасов. Задача, в короткий срок попросту не выполнимая.

Верно писали в прессе, Басаев напрочь отказался разговаривать с Ериным, Егоровым, Степашиным. Точнее, он не хотел говорить ни с кем. Засев в больнице, диктовал условия, и связь была исключительно односторонней. Считая нужным — звонил в штаб, но сам трубку не брал. Попытки дозвониться до террориста ничего не дали.

Вот когда был нужен правозащитник Ковалев. Нужен как воздух. Нужен больше воздуха. Именно сейчас, в эту первую, самую трудную ночь, а не после штурма, когда напуганные террористы сами, без каких-либо предварительных условий, освободили большую группу заложников.

Но правозащитников не было. И хотя от Москвы до места трагических событий лету всего два часа, никто не появился на следующий день, пятнадцатого, и в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, и днем

шестнадцатого, и ночью на семнадцатое.

С полудня четырнадцатого июня до часа штурма семнадцатого у правозащитников всех мастей было ни много ни мало более 50 часов. Однако за это время не сумел прилететь никто. Не сумел? Не захотел? Что теперь гадать. И после этого кое-кто пытается утверждать, якобы именно Ковалев «сдвинул с мертвой точки застопорившиеся переговоры».

Переговоры с мертвой точки сдвинул штурм. Да, неудачный и, казалось бы, во многом бессмысленный. Но террористы этого штурма не ждали. И были изрядно напуганы. Больше всего их испугала «Альфа», которая, несмотря на ураганный огонь, смогла подойти вплотную к больнице и даже заняла прилегающие здания...

Вот как рассказала об этом одна из заложниц — инспектор пожарной части Наталья Деменкова:

— Мы надеялись, что группа «Альфа» захватит здание больницы и освободит нас. Когда начался штурм, многие мужчины и женщины собрались с силами, чтобы помочь нашим ребятам изнутри. Это басаевцы почувствовали. Я заметила, в тот миг на их лицах уже не было бравады. Они поняли: приходит конец. Жаль, конечно, что спецподразделения отошли на исходные позиции. И все же штурм сыграл свою роль. После него бандитов было просто не узнать.

Кстати, не забудем, что в ходе этого так называемого «провалившегося» штурма были освобождены и сумели вырваться из лап террористов несколько десятков заложников. А бойцы «Альфы» прикрывали огнем и собственными телами выбегающих из больницы людей. Некоторые сотрудники группы антитеррора были ранены именно здесь, в этот момент боя.

В мире давно чтут истину — террористы уважают только силу. И боятся этой силы.

Нет, не Ковалев сдвинул с мертвой точки переговоры. Их сдвинули те трое погибших из «Альфы», которые шли на явную смерть, но шли. Дабы ни один бандюга не мог попирать честь России, не мог насиловать наших матерей и ставить на колени наших отцов, от «живота» расстреливать наших сестер.

Сегодня некоторые политические деятели пытаются доказать стране, что смерть бойцов группы антитеррора была бессмысленной. Конечно, звучит это не столь однозначно и обостренно, но смысл подобных речей предельно ясен.

Так вот, для них, тупых и продажных, чьи сестры еще живы, а отцы не согнулись в поклоне под автоматом чеченского бандита, хочу сказать — у

террористов мира не выпросишь. Запомните это, господа! Басаев еще на свободе.

«АТАКА ЗАХЛЕБНУЛАСЬ»

Теперь о пике буденновской операции — о штурме. Практически все, что было написано в прессе, рассказано нашим братом-журналистом. И потому, чтобы быть точным, я обратился к своим старым друзьям, бойцам антитеррора из легендарной группы «А». Чемпион России по стрельбе, отменный снайпер, майор Василий Денисов согласился прокомментировать мои соображения.

С чего же, собственно, начать? Видимо, с главного. Сдается мне, что до сих пор к нам так и не пришло сознание масштабности трагедии. История человечества не знает столь жестокого, мерзкого и кровавого акта. Подчеркиваю, с тех пор как земляне осознали себя людьми и ведут свое летосчисление, с Рождества Христова и задолго до него, мир не видел такого количества заложников, такого числа убитых, искалеченных, раненых ни в чем не повинных, мирных людей.

Да, во время войны тоже гибнут мирные люди. Вместе с военными. Вместе с теми, кто держит оружие и сам несет смерть. Еще не изобрели снаряды, которые убивают военных и щадят штатских.

Однако терроризм — явление в корне иное. Подлое, гнусное, трусливое, когда вооруженные бандиты, прикрываясь телами невинных жертв, требуют удовлетворения своих амбиций — политических, финансовых, уголовных.

Они всегда приходят как воры, с ножом за пазухой. Просчитывают и выбирают самый удобный момент, застав врасплох не воина, не бойца, а слабую женщину, больного старика, ребенка и просто обычного, мирного жителя.

В открытом бою этот «удобный момент» называют военной хитростью. И хочешь не хочешь, его по достоинству оценивает и друг, и враг. Но это в бою. А не в тервылазке, где изощренный способ прикрыться ребенком, женщиной — есть лишь глубина человеческой низости.

Басаев пытался не раз доказать всей стране, что он-де не террорист, то есть не садист, не убийца, а диверсант. Тогда что же ты делаешь, диверсант, вдалеке от фронта, среди рожениц и больных? Или с комкором Львом Рохлиным сражаться труднее и опаснее, чем с бабами и детишками? Там ведь могут и ответить пулей на пулю, смертью на смерть.

Нет, не диверсант ты, как и двести твоих приспешников, но террорист. И они — террористы.

Несколько лет назад, работая над книгой о группе антитеррора «Альфа», я написал, что захват автобуса с детьми в Орджоникидзе в 1988 году — самый бесчеловечный и изощренный способ захвата. И был уверен: худшего не узнаю. Узнал.

Якшиянц и его банда захватили тогда 30 детей-четвероклассников, водителя автобуса и учительницу, террористы во главе с Басаевым удерживали две тысячи заложников. И среди них в основном больные, роженицы, женщины с грудничками, дети, старики. Большого кошмара придумать нельзя! Во всяком случае, в мире пока не придумали.

Что и говорить, нам есть чем гордиться. Даже самые жестокие и бесчеловечные террористы — это наши террористы.

Басаев выдвинул «лихую» версию, якобы они ехали в Москву штурмовать Кремль. Не знаю, может, главарю банды и приходила в голову столь безумная мысль, но пока ясно одно — Буденновск был не случайным пунктом на пути движения террористов. Вполне возможно, что Басаев готовил одновременно несколько терактов, но первая пуля предназначалась именно этому городку. И вовсе не потому, что там дислоцировался вертолетный полк, экипажи которого время от времени вылетали в Чечню. А чеченцы, поди ж ты, решили отомстить.

Да, окажись басаевцы диверсантами, возможно, так бы они и поступили. Но они были террористами. Полк их не интересовал, химкомбинат — тоже. Им нужны были заложники.

Рассказывает сотрудник группы «А» майор В. Денисов:

— Больница — самый легкий объект для захвата. Образно говоря, для этого нужно три рогатки, а не две сотни автоматчиков.

В любом городе именно в больнице, как нигде еще, большое скопление людей. Их не надо собирать, сгонять, захватывать где-то на улице. Пришел и объявил заложниками. Кто находится в лечебном заведении? Больные. Значит, немощные, нетранспортабельные, то есть те, кто даже в удобный момент не сможет противостоять бандитам. Кроме того, в больнице всегда много женщин, детей. А тут еще и немалое родильное отделение.

Словом, буденновская больница была выгодным объектом для террористов.

И они использовали этот объект в своих целях. Помню свое первое впечатление, когда услышал о нападении чеченцев на больницу.

От сообщения к сообщению цифра заложников стремительно росла — восемьсот человек, тысяча, полторы тысячи... Невольно в памяти всплывали даты: 1981 год — в Сарапуле, в Удмуртии террористы захватили в заложники 25 школьников, в 1983-м в Тбилиси в самолете «Ту-134» было

57 пассажиров, в 1986-м в Уфе — 76 пассажиров на борту захваченного авиалайнера, в 1989-м в Саратове в заложниках семь человек и среди них один ребенок. А тут две тысячи, и никто не знает, сколько среди них детей, женщин...

Все, подумалось тогда, нет не только в России, но на всей матушке-планете силы, способной освободить этих несчастных.

Еще не было известно количество террористов, но всякий здравомыслящий человек понимал — сколько их там ни собралось, на каждого чеченца приходится по несколько наших баб да ребятишек. Значит, чтобы добраться до террориста, надо порешить (страшно подумать, не только сказать) и всех этих баб, и этих ребятишек. Кому же нужна такая победа? Ведь все эти вместе взятые бандюги не стоят слезы одного ребенка.

В те дни Отто Лацис в «Известиях» напишет: «Если бы он (Президент Борис Ельцин. — М. Б.) в Галифаксе попросил прямой помощи специалистов по борьбе с терроризмом, имеющих в других странах и осуществлявших подобные операции более успешно».

Не знаю, какие операции имел в виду господин Лацис, но подобных не осуществлял никто в мире.

Никогда прежде не было такого числа заложников.

Никогда не собиралось в единую банду такое количество террористов.

Никогда они не имели на руках такого сильного современного оружия (крупнокалиберные пулеметы, автоматы, снайперские винтовки, гранатометы, ручные гранаты), такого запаса боеприпасов.

Да, были у зарубежных «специалистов по борьбе с терроризмом» успешные операции. Известный штурм авиалайнера в аэропорту Могадишо, когда западногерманское спецподразделение ГСГ-9 освободило заложников всего за 7 секунд.

Уникальная операция, проведенная израильскими командос в аэропорту Антеббе (Уганда). Здесь был проделан большой комплекс мероприятий. В Уганду заброшена агентура для поддержания радиосвязи с израильской разведкой. С заложниками, которых отпустили террористы, тщательно работали сотрудники МОССАД.

Для прикрытия операции в ходе телефонных переговоров с Францией постоянно подчеркивалась мысль о намерениях Израиля вступить в переговоры с террористами. Предполагалось, что переговоры перехватываются бандитами.

В день операции израильские командос были доставлены из Тель-Авива в Кению. Ночью один из самолетов, оборудованный специальной

аппаратурой для подавления радарной системы аэропорта, приземлился в Антеббе. В ходе боя сотрудники группы антитеррора захватили терминал, в котором террористы удерживали заложников. Операция длилась 53 минуты вместо 55 по плану. Все террористы были убиты. Подразделение коммандос потеряло одного человека. Из 90 заложников погибло трое.

Однако вы чувствуете — там речь идет о десятках людей. У нас о тысячах.

Потому как там (возьмите любую цивилизованную страну) в принципе невозможно сформировать и обучить батальон террористов, да еще двинуть его с огромным запасом оружия и боеприпасов по территории государства на трех грузовиках и кустарно раскрашенной под милицескую машине.

И не только двинуть, но и дойти до цели и захватить немыслимое количество заложников. Так что вряд ли на просьбу о «прямой помощи» из-за «бугра» кто-либо откликнулся бы. Сдается мне, что России надо всегда рассчитывать только на себя. Кстати говоря, там, «за бугром», весьма высоко оценивают степень подготовки нашей группы «А», подразделения антитеррора, чудом уцелевшего после реформирований и «революционных разгонов» 1991 и 1993 годов. Да и вся ее история говорит о том, что «Альфа» в выучке и мастерстве не уступает ни западногерманской ГСГ-9, ни американской «Дельте», ни израильским коммандос.

Были и у нас блестяще проведенные операции. И среди них уфимская 1986 года, когда один из террористов был убит, другой ранен. Заложники не пострадали. Бакинская 1989 года — преступник обезврежен, пассажиры оказались на свободе.

А чего стоит освобождение сухумского изолятора, захваченного вооруженными преступниками в августе 1990 года? Так что есть и опыт, и умение. Кстати, за 25 лет существования группы «А» у них, в отличие от той же «Дельты» или ГСГ-9, не было провалов. От руки бойцов этого, без сомнения, уникального подразделения не погиб ни один заложник. Но это, как ни круги, история. А что случилось сегодня у стен буденновской больницы?

Блокировали район подразделения МВД и Министерства обороны. Были случаи, когда и блокирующие подразделения вступали в бой. Мне самому пришлось держать в руках письмо от жителей Буденновска на имя министра обороны. Они рассказывали, как храбро сражались с чеченскими снайперами, засевшими в домах, воины мотострелковой бригады, и просили поощрить отличившихся солдат и офицеров.

На штурм самой больницы шли два спецподразделения «Альфа» и «Вега». Атака «Веги» захлебнулась, однако в том не ее вина.

Рассказывает В. Денисов:

— У «Веги» была практически невыполнимая задача. Если бы они пошли до конца, то такого подразделения больше не существовало бы.

Им надо было пройти по совершенно открытому пространству метров сто пятьдесят. Место полностью простреливалось ДШК (крупнокалиберный пулемет. — Прим. автора), автоматчиками, гранатометчиками. Там танк пусти, и его бы подбили. А они ведь живые люди, не в броне.

Так что «Вега» пошла и атака сорвалась. Бойцы вернулись обратно.

Теперь вся надежда была на «Альфу». Но, в сущности, у них оказалась та же невыполнимая задача. Дело осложнялось еще и тем, что точно не удалось выяснить группировку террористов. Местная милиция давала информацию, что в больнице от 40 до 60 бандитов. Оказалось, 200-210 человек. На военном языке — батальон трехротного состава по 70 человек. Что же касается милицейской информации, то она оказалась полной «дезой». А ведь при штурме каждый ствол на счету. И ошибиться в три с лишним раза при определении противника — преступная авантюра.

Однако других данных, хотя бы самых приблизительных, никто сообщить не мог. Приходилось верить. Конечно, эти дни и ночи до штурма группа «А» не сидела сложа руки. Она собирала сведения о террористах. Ведь мало знать общую численность банды. А каково их вооружение, где располагаются снайперы, гнезда крупнокалиберных пулеметов, гранатометчики? Тут следует знать максимально реальную картину. А надеяться, как показала жизнь, можно только на себя.

Это там, в Америке, на «Дельту», когда она в деле, работают все мыслимые и немыслимые службы. Надо снимок из космоса? Пожалуйста. Карта, схема? Никаких проблем. А у нас, простите, штаб во главе с министром внутренних дел работал считай что вслепую, информацию от «Альфы» получали. А надо бы наоборот.

И тем не менее ко времени штурма данные о вооружении были достаточно полные. Ну разве что наблюдатели группы не

просчитали полуподвальные этажи, окна которых террористы превратили в ДОТы. Но они и не могли их просчитать. Ведь никто не проводил им экскурсию по больнице, а издалека что смогли увидеть — то смогли. Правда, некоторых террористов знали персонально, в лицо. И, думаю, из тех, кто остался в живых и скрывается ныне в Чечне — не забудут.

Итак, что же представляла буденновская больница накануне штурма?

Рассказывает В. Денисов:

— Больница, а теперь уже и не больница, а батальонный опорный пункт, это несколько корпусов. Террористы находились в главном корпусе, там располагались детское и родильное отделения.

Для совершения теракта она расположена в очень удобном месте. С тыльной стороны протекает река Сунжа, с другой стороны — тубдиспансер метрах в трехстах. Между диспансером и главным корпусом пространство как на ладони. Полностью простреливается.

С противоположной стороны тубдиспансера завод шампанских вин. Опять-таки между заводом и больницей двести метров открытое поле. И от фасада — сто тридцать метров — голь, глазу не за что зацепиться.

В общем, реально говоря, незамеченным подойти практически невозможно.

Получали мы информацию и ночью, и днем. Наши снайперы подбирались как можно ближе к больнице. Я сам лежал метрах в восьми-десяти. Рисковали? Да, но риск был оправдан.

С 14 июля, с того момента, как приехали, до штурма не спали ни одной ночи. Но выяснили расположения ДШК. Где, в каких окнах они могут появиться. Эти пулеметы-«крупняки» у чеченцев были на станинах и колесиках, при необходимости перемещались из комнаты в комнату. Но, как правило, работали в двух-трех окнах.

Разведали также, где находятся обычные пулеметы, где располагаются снайперы.

Однако и с самого начала, да и после всестороннего просчета ситуации стало ясно — штурмовать нельзя. Но текли часы,

Басаев на переговоры не шел, и по всему выходило — нельзя не штурмовать.

Сложно сказать, как было принято решение о штурме. Об этом достоверно знают три человека — Президент, премьер-министр и министр внутренних дел.

И потому гадать — дело пустое. Мы сегодня знаем, чем закончился переговорный процесс, предпринятый после огневого. Но никто не знает, какой бы исход имели переговоры, не будь того, ныне уже трижды проклятого, штурма.

Словом, решение на штурм было принято.

Было ли оно бессмысленным? Думаю, что нет.

Было ли оно бесцельным? Нет.

Но исходно оно было обречено на провал.

Да, командование «Альфы» и «Веги» высказало свое мнение. Каково оно было? Судите сами.

Привожу дословно отрывки из того документа, который лег на стол руководства операцией.

Оценка объектов воздействия:

1. Здание подготовлено к ведению обороны с использованием бытовых приборов и подручных средств.

2. На вероятных направлениях выдвижения штурмующих установлены пулеметные и снайперские позиции, отдельные участки заминированы, сосредоточены противопехотные и противотанковые средства.

3. Больница подготовлена к подрыву с помощью зарядов ВВ (тротилловые шашки), а также возможен подрыв кислородной секции, что может привести к значительному разрушению здания.

4. Наличие большого количества людей, превышающее санитарные нормы, увеличивает пожароопасность.

5. Большая концентрация людей в проходах, на межэтажных переходах значительно затрудняет движение штурмующих.

Возможный характер действий террористов:

1. Окажут сильное огневое сопротивление, что потребует применения «Шмелей», «Мух», подствольных гранатометов, крупнокалиберных пулеметов, пушек, БМП.

2. Осуществят подрыв зарядов ВВ: при подходе штурмующих, при проникновении штурмующих в здание.

3. Террористы на 1 этаже, скорее всего, окажут незначительное сопротивление, что позволит штурмующим достаточно быстро проникнуть

в здание. Затем террористы могут выброситься на улицу и одновременно подорвать здание. В дальнейшем с боем пробиваться в выгодном направлении.

4. Не взрывая здание, вести бой до конца.

5. Как маловероятный прогноз: с начала штурма сдаться.

Оценка возможных потерь среди заложников:

— от рук террористов — до 10%, от огневого воздействия штурмовой группы при позиции заложников как живого щита — до 10%; в ситуации «паника» — до 10%; в случае подрыва здания при использовании террористами взрывных устройств — до 10%; от огневого воздействия штурмующих — до 10%.

Итак, специалисты антитеррора прогнозировали тяжелейшие потери среди заложников — до 50 процентов. А среди штурмующих?

Расчет потерь был таким: в период сближения с объектом 32 процента, при входе на объект около 10 процентов и в период боя в здании до 30 процентов. Всего — 72 процента (!).

Это означало, по существу, гибель спецподразделения.

Однако события развивались таким образом, что переговоры позитивных результатов не дали, и после постоянных угроз со стороны террористов о расстреле заложников оперативным штабом было принято решение о проведении операции.

В 23.00 генерал-майор А.Гусев поставил боевые задачи руководителям отделов и отделений на проведение операции и довел порядок взаимодействия.

В 4.25 личный состав группы выдвинулся на позиции для выполнения поставленной задачи.

В 4.50 началась операция.

Рассказывает В. Денисов:

— После того, как прозвучал приказ о штурме, мы уже не рассуждали. Единственная цель была у ребят — как можно меньше потерь среди заложников. Хотя каждый профессионал понимал — их не избежать.

Так оно и вышло. Но по нашей вине не погиб ни один заложник. Готов это доказать перед любым судом.

Сразу хочу обратить внимание на одно обстоятельство, которое почему-то ускользает из поля зрения пишущих. До штурма Басаев

расстрелял пятерых заложников. Это потому, что ему вовремя не предоставили корреспондентов. Сколько убито милиционеров, летчиков? А как известно, у руководителя операции есть право — если опасность угрожает заложникам, немедленно отдавать приказ на проведение операции.

Так что если посмотреть с другой стороны — там убивают людей, а Ерин должен терпеливо ждать? Чего? Пока Басаев методично будет расстреливать заложников? Или, может, десяток-другой жертв маловато? Надо ждать, пока он прикончит пятьсот, тысячу... Станные рассуждения, не правда ли?

Правда. Я вспоминаю текст тележурналиста за кадром, а в кадре — убийца Басаев. Он медленно растягивает слова и говорит, что больше не убивает заложников. И комментатор вторит террористу: действительно, он не убивает. Он расстрелял только пятерых, да милиционеров, да летчиков.

Да еще несколько человек, добавляет сам Басаев, приبلудились, мол, шпионы под видом пьяных. А больше никого.

Про большее мы уже знаем сами: зверски убитые бабушки на рынке, девушки прямо на улице, мужчины в своих домах. Чего же еще ждать от террористов?

Нет, выходит, надо было ждать.

Рассказывает В. Денисов:

— На совести террористов более 130 жизней. О чем еще можно говорить? Где он был, наш правозащитник, 14-го, 15-го? Почему не приехал на переговоры? Ан нет. Легко после драки кулаками махать да обвинять.

Кстати говоря, когда заложники кричат о «конфетках чеченцев», их понять можно. Ведь кажется, всякая пуля оттуда летит в тебя. А ты мирный обыватель, ты хочешь жить. Ну мало ли кого вывели чеченцы... Мало ли, прошел слушок — убили, изнасиловали. Меня-то не убили, а ребенку еще и конфетку сунули.

Так вот, психология заложников понятна, но прессе-то зачем повторять, возводить в канон рассуждения психически надломленных людей.

Да будет известно всем: террористы разделили заложников надвое. Одних они и вправду не трогали и даже детей конфетками потчевали. Других пытали, убивали, насиловали...

Стоп! Знаю, найдутся люди, которые скажут, тут «Альфа» — организация заинтересованная и потому предвзятая.

Ну что ж, прервем пока сотрудника группы «А» и приведем слова самих заложников. Эти слова они мне лично не шептали на ухо. Их признания публиковались в центральных газетах.

Юрий Арзуманов, 41 год:

— Подходим к хирургии. Думаю, где же они хотят нас стрелять? Вот уже порог хирургического отделения. Стали по кучкам делить. По кучкам разделили... В этот момент их старший кричит:

— Есть милиционеры и военные? Доставайте документы.

Смотрю, один военный вышел, потом милиционер в форме и еще один без формы. Трое их было. Отдельно поставили. Мы как зашли, больше их не видели.

Провели нас на второй этаж, а там один из чеченов, хромой, узкоглазый, с костылем, самый вредный он был — мужиков загнал в одну комнату, на которой написано «Диетическое питание». Комнатка — пять на четыре. В этой комнате было сто тринадцать человек.

Уже можно понять, в какую «кучку» попал Юрий Арзуманов. К счастью, не вместе с летчиками и милиционерами, но, к несчастью, и не в ту, где кормили конфетками.

Что же было дальше? Рассказывает сам заложник:

«На вторые сутки, когда стрельба началась, они начали звереть. Хромой орал: если хоть на метр отойдешь, убью. И по пять-десять человек в окна выставляли, чтоб кричали.

Когда у меня уже не было сил кричать, этот хромой ударил меня прикладом в ухо. Я только увидел, что бьет, и потерял от удара сознание.

Во время штурма хромой нас поставил на расстрел, лицом к стенке. Всех, кто был в коридоре».

А вот совсем иные впечатления. Судя по всему, заложник из другой «кучки».

Николай Бригида, 68 лет:

— В воскресенье после обеда у нас концерт был. Чечены принесли гитару, и один сел на площадке, начал играть и петь песни Высоцкого. И голос похожий был. А потом лезгинку как начали выбивать! Воскресенье, понедельник все концерты давали.

А вот у буденновской бабушки, мимо дома которой проходили террористы, получился иной концерт, смертный.

Нурик, армянин, 24 года:

— Если кто из окон выглядывал, боевики прикладами стекла ломали, стреляли туда. Одна бабушка выглянула, ей рукой показали: давай, мол, иди сюда. Она показывает, нет, не выйду. Снайпер ее сразу убил, в голову.

Нурик был в числе тех, кто видел, как зверски убивали летчиков. Вот что он рассказал:

«А что касается расстрела военных... На моих глазах троих летчиков и двух милиционеров расстреляли. Их потом на носилках в морг, кажется, унесли. Их рядом так поставили и... Да какое там в голову! В голову, ноги, тело — очередями автоматов сплошное решето сделали. Их сразу человек по семь-восемь становилось, у каждого в магазине по сорок пять патронов, и они еще сорок шестой в затвор вставляли. И вот этот магазин полностью по людям...

На расстрелянных, я видел, рубашки как решето были. Бандиты боялись, сидели за дверями, а гражданские носили».

Заложнику Михаилу повезло больше, его не мучили, не били прикладами в ухо, он не стоял под дулом автомата и даже не видел расстрела со стороны. И у него иные чувства.

«Относились чечены к нам просто. Заложник? Сидишь и сиди. В туалет — по одному.

Приносили шоколадки, конфеты женщинам. Простить бандитов нельзя за то, что они женщинами прикрывались. Но я

их понимаю».

Видите, он их понимает. А вот 15-летняя Инна Кисленко, на глазах у которой умерла девочка, вряд ли поймет террористов.

«Утром они стали собираться, радостные такие, маски перед отъездом свои понадевали. А девушка их, Раиса, вообще плакать стала, мол, нам не хочется вас покидать, вы такие хорошие, мы тоже хотим мира... А там в полу, в каждой выемке кровь...»

Что тут еще добавлять? Для всех, кто наивно верует в «шоколадные конфетки террористов» и их разговоры о мире, пусть повторяют слова Инны Кисленко — «там в полу, в каждой выемке кровь...». Сильнее не скажешь. Это и есть истинный оскал террора.

КАК ОТПУСТИЛИ ТЕРРОРИСТОВ

22 июня 1995 года в Москве хоронили трех бойцов группы «А» — Владимира Соловова, Дмитрия Рябинкина и Дмитрия Бурляева. Хоронили тихо, без особых почестей. Героев посмертно не дали, хотя они настоящие герои. Телевидение показало короткий сюжет с похорон, на том все и затихло.

А мне почему-то вспомнилась Москва четырехлетней давности. Наплыв народа. Первые лица государства открывают траурный митинг. Столица склоняет знамена. Портреты в черных рамках на первых полосах газет. Телеочерки на телевидении. Трое погибших за демократию. Вне всякого сомнения, те парни шли на БМП с благими намерениями. Хотя БМП шли совсем в другую сторону. Так какой же подвиг совершили они?

Размышляя над этими фактами из нашей жизни, вспоминаю слова без сомнения великого писателя и демократа Владимира Максимова, сказанные им на исходе 1992 года:

«Мы находимся в состоянии общественной шизофрении». К этому могу лишь добавить, что болезнь крайне запущена.

Дабы подтвердить максимовский диагноз, расскажу о подвиге троих альфовцев во время штурма больницы. Ну а выводы, надеюсь, читатель сделает сам.

Итак, волей приказа «Альфа» была брошена на пулеметы.

Рассказывает сотрудник группы «А» майор В. Денисов:

— В районе морга, у гаражей одну из групп прижали к земле бешеным пулеметным огнем. Они залегли у маленькой стеночки, а крупнокалиберный пулемет прошивает ее насквозь. В группе уже четверо раненых. Батареи в станции садятся, и я еле слышу, как они просят о помощи.

Связываюсь с ними, спрашиваю — нужна ли помощь? Отвечают, что дело совсем худо.

А у нас обещанной «брони» нет, но выручать ребят надо. Посылаю вперед четверку своих снайперов. Они-то и успели пройти всего метров тридцать, как попали под пулеметный обстрел, а потом их накрыли из гранатомета. Поднялись после обстрела трое из четверых. Слышу: «Маяк-один» к «Маяку-

пять». Отвечаю: «Маяк-один, слушаю тебя» — «У меня нулевой».

Поначалу не поверил, помехи в эфире большие, переспросил. Они вновь дали подтверждение — у них погибший. Им оказался снайпер Дмитрий Бурляев.

Смертельное ранение Дима получил примерно такое же, как Геннадий Сергеев в девяносто третьем у Белого дома. Правда, рука была не задета, но пуля пробила легкое, сердце.

Лейтенант Дима Бурляев. Мне о нем рассказал «кадровик» управления «А» подполковник Александр Горбачев.

Дмитрий вырос в Москве, с детства мечтал попасть в «Альфу». Однако, как известно, зеленых юнцов в группу антитеррора не берут, и Бурляев, закончив среднюю школу, пошел работать электромонтажником. Потом срочная служба. После увольнения опять рабочий коллектив.

Только в 1991 году он был принят на службу в госбезопасность. Но пока не в группу «А», а в 7-е управление. В «семерке» служил хорошо, но постоянно «просился» в «Альфу». Через четыре года лейтенант Дмитрий Бурляев стал бойцом подразделения антитеррора.

В Буденновске снайпер Бурляев лично уничтожил несколько басаевских бандитов, прикрывал огнем выдвижение оперативной группы. Он погиб в снайперской дуэли с врагами.

Вторым погиб Дмитрий Рябинкин. Отличный парень, классный рукопашник. 24 года. Мужик смелый, рисковый.

Их группа прошла травматологический корпус, и там пулеметчик прижал их огнем. Еще несколько секунд и у морга были бы и раненые, а может, и убитые. Выручил Рябинкин. Он в кувырке уходит в сторону и с колена снимает пулеметчика. И уходит под здание.

А тут команда отходить. Ну, командир: Дима, оттягиваемся. Он, прикрывая ребят, привстал, и сразу же снайпер сверху, с третьего этажа, метров с тридцати убил его. Снайпера сняли, но Диму уже не вернешь.

Пуля террориста пробила каску. Мне кажется, что снайпер засек его с первой очереди и выжидал, выслеживал.

Вообще он как жил — горел, так и погиб, словно сгорел. Когда после боя мы пришли на место гибели, увидели: кровь превратилась в пепел.

Володя Соловов оказался третьим в этом ряду. Там, у гаража, плотность огня оказалась такой, что всякое живое должно было погибнуть. Шаг сделал из-за угла гаража. Игорь Зайцев — ранен. Его оттащили. И тем не менее трое ребят туда просочились. Как трудно представить. Фантастика!

Они втянулись в парк перед больницей и втроем вели бой против батальона боевиков. Парк, разумеется, насквозь простреливался. Пулеметы «рубili» не только ветви, но и деревья в 10— 15 сантиметров .

Спасла их небольшая земляная насыпь. Кто-то нарыл ее на наше счастье. Ребята залегли. Федора Литвинчука ранило в ногу. Володя ведет огонь и все время спрашивает: «Ты как, Федор?» Литвинчук держался, а потом «поплыл». Потеря крови. Соловов приказал третьему в их группе, Андрею Руденко, выносить Федора, а сам пошел вперед.

Представьте себе, он пошел один на басаевские пулеметы. Это подвиг? Да, подвиг, Володя жил и воевал под страшным огнем. Был ранен, но не отступил, двигался вперед. Ребята на связи слышали его слова: зацепило руку.

После ранения он продвинулся метров на двадцать — двадцать пять, залег за дерево; начал делать себе перевязку и был убит пулей в сердце. Его бронежилет оказался пробитым в нескольких местах.

Потом в дереве, за которым он лежал, как раз в том месте, где была голова Соловова, мы насчитали двадцать шесть пробоин. А дерево — не дуб, клен, по-моему».

К сказанному хочу лишь добавить, что бандиты мстили даже мертвым бойцам группы «А». Более суток террористы не давали вынести из-под обстрела тело майора Владимира Соловова. И только после жесткого давления руководства подразделения в том, что никакие переговоры не будут возобновлены, пока не дадут забрать тело, погибшего удалось эвакуировать.

Так погибли бойцы «Альфы». Еще несколько человек было тяжело ранено.

Рассказывает сотрудник группы «А» Александр Христофоров:

— Я шел в пятерке штурмующих, которая была от нашего отделения. Как обычно, отдан приказ, настроение у всех было не очень. Ведь задача, на мой взгляд, для спецподразделения нереальная.

Мы обошли хозблок и вышли к родильному отделению. Там одноэтажная пристройка столовой. С тыла нас никто не прикрывал, снайперов не было, совершенно открытое поле. Таким образом, путь отхода нам сразу отрезали. Хотя изначально никто отходить не собирался.

Войти внутрь мы могли только через одну дверь. Но дверь

двойная — деревянная и поверх металлическая решетка. Двери закрыты на замки изнутри и снаружи. Да еще внутри дверь охраняло двое террористов — мужчина и женщина. Они время от времени стреляли через дверь, подбадривая себя криками: «Аллах акбар!»

Так мы оказались в огненной ловушке. Сверху нас забросали гранатами. Были ранены старший группы Демин и Корольков.

Стали вызывать «броню». «Броня» долго не подходила. Наши товарищи, которые остались за хозблоком, попытались поставить дымовую завесу, но ветер был в другую сторону.

Поняли, что надо выходить самим. Сергея подняли: «Добежишь?» «Сейчас добегу. Потом — не знаю». Он был ранен в правый глаз осколком.

Приняли решение — бежим. Рванули через открытое пространство. Мелицкий шел первым. Я прикрывал на тот случай, если он споткнется, упадет.

Где-то в метре от хозблока он поскользнулся, упал, и пуля достала его в ногу. Очередью достало и меня. Потом ребята говорили, что по нас вели огонь сразу пять-шесть огневых точек.

Я почувствовал сильный удар в спину, с ног свалило, и тут же ранение в руку, в ногу. Успел откатиться, ребята подобрали, перебинтовали, сделал укол и потерял сознание. Был сильный шок. Ранеными оказались все.

Вышли к машине «Скорой помощи», довели до поликлиники, до операционной дошел сам и отключился. Пришел в себя уже в Зеленокумске, после операции. Помню: то жарко, то холодно. Оказалось — у меня пулевое ранение груди, контузия руки, ранение правой стопы.

Уже в Зеленокумске узнал подробности, сколько ребят погибло, сколько ранено, чем все закончилось. Узнал, что Басаева отпустили.

По существу сотрудники группы оказались смертниками. «Альфа» и «Вега» вместе взятые по количеству штыков, как говорят военные, оказались равны батальону Басаева. Но террористы засели в обороне, за кирпичными стенами да за спинами русских баб и детишек. Если представить себе, что в больнице нет ни одного заложника, а лишь батальон террористов с пулеметами, гранатами и автоматами, это означает необходимость проведения войсковой операции. Из расчета 3:1

командующий операцией вынужден был бы бросить в бой как минимум 600-800 человек, то есть полнокровный полк. Со всей техникой, вооружением, батальонной артиллерией. Но даже в этом случае перед атакой по всем канонам военной науки он был обязан провести артподготовку, а по возможности, вызвать авиацию.

Иначе бы его солдаты — кандидаты в покойники, а полк, если бы и одержал победу, перестал бы существовать как боевая единица. В истории военного искусства эта победа носит название пирровой.

А теперь представьте, нет ни полка, ни одного-единственного бронетранспортера, броней которого можно хоть как-то прикрыться. Что такое артподготовка, в спецподразделении слышали, но применять не приходилось. Группе «А» артиллерия ни к чему, высшая мера мастерства и доблести — жизнь заложника. Жив он, родимый, — сработано на пять, мертв — считай, полный провал.

Сегодня тот штурм называют провалом. А на каком, собственно, основании?

Группе «А» на первом этапе операции приказали выйти к больнице. Она вышла. Да, потеряла троих бойцов. А кто сказал, что при таком бешеном пулеметно-гранатометном огне мог бы сделать то же самое без потерь? Пока, насколько известно, никто из наших, да и из зарубежных «спецов» подобных заявлений не делал.

Но это что касается непосредственно штурма, если же говорить об операции в целом, она действительно завершилась провалом. Да, заложники были освобождены, но террористы ушли невредимыми. Конечно, за исключением тех, которых прикончили снайперы «Альфы». На день отъезда бандитов из Буденновска насчитали 21 труп. Да еще несколько десятков раненых, в основном в грудь или голову. Многие из них, как констатировали врачи, делавшие им перевязки, не жильцы. И верно, по агентурным данным ФСБ, на конец июля 1995 года в банде Басаева от ран скончалось 58 человек. Остальные живы и вполне здоровы. А это значит, впереди новые теракты, вне зависимости от войны или мира.

Во всем мире человек, совершивший теракт, подлежит длительной изоляции от общества или уничтожению. Жестоко? Возможно. Но общество должно эффективно защищаться от «чумы века». Иначе миром будет править террор. Как правил он огромной Россией во время буденновской трагедии.

В те дни пресса умиленно писала о том, какой беспрецедентный шаг совершил премьер Виктор Черномырдин.

Сам взялся за трубку, вел переговоры и руководил освобождением

заложников. Думаю, что именно в этот момент Виктор Степанович принял единственно верное и мужественное решение. Иного было просто не дано.

И по-человечески он достоин восхищения. Верно подметили наши газеты — случай беспрецедентный. Сам премьер, под «пристальным взглядом» камер, на весь мир... и впервые в мире. А почему, собственно, впервые в мире? Неужто другие президенты и премьеры меньше любят свой народ или не заботятся о собственном политическом имидже? В эти же дни в Японии, как специально, террорист захватил самолет с пассажирами. Однако японский премьер почему-то не схватился за трубку и не согласился удовлетворить все требования бандита. Да, кабинет министров беспрерывно заседал, держал под контролем ситуацию, делал все нужное и возможное для спасения заложников, но непосредственные переговоры вели другие. Кто? Профессионалы.

Сегодня терроризм столь изощрен и высокопрофессионален, что противостоять ему могут только профессионалы, долгие годы занимающиеся этими проблемами.

Может ли претендовать на это звание Виктор Степанович? При всем глубоком уважении к нему должен сказать — нет. Он впервые взялся за весьма необычное и сложное дело. Да, он спас заложников. Честь ему и слава! Но он отпустил террористов на все четыре стороны. Можно ли обвинять его за это? Вряд ли. Чтобы решить тяжелейшую двудеиную задачу, нужен опыт, специальные знания, умение переиграть террористов. Но для этого у премьера не было ни времени, ни сил.

Однако дело не только в непрофессионализме председателя правительства. В конечном итоге ему и не надо быть «спецом антитеррора».

Сложность в другом. Вступая в прямой контакт с бандитами, первое лицо государства (им и был Черномырдин в связи с отъездом Ельцина в Галифакс) теряет возможность всякого маневра. Он уже не может сослаться на вышестоящую инстанцию, взять паузу для переговоров с Кремлем, сослаться на отказ последних. Он сам Кремль.

Хочу напомнить: террорист Якшиянц, захвативший автобус с детьми, требовал к себе в качестве заложника жену Михаила Горбачева, Раису Максимовну. Теперь представьте на месте командира группы «А» генерала Геннадия Зайцева, который вел трудный диалог с главарем банды, самого Горбачева. Как бы он выкрутился в этой ситуации, на кого сослался?

Таковыми же безумными выглядели и предложения немедленно прибыть в Буденновск и вступить в переговоры с Басаевым Президенту Б. Ельцину или премьеру В. Черномырдину. Не хватало еще, чтобы первые лица

государства оказались в заложниках у бандитов. Ведь такой случай в прежней практике террориста Басаева уже был, когда местное руководство, прибывшее на переговоры, оказалось захваченным бандитами.

Теперь представьте себе ужас случившегося — в руках террористов огромная страна с ядерным оружием. Кому и какие требования предъявили бы чеченские бандиты на сей раз? Думаю, хватило бы головной боли и мировому сообществу.

Что ж, все верно. Но возникает вопрос — кто должен делать эту работу? Вести переговоры, вызволять заложников?

Об этом как раз и следовало позаботиться тем, кому пришлось брать трубку и выходить на связь с террористом. Позаботиться заранее. Увы! После событий 1993 года у нас в стране, именующей себя великой, по существу осталось два подразделения антитеррора. Чудом уцелевшие группы «А» и «Вымпел». Парадокс. Задолго до буденновских событий в своей книге о группе «Альфа» я писал о необходимости создания единого центра антитеррора. Еще раньше в письме к Президенту к этому зывали сотрудники подразделения. И лишь после страшной трагедии, сотен смертей о центре вспомнил сам Борис Ельцин.

Как раз-таки в нем и должны быть специалисты-психологи по переговорам с террористами. Спросите, откуда их взять? Готовить. На первых порах можно использовать опыт сотрудников группы «А», того же генерала Геннадия Зайцева, который провел в «задушевных» беседах с террористами не один десяток часов. И поверьте, знает, как это делается. Другого пути у нас просто нет.

Надо твердо усвоить: нельзя, более того, преступно становиться на колени перед террористами и соглашаться на все их условия. Если принять соглашательскую тактику — вовсе не нужны никакие спецподразделения. Но тогда невольно возникает вопрос — в каком государстве мы окажемся?

А пока, как ни прискорбно, следует признать — Басаева мы просто выпустили на свободу. И выпустили не один раз и не только в Буденновске. Попросту закрыли глаза на прежние его теракты — захват самолета, автобуса. В прессе мелькают сообщения, якобы наши органы обучали Басаева и его абхазский батальон. Если это так, на кого сетовать: собственными руками умело и тщательно готовили себе убийц.

Но апофеозом прощения убийц стал, конечно, Буденновск. До последнего басаевского шага, когда он растворился в ночи, не мог поверить, что мы отпустим садистов, проливших море крови, убивших несколько десятков наших соотечественников. Не могу поверить и до сих пор. Ведь это надругательство над памятью невинно погибших.

Была ли возможность уничтожить бандитов? Была. Стопроцентная. Длинная дорога, большое количество остановок, немалый опыт штурма автобусов, когда уничтожали всех бандитов и оставались живы заложники. Но самое непонятное в другом. В данном случае и автобусы штурмовать надобности не было. На остановке все пили из одного ведра. На эту возможность обратил внимание человек, весьма далекий от хитростей специальных служб, корреспондент «Известий», который хлебал водичку вместе с террористами и позже выразил свое недоумение на страницах газеты.

Но создавалось такое впечатление, что у нас вообще отсутствуют спецслужбы. Нет, на самом деле они присутствовали и даже были готовы предпринять действия. Тогда почему не предприняли? Я не один месяц пытался добиться ответа на этот весьма щекотливый вопрос в различных высших инстанциях наших спецслужб.

Ответ оказался не так уж сложен. Он напрямую связан с личным участием в переговорах премьера. Ведь глава государства лично дал гарантии безопасности террористам. Что ж, в этот момент верно поступил, иначе они не отпустили бы заложников.

Но, как считает, к примеру, генерал Рафаэл Эйтан, бывший начальник Генштаба армии Израиля, специалист по борьбе с терроризмом, даже если с бандитами и пришлось заключить какое-то соглашение, его не следует «благородно» выполнять.

При первом удобном случае их надо уничтожить.

У нас таких удобных случаев было предостаточно. Однако теперь все смотрели на премьера. Черномырдин «благородно» молчал.

Перед уходом в отставку тогдашний директор ФСБ Степашин заявил: мы достанем Басаева и его террористов. Думаю, что это святая обязанность не только спецслужб, но всего государства российского.

ГОД 1995. СПЕЦОПЕРАЦИЯ У ВОРОТ КРЕМЛЯ

Откровенно говоря, нас и вправду трудно понять. Почему террористический акт у шведского посольства 1 декабря 1997 года «жевался» прессой несколько недель, раскладывался «по косточкам» ход операции, на взгляд журналистов, характерные ошибки сотрудников спецподразделения, по компетентному мнению журналистов, догадки, сплетни, выводы? А вот другой инцидент с захватом автобуса с корейскими туристами на Васильевском спуске в Москве прошел как бы незамеченным. Нельзя сказать, что эта операция группы «А» совсем не имела прессы. Публикации в газетах, сюжеты на ТВ были небольшие, нечастые, а вскоре и вовсе сошли на нет.

А ведь операция была не простая, по-своему уникальная. Во-первых, события происходили в центре столицы, на излюбленном Васильевском спуске. До Кремля, что называется, рукой подать. Кстати говоря, снайперы «Альфы» и сидели на кремлевских башнях во время проведения операции.

Во-вторых, не так часто у нас, да и в любой другой стране, захватывают автобусы с иностранцами. Тут уж как ни крути, на весах не только жизни людей, но и престиж государства, столицы.

В-третьих, этот захват, образно говоря, «поставил на уши» всю Южную Корею, ибо ничего даже близко подобного в их стране не происходило. Потом, когда делегацию сотрудников группы «А» пригласят посетить Южную Корею, им расскажут, что за всю современную историю у них было, кажется, два террористических акта: один захват с ножом, другой — с пистолетом. Вот и все. А тут в России в центре Москвы захвачены сразу 28 граждан их страны.

О важности операции говорил даже состав оперативного штаба во главе с директором ФСБ Михаилом Барсуковым. В него вошли мэр Москвы Лужков, начальник Главного управления охраны Крапивин, начальник антитеррористического центра Зорин, заместитель начальника управления ФСБ по Москве и Московской области Трофимов, начальник ГУВД столицы Куликов, представители службы безопасности Президента, прокуратуры, Минобороны Российской Федерации.

Это был тот нечастый случай, когда члены штаба работали слаженно и обеспечили успешные действия группы антитеррора.

Бойцы «Альфы» до сих пор с благодарностью вспоминают помощь мэра Юрия Лужкова.

Вот как об этом рассказывает сотрудник подразделения Василий Верещак:

— В операции был один нюанс — присутствие мэра Юрия Лужкова. Я, признаться, впервые видел его в деле. Деятельный человек, активнейший. Террорист требовал 10 миллионов долларов. Так вот Лужков моментально нашел деньги. Он вызвал банкиров и встряхнул их так, что сразу появились мешки с валютой.

При всей мощи ФСБ, ГУВД мы не могли найти однотипный автобус. Подчеркиваю, не похожий, а однотипный.

Автобус-то был непростой — «Мерседес» турецкого производства. А он имеет большие особенности и отличия. Например, там не просто боковые стекла — триплексы стоят мощные. Их трудно разбить.

Потом, система открывания дверей совсем другая, непривычная. Словом, особенностей много. Крайне был необходим автобус для тренировки.

Команда Лужкова — и над мостом стоит такой же автобус. Более того, Юрий Михайлович разрешил нам потренироваться «по-боевому», то есть не жалея автобуса. Ну и мы не подвели.

Итак, вернемся к началу операции. От сотрудников МВД была получена первичная информация: террорист, вооруженный пистолетом и взрывным устройством, удерживает на мосту в экскурсионном автобусе «Мерседес» в качестве заложников корейских туристов, водителя и переводчика. Он требует предоставления 10 миллионов долларов США, транспорт и возможность вылета из Москвы на самолете. Пункт назначения не назывался.

В случае невыполнения требований преступник угрожал взрывом одного из аэропортов столицы, где, по его словам, находился брат, имеющий мощное взрывное устройство.

Переговоры с террористом через водителя автобуса вели сотрудник МВД Ю.Семенов и боец группы «А» капитан И.Мирошниченко.

Исходя из сложившейся ситуации, сотрудниками спецподразделения антитеррора «Альфа» была проведена рекогносцировка, намечены варианты действий, организовано снайперское прикрытие. Сформированы

две группы прикрытия во главе с подполковником В.Демидкиным и старшим лейтенантом О.Поповым.

Определены также маршруты выдвижения групп захвата и порядок действий во время штурма и освобождения заложников.

О террористе практически ничего не было известно.

Поначалу предполагалось в ходе переговоров заставить террориста выглянуть в окно и поразить его снайперским огнем с одновременным проведением штурма силами группы захвата. В 20 часов сотрудники групп уже заняли исходные позиции для проведения операции.

Однако бандит оказался не прост. Он проявлял максимальную осторожность, прятался за сиденьями автобуса, в оконных проемах не появлялся. Более того, заставил водителя переместить автобус на 20 метров вперед.

Все это требовало внести коррективы в первоначальный план.

Тем временем переговоры с террористом продолжались. Около 22 часов он освободил всех удерживаемых женщин и трех мужчин. Бандит уменьшил сумму требуемых денег до 1 млн. долларов и потребовал радиостанцию для связи со штабом.

В 22.30 через водителя автобуса были переданы 470 тысяч долларов с условием освобождения еще нескольких заложников. Через десять минут заложники были выпущены на свободу.

Они рассказали, что террорист — примерно сорокалетний мужчина, высокого роста, крепкого телосложения, одет в черную кожаную куртку, светлую рубашку и темные брюки. На голове — спортивная шапочка, закрывающая все лицо, с прорезью для глаз.

Вооружен пистолетом, предположительно системы Макарова.

В левой руке — сумка, в которой, по словам террориста, находится взрывное устройство. Бандит располагается в передней части автобуса, у второго-третьего ряда кресел.

Это была важная информация, однако оставались неразгаданными еще много вопросов. И в первую очередь, сумка террориста. Действительно ли там было взрывное устройство или преступник блефовал?

Тем временем террорист выдвинул новые требования: предоставить всю сумму, легковую автомашину без водителя и возможность беспрепятственного переезда в аэропорт Домодедово.

Штаб тут же отреагировал. Было принято решение предоставить автомобиль и во время пересадки захватить преступника. Выполнить эту задачу должны были капитан Ю.Торшин и старший лейтенант Ю.Полищук.

В 23.30 террористу подогнали автомобиль «Волга». Он заставил

водителя автобуса осмотреть машину и отказался пересест в нее. Террористу не понравилось, что «Волга» оснащена радиостанцией.

Вскоре ему были предоставлены «Жигули». Но террорист не пересел и в эту машину до получения всей суммы денег.

На сей раз решали осуществить захват бандита в момент передачи денег.

В 2.00 15 октября группы захвата начали выдвижение на исходные позиции. Следовало действовать с особой осторожностью, ибо стало известно, что террорист обладает настоящим взрывным устройством.

Вспоминает сотрудник группы «А» Василий Верещак:

— Террорист бросил фразу, обращаясь к водителю: мол, поедем осторожно, там притормози, иначе эта штука взорвется. Это, с одной стороны, осложнило нашу работу, с другой — внесло ясность. Бандит не блефует, у него настоящее взрывное устройство.

Слету действовать было нельзя. Поэтому долго просчитывали варианты. Сейчас встречаемся с некоторыми спецами, они говорят: там проблем не было, подумаешь. Проблемы были. К тому же мы находились не только под прицелом террориста, но и под прицелом телекамер. Понимали: любая ошибка будет потом транслироваться на весь мир.

Но ошибок не было. В 2.38 по команде руководителя операции директора ФСБ Михаила Барсукова сотрудник группы «А» капитан И.Мирошниченко при передаче денег бросил световую гранату в окно автобуса. Взрыв гранаты стал сигналом к штурму.

Группа захвата во главе с капитаном Ю.Торшиным через разбитое окно и разблокированную дверь проникла в салон автобуса. Одновременно к левому борту подошла автомашина «ЗИЛ-130» и группа В.Демидкина из кузова машины ворвалась в автобус.

Террорист открыл огонь из пистолета. В перестрелке он был убит. Заложники эвакуированы. Деньги возвращены.

Южная Корея ликовала. По телевидению, на всех программах показывали московский сюжет: группа «Альфа» штурмует автобус. Популярность нашего спецподразделения была столь велика, что через несколько месяцев в Корее их узнавали на улицах и восторженно кричали: «Альфа»! «Альфа»!

Своими впечатлениями от поездки в Южную Корею делится Василий Верещак:

— Признаться, мы не ожидали, насколько мощная пропагандистская кампания была развернута. Какое важное значение они придавали тому, что мы рисковали жизнью, спасая корейских рабочих. Насколько внимательно они относились к этой операции. Сюжеты по телевидению, статьи в прессе, теплый прием, восторг при встречах на улице. Это, признаться, приятно.

Ну а культурная программа вообще потрясающая!..

Однако корейцы организовали нашим спецназовцам не только культурную программу и отдых, но и впервые допустили на свою базу, где размещается корпус быстрого реагирования. В состав корпуса входит полк специального назначения. А в полку — отряд «47» . Это и есть южнокорейская «Альфа».

В истории «сорок седьмого» отряда не было ничего подобного московской операции, и потому бойцы корейского спецназа с уважением смотрели на своих российских коллег.

В свою очередь учебно-тренировочный комплекс корейцев потряс наших ребят. Несмотря на то что они стеснены океаном, на учете каждый метр земли, государство построило своим спецназовцам прекрасный полигон. «Там есть все, — говорили мне „альфовцы“, — стадион, беговые дорожки, бассейн. Тут же стоят самолеты, вагоны, автобусы, автомобили. Их штурмуют, отрабатывают приемы.

Рядом поля для минновзрывной подготовки, горный полигон, где совершенствуются альпинисты.

А многоуровневое стрельбище, с большой глубиной. Ведь у нас стрельбища короткие, а там... Раздолье для снайперов.

Тут же вертолетные площадки. Спецназ отсюда улетает на задание, сюда же возвращается. Даже в административном здании и то идет боевая учеба.

Внизу — тир. Три направления стрельбы. Программно обеспечивается, идет автоматическая обработка результатов, сразу же ясна эффективность огня.

И все-таки в той корейской поездке была светлая страница. Какая, спросите вы? О ней мне рассказали сами сотрудники «Альфы». Операцию группы «А» на Васильевском спуске в Москве бойцы корейского отряда

«47» изучают в записи по секундам, по жестам, по движениям. Изучают тщательно и кропотливо. Думаю, им есть чему поучиться!

ГОД 1996. КОРМИ СОЛДАТА ТЫСЯЧУ ДНЕЙ...

Древний и мудрый Сунь Цзы советовал: «Корми солдат тысячу дней, чтобы использовать один час в нужное время и в нужном месте».

Этот час пришел в Кизляре и в Первомайском. Страна устала от угроз и кровавых дел чеченских террористов. Все надеялись на победу. Напрочь забыв накормить и обучить солдата.

Теперь кричат: кто виноват? Бездарные генералы или даровитые террористы? Полноте убеждать себя, что во всех наших военных бедах виноваты генералы да полковники.

Кто оплевывал и уничтожал армию безденежьем, бездумными сокращениями, безумной конверсией? Кто орал с парламентских трибун о том, что «черного кобеля» КГБ не отмыть и потому его надо убить?

Оказывается, виноваты не они, кто под видом священной войны с тоталитаризмом разваливал армию и спецслужбы. Но тогда кто? Пока мы не ответим на этот вопрос, нас так и будут держать за глотку кровавые пальцы басаевых. Нам не видеть побед в борьбе с террором. Нам не суметь защитить своих граждан на своей земле. Ведь залог этих побед в мудром совете Сунь Цзы: корми солдата тысячу дней...

...А теперь возвратимся в Первомайское.

Из служебного отчета группы «А»

«По первичной информации группа боевиков в количестве 300 человек, вооруженная стрелковым оружием, ведя огонь по мирным жителям, захватила в качестве заложников около 350 человек в больнице Кизляра республики Дагестан. Одновременно боевиками была атакована вертолетная площадка г. Кизляра, в результате чего уничтожено 2 вертолета и топливозаправщик, также захвачен жилой дом.

В 11.30 сто двадцать сотрудников во главе с генерал-майором Гусевым А.В., имея при себе оружие, специальные средства и средства защиты, экипировку, необходимые для выполнения задач по освобождению заложников, выехали на аэродром Чкаловский.

12.00. Личный состав прибыл в аэропорт и в 13.00 на двух

самолетах «Ту-154» спецрейсом вылетел в Махачкалу. В 15.30 и 17.00 самолеты совершили посадку в аэропорту Махачкалы.

В 20.00 личный состав на автотранспорте прибыл в управление ФСБ г. Махачкалы, где начальник антитеррористического Центра ФСБ России генерал-полковник Зорин В.Н. довел оперативную обстановку на текущий момент.

В 1.20 10 января по прибытии двух БТРов колонна начала движение в г. Кизляр, куда прибыла в 5.30».

Что же увидели бойцы «Альфы» в Кизляре? По существу, они увидели хвост колонны с террористами и заложниками, которая покидала город. К этому времени руководство Дагестана приняло решение выпустить чеченских бандитов из городской больницы и обеспечить им беспрепятственный проезд до границы Чечни. Террористы обещали освободить заложников на границе.

В 6.40 колонна террористов на 9 автобусах, двух машинах «КамАЗ» и двух машинах «Скорой помощи» начала движение. Кизлярская больница осталась заминированной.

Началось преследование. Первоначально планировалось провести операцию на маршруте: заблокировать колонну и освободить заложников. Хотя, признаться, в этом варианте был немалый риск. В заложники пошли некоторые высокопоставленные чиновники, депутаты Дагестана, да и колонна — 9 автобусов. Представьте себе гибель хоть кого-то из заложников. А она была бы неизбежна, поскольку террорист не один и не двое, и вооружены они не ружьями, а автоматами, пулеметами, гранатометами.

Теперь «наложите» эти события на ту военную, кровопролитную, напряженную обстановку на Кавказе, и вы поймете, какие сомнения терзали руководителей операции.

Словом, Радиева и его террористов на маршруте не остановили, не блокировали. Он благополучно дошел до Первомайского, разоружил блок-пост новосибирских омоновцев, которые безропотно подняли руки, пополнил число заложников и свой арсенал.

Из служебного отчета группы «А»

В ходе дальнейших переговоров командир боевиков Радиев выдвинул требования предоставить возможность для прохода колонны на территорию Чечни, где обещал выпустить заложников. В связи с этим штабом управления «А» был

разработан вариант проведения операции по освобождению заложников на маршруте движения.

План операции предусматривал блокирование колонны бронетехникой, уничтожение террористов снайперским огнем и подрыв автомашин «КамАЗ», груженных оружием и боеприпасами, склонение террористов к сдаче оружия и освобождению заложников.

Сотрудниками управления «А» была проведена рекогносцировка местности и подобраны возможные места проведения операции. Подразделению была поставлена боевая задача и отработана схема связи и взаимодействия, произведен расчет сил и средств».

Однако усилия командиров и бойцов спецподразделения оказались напрасными. Радуев отказался от выдвинутых требований, остался в Первомайском и начал оборудование огневых позиций. Надо сказать, что это был сильный ход бандитов. Теперь операция из специальной — по освобождению заложников и уничтожению террористов — превращалась в войсковую. Или скорее в специальную — чекистско-войсковую. Кстати, по этому поводу у специалистов и до сих пор нет единого мнения.

Министерство обороны считает операцию в Первомайском специальной, а Федеральная Служба Безопасности — общевойсковой. Кто тут прав, кто виноват?

Поскольку взяты в плен заложники, террористы выдвинули требования и расстреляли некоторых захваченных, налицо все составляющие для проведения операции антитеррора.

Но террористов не один-два и даже не десяток-другой, а более трехсот штыков. На вооружении у них минометы, гранатометы, крупнокалиберные пулеметы, автоматы, снайперские винтовки. Они вырыли окопы полного профиля, создали укрепленный район обороны, по всем правилам военной науки, с передовыми и отсечными позициями, с ходами сообщения и даже перекрытыми щелями. Спросите любого мало-мальски понимающего в военном деле человека: что это? Это не что иное, как мотострелковый батальон в обороне. А поскольку окопался батальон не в чистом поле, а в достаточно большом селе, то для наступающих это еще и штурм населенного пункта. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что за последствия? Они могут быть весьма плачевными, ежели не исполнить несколько «если».

Если не провести артподготовку и не подавить огневые средства

противника, если не создать, как минимум, трехкратный (в годы Великой Отечественной войны создавался и пяти — и десятикратный) перевес сил, если бросить на штурм неподготовленных солдат и офицеров, если... Впрочем, и этого, думается, достаточно. В этом случае попросту погибнут люди, которые идут на приступ, и атака захлебнется.

Что, собственно, и произошло. Артподготовки по большому счету не было. Обстрел из нескольких противотанковых орудий, пожалуй, больше смахивал на психологическое давление, чем на реальное уничтожение огневых точек.

Ничего себе давление... Палили из пушек, разрушили село. Да, и палили, и разрушили. Это все видели на экранах телевизоров. Но вот боевикам, зарывшимся в землю, пальба нанесла мало вреда. Когда после обстрела первые подразделения двинулись на штурм, террористы встретили их ураганным огнем. Дагестанский ОМОН сразу потерял несколько человек убитыми, ранеными и отступил.

По законам тактики это означало лишь одно — передний край обороны противника оказался не подавленным, бандиты сохранили свои огневые средства, и всякого, кто попытается броситься вперед, ждет смерть.

Из служебного отчета группы «А»

«15 января в 8.30 личный состав управления занял исходные позиции. После нанесения огневого удара авиацией и вертолетами боевые группы в составе отделов, выставив передовой дозор, во взаимодействии с подразделением „Витязь“ вступили в бой с чеченскими боевиками и продвинулись в „квадрат четыре“ на юго-восточной окраине поселка Первомайское.

В ходе боевых действий 15-18 января сотрудники управления выявляли, уничтожали огневые точки боевиков, осуществляли огневое прикрытие подразделений МВД, оказывали медицинскую помощь, эвакуировали раненых с поля боя».

За этими скупыми строками отчета кроется многое. Например, вывод из-под огня бойцов отряда «Витязь», которые оказались по сути в огневом мешке. Им помогли сотрудники группы «А».

На войне, когда захлебывалась атака, подтягивали артиллерию и вновь начинали «обрабатывать» передний край. По возможности, вызывали

авиацию и наносили бомбовый удар. Или был еще один вариант: наступающие войска обходили очаг сопротивления и двигались вперед.

Такого варианта у «федералов» не было, как, впрочем, не было никакого другого. Возобновить артподготовку не могли, так как уже с первых оружейных залпов поднялся вой: губят заложников.

Выходит, оставалось одно: погубить наши спецподразделения — «Альфу», «Вегу», «Витязь», бросив их под кинжальный огонь бандитов.

Я часто думаю о страшной дилемме: да, государство должно, обязано спасти жизни заложников. Но какова цена этого спасения?

В последнее время мы часто смотрим на проблему глазами захваченного в плен безоружного человека. Горькая, унижительная роль смертника, к тому же ни в чем не повинного. Но сколь унижен и раздавлен профессионал, бессильный в своем главном деле — освобождении пленников и наказании бандитов. Что мог боец «Альфы» в Первомайском? Даже самый опытный, первоклассный боец. Подняться во весь рост в атаку и героически погибнуть? Но это, по меньшей мере, глупость. Хотя и такого хватает на войне.

Не погибнуть самому, спасти как можно большее число заложников, уничтожить террористов — вот триединая задача специальных подразделений.

Бойцы группы «А» с успехом умеют штурмовать захваченные автобусы, самолеты, дома, в которых засели террористы, но не научены ходить в цепи и не сильны в общевойсковой тактике. Не их это дело. Но тогда чье? Мотострелков, артиллеристов, танкистов...

«Приехали, — скажут мои оппоненты. — Восемнадцатилетних, необстрелянных, необученных мальчишек бросить в огонь, а отменные стрелки, спортсмены, опытные бойцы, побывавшие не в одной переделке, останутся в стороне».

Вот тут и возникает главный вопрос, с которого я начал свои размышления и который лежит в основе всех наших поражений последнего времени — почему солдат российских вооруженных сил необстрелян, необучен, плохо экипирован, а то еще и голоден?

Все это, кстати говоря, присутствовало в Первомайском. И водители, которые совершили свой первый марш на БМП, и многодневный холод, и отсутствие элементарных условий жизни.

Мне рассказывали сотрудники группы «А», как просились к ним в автобусы на ночь замерзающие российские солдаты. «Альфовцы» и рады бы пустить, да сами спали сидя, считай, на коленях друг у друга. А наше телевидение все долдонило: оцепление, кольцо, блокирование. Забывая, что

за каждым словом — люди. Сколько дней и ночей без сна и отдыха можно «блокировать» боевиков, сидя в окопе или в зимнем поле? Учитывая, что боевики грелись в это время в домах Первомайского.

Теперь многие с удивлением задают вопрос: как ускользнул Радуев? Да так и ускользнул, прорываясь с боями. Потому что, по большому счету, не было там никакого кольца. И не то что внешнего и внутреннего, а даже обычного окружения. Ну, разве что «островки» обороны, один из которых обороняли три десятка армейских спецназовцев. Горстка бойцов, на которую вышла радуевская банда. Они и перебили основную массу террористов, подпустив их почти вплотную. Однако помните, сколько было у Радуева людей — более трех сотен. Так что перевес почти в десять раз. Эти российские ребята-спецназовцы, несомненно, герои. Они почти все ранены, есть и погибшие.

Как это было — мало кому известно. Их вообще осталось немного после того боя — спецназовцев 22-й бригады. Кто уволился в запас, кто уехал в другие города, военные округа. Через два года после тех событий мне с трудом удалось найти нескольких героев. Вот как рассказывает о том страшном бое один из них:

«Нас в очередной раз подставили. В прессе тогда писали — три кольца окружения, снайперы. Все это ерунда. Никаких колец там не было. Ребята из нашей 22-й бригады специального назначения и приняли удар.

Плотность фронта была 46 человек на полтора километра. Представляете! По всем нормативам превышение протяженности на каждого бойца в три раза. А вооружение — только стрелковое, легкое, да два БТРа придали.

Наш участок был наиболее вероятным для прорыва. Почему? Да потому, что только здесь, в единственном месте можно переправиться через Терек. Подчеркиваю, в единственном. Там труба нефтепроводная через реку протянута, а над ней мостик. И дураку было ясно: больше идти некуда.

Мы предлагали взорвать трубу. Нет, это же нефть, «бабки» большие. Люди дешевле. А взорвали бы, и «духам» некуда деваться.

Кстати, с той стороны два «КамАЗа» чеченских подошли. Стояли, ждали. С нашей стороны — ничего, «вертушки» по ним не работали.

Как таковой подготовки у террористов не было. Они начали обстрел, и их ударная группа пошла в атаку. Подойдя к опорному пункту метров на сто, передние бандюги залегли, начали оказывать огневое давление. Тем временем подтянулась группа прикрытия, и все скопом кинулись вперед.

С точки зрения тактики они действовали правильно. По-другому и не

могли. После боя мы проверяли документы у убитых. Афганцы, сирийцы. Около пятидесяти наемников-профессионалов.

У каждого, как правило, по два вещмешка — в одном боеприпасы и консервы, в другом — наркотики, шприцы и прочее. Так что атаковали они в состоянии наркотической дури. Говорят, бесстрашные смертники. Боялись, бандиты.

Да, Радугев улизнул, но многих мы положили. В бой пошло около 200 террористов. 84 человека мы уничтожили. Не считая раненых и пленных. Утром по следам посмотрел — вырвалось человек двадцать, не более. С ними и Радугев.

Бригада тоже понесла потери: пятеро погибли, шесть человек ранены. Если бы на нашем участке посадили две-три роты, итог был бы иным. Много было сделано бестолково. В оборону маленькую горстку посадили, минировать подходы не стали. На что рассчитывали? Может, такой прорыв кому-то нужен был?»

Вот такие горькие признания.

В том бою погибли начальник разведки 58 армии полковник Александр Стыцина, командир роты связи капитан Константин Козлов, медик, капитан Сергей Косачев.

Потеряла в Первомайском и группа «А» двух своих офицеров — майоров Андрея Киселева и Виктора Воронцова.

Воронцов был из пограничников, служил в отдельном отряде контроля в «Шереметьево-2». Сначала попал в «Вымпел», а в 1994 году перешел в группу «А». Отличился при освобождении заложников в г. Буденновске, за что и был награжден медалью Суворова.

Андрей Киселев — выпускник Рязанского воздушно-десантного училища. Служил в роте специального назначения полка связи ВДВ, был инструктором по воздушно-десантной подготовке. В 1993 году принят в подразделение «А».

Оба офицера принимали участие в сложных оперативных мероприятиях и боевых операциях. За мужество и отвагу, проявленные при спасении заложников, Андрей Киселев и Виктор Воронцов награждены орденами Мужества (посмертно).

А в группу «Альфа» недавно пришел новый сотрудник — офицер-спецназовец из 22-й бригады. Он вместе со своими боевыми друзьями встретил террористов Радугева на том поле. И многих навечно уложил в сырую землю. Судя по всему, бой у Первомайского он запомнил на всю жизнь. А жизнь решил посвятить борьбе с терроризмом.

ГОД 1996. ПЕРУ: 126 ДНЕЙ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В тот роковой вторник 17 декабря 1996 года японский посол в Перу устроил пышный дипломатический прием по случаю национального праздника — дня рождения императора Японии.

В роскошных залах посольства собралось почти 500 сановных лиц. Шампанское текло рекой, перуанские министры общались с зарубежными дипломатами, дамы блистали невиданной красоты нарядами.

В залах звучала мелодичная японская музыка. Казалось, ничто не может потревожить эту идиллию.

К 1995 году перуанец японского происхождения, президент страны Альберто Фухимори засадил в тюрьму большинство лидеров революционного движения «Тупак Амару» и организации «Сендеро луминосо» («Светлый путь»). Эти организации в народе получили прозвище «кровавых сестер». Они подрывали магазины, нападали на полицейские участки, грабили банки, обрывали линии электропередачи.

С приходом к власти Фухимори все изменилось. Он наводил порядок железной рукой — уничтожал кокаиновые плантации и фабрики, громил лесные лагеря и конспиративные квартиры «кровавых сестер».

Наконец, перуанцы вздохнули свободно, они перестали бояться за свою жизнь, ожидая терактов на каждом шагу. Правительство сочло, что эти движения разгромлены и не представляют больше угрозы... И просчиталось.

В тот декабрьский день на приеме, словно по команде, юные обходительные официанты и официантки отбросили подносы и выхвали из-под салфеток на тележках автоматы.

Загремели выстрелы, раздались женские крики. Когда встревоженная толпа притихла, из рядов вооруженных людей вышел мужчина:

— Я Нестор Серпа Картолини, — сказал он. — С этой минуты вы являетесь заложниками революционного движения «Тупак Амару». За каждого из вас я получу нашего товарища. Они томятся в тюрьмах у Фухимори. Но скоро выйдут на свободу.

Картолини зло оскалился и помахал кипой бумаг. Это были списки «товарищей».

Через несколько минут о захвате японского посольства в Лиме

доложили президенту Перу Альберто Фухимори. Никто не знает, какие чувства пережил «железный» Альберто, услышав эту весть. Никогда еще в истории человечества в руки террористов не попадало такое количество заложников. Исключением являлся лишь захват мусульманских паломников в Мекке в 1979 году. С тех пор на протяжении 17 лет мир не знал подобного кошмара. Это потом, значительно позже, почти через такой же временной промежуток произойдет трагедия в Буденновске, а еще через 7 лет захват театрального центра на Дубровке в Москве, и тяжесть разрешения конфликта ляжет на плечи другого президента — российского.

Но тогда Альберто Фухимори был один. А в его столице заточили и держали под страхом смерти полтысячи заложников.

Он предложил террористам выехать либо на Кубу, либо в Доминиканскую республику, но наотрез отказал освободить заключенных.

За происходящим в Лиме следил весь мир. Здание посольства окружили журналисты, направив свои фото — и телекамеры на осажденную цитадель.

Вот как описывает увиденное спецназовец США Билл Солсбери, работавший в Перу военным советником в 70-е годы и побывавший в этой стране в дни кризиса: «Мне повезло встретить еще одного выпускника центра подготовки „тюленей“ ВМС США по имени Рафо, который сказал, что может провести меня в зону для прессы, находящуюся в одном квартале от резиденции японского посла в Лиме.

— Предупреждаю, — кричал он мне, пытаясь быть услышанным на фоне оглушающего музыкального ритма, — ты окажешься в настоящем загоне для скота. Там полным-полно религиозных фанатиков, уличных торговцев, передвигающих полисменов, которые едва распознают, где ствол, а где приклад их оружия, и, разумеется, куча журналистов, которые устраивают потасовки за право обладания лестницами и ветвями деревьев, с которых открывается лучший вид на резиденцию.

Представление, названное Рафо придорожным балаганом РДТА (революционное движение «Тупак Амару»), было в самом разгаре. На перекрестке шумная компания журналистов, пристраиваясь на складных лестницах, нацеливали телескопические объективы своих камер на место, которое специалисты иронично именуют «кризисной точкой». Молодые полисмены со щитами в руках разгуливали между журналистами и «кризисной точкой».

На противоположной стороне перекрестка две элегантно одетые женщины держали оборону против небольшой банды шаманов племени кечуа, выраженных в цветастую церемониальную одежду,

предназначенную для изгнания бесов...

Все происходящее вызывало во мне довольно скверное чувство».

Начались долгие и трудные переговоры. Кто в них только не участвовал — министры правительства, священнослужители, звезды телевидения и эстрады.

Спустя сутки коменданте Картолини отпустил несколько заложников. Еще через неделю, к католическому рождеству, он отобрал 220 наиболее значимых или ослабленных заложников и дал им волю.

Более того, разрешил передать захваченным рождественские подарки и допустил в здание представителей Красного Креста. Разумеется, этим воспользовались спецслужбы. Теперь у них были глаза и уши в здании посольства — многочисленные переговорщики, те, кто вручал подарки, сумели начинить их радиозакладками.

Тот же Билл Солсбери так рассказывает о встрече со своим старым другом, перуанским вице-адмиралом Луисом Гиампиери после его освобождения из заточения в захваченном посольстве: «Адмирал Гиампиери удобно расположился на софе напротив меня в своем кабинете. Мы говорили о пережитом им, об операции по освобождению заложников.

— Это было военное чудо, — сказал он, — но одновременно и трагедия.

— Как ты узнал, что агенты правительства установили микрофоны внутри резиденции? — задал я вопрос.

— Я не знал, но предположил, что эта задача будет одной из первоочередных для разведки. Вот я и начал говорить в каждый из предметов, который поступал к нам с воли. Другие заложники думали, что у меня поехала крыша».

Наступил новый 1997 год. Переговоры продолжались. Они время от времени заходили в тупик. Иногда коменданте Картолини нервничал, грозил расстрелять заложников. Но угрозы оставались лишь словами. Видимо, Нестор Серпа понимал: если это случится, Фухимори отдаст команду на штурм. Тогда — явная погибель. А террористы никак этого не желали. Они рассчитывали только на успех. Мирный успех.

Тем временем служба безопасности Перу не сидела сложа руки. Заместитель начальника управления специальных операций (УСО) приехал в командно-штабной колледж в пригороде Лимы. Он набирал добровольцев в подразделение по освобождению заложников.

Своих лучших бойцов и офицеров выделил флот — морские силы специальных операций (МССО) и спецподразделения морских пехотинцев.

Таким образом, было сформировано подразделение, утвержден план

штурма, распределены обязанности. В свою очередь, лучшие специалисты — психологи составили психологические портреты террористов. На полигоне военной академии выстроили макет здания посольства в натуральную величину.

Сто сорок лучших спецназовцев, в основном офицеров войск специального назначения, а также офицеров и сержантов морской пехоты, распределили по подразделениям — в штурмовое, поддержки, безопасности. В отдельную группу были выделены снайперы.

Бойцы морских сил специальных операций не участвовали в операции, так как выполняли задания на границе с Эквадором, в бассейне реки Амазонки.

План операции был таков. Перуанские военнослужащие прокапывают сеть подземных ходов, которые выходят на территорию посольства. Так будет организовано проникновение в резиденцию.

Другая группа штурмующих проникнет на территорию посольства, взорвав главные ворота. Потом они должны снести дверь посольства и пройти внутрь здания.

Третья группа должна была атаковать резиденцию с тыла, через проход в ограде.

Снайперское подразделение было готово уничтожить любого террориста.

Хорошо сработала разведка. Первые агенты проникли в резиденцию японского посла, когда президент Фухимори 20 декабря разрешил прессе взять интервью у террористов и заложников. Потом микрофоны встраивались в передаваемые в захваченное здание посольства библии, матрацы, картины, контейнеры для воды и пищи.

Когда адмирал Гиампиери «предложил свои услуги», ему передали несколько гитар и настольные игры. «Сумасшедший адмирал» теперь постоянно напевал набор каких-то несуразиц под гитару. Но в этих несуразицах содержалась информация о количестве террористов, их вооружении, расположении в здании. Словом, все то, что было очень ценным для разведки.

В ходе подготовки к операции свою «положительную» роль, как всегда, сыграла пресса. Вездесущие журналисты заметили, что полицейские фургоны каждую ночь разъезжают туда — обратно рядом с домами, расположенными у резиденции японского посла.

Сразу же в газетах, журналах, на телевидении появились комментарии — на этих машинах вывозится земля из туннелей, которые прокладываются в сторону посольства.

Террористы, разумеется, тоже смотрели телевизионные передачи, и им тут же стало известно о туннеле. Но они были настолько неопытны и беспечны, что даже не отреагировали на это сообщение. Только переместили заложников на второй этаж, оставив на первом этаже всего несколько человек — японских бизнесменов.

Это подсказало спецслужбам ход — подложить заряд и уничтожить террористов, которые будут находиться на первом этаже. Было известно, что половина бандитов каждый день после полудня играют в футбол. Оставшиеся в здании следили за игрой из коридора. Этой приверженностью к футболу решили воспользоваться спецназовцы. Однако существовала сложность — заряд следовало рассчитать так, чтобы убить террористов и в тоже время заложники-японцы должны были остаться живыми и здоровыми.

Чтобы рассчитать требуемую мощность заряда, перуанские командос провели серию подрывов под копией здания резиденции, которая была специально построена для обучения бойцов.

Наконец и эта работа завершилась. Однако производить взрыв не понадобилось. Вскоре террористы и оставшихся на первом этаже заложников-японцев перевели наверх, к остальным.

Спецназовцы были готовы и ждали сигнала к штурму. Со дня захвата посольства прошло уже четыре месяца, но президент Фухимори молчал. Он вылетел на Кубу, договорился с Фиделем Кастро о переправке террористов на остров.

В середине апреля президент Альберто Фухимори и его советник по разведке Владимир Монтесинос прибыли в учебный центр управления специальных операций и подняли командос по тревоге. Было объявлено, что через полчаса начинается генеральная репетиция штурма резиденции.

И репетиция началась. Она прошла успешно. Президент похвалил спецназовцев и предупредил о скором начале операции по освобождению заложников.

А в стране произошли события, которые и вовсе убедили террористов, что правительство растеряно и не знает, как действовать дальше. Об этом много писали газеты, передавали радио и телевидение.

18 апреля 140 командос получили приказ: скрытно, в закрытых фургонах, натянув поверх камуфлированного обмундирования полицейскую форму, прибыть в район проведения спецоперации.

Секретность этого мероприятия была повышенная. Спецназовцы покидали автофургоны после того, как они заезжали в гаражи домов.

В воскресенье 20 апреля все участники штурма находились на своих

местах.

Через два дня, 22 апреля командос спустились в туннели. Сработали заряды С-4. Уже первыми взрывами было убито несколько террористов. Однако остальные во главе с Нестером Картолини бросились наверх, на второй этаж. Они хотели расправиться с заложниками.

Спецназовцы, вбежавшие в резиденцию через взорванную парадную дверь, в дыму и пламени тоже искали лестницу, ведущую наверх.

Один из командос вдруг сквозь облако дыма увидел на лестнице голые ноги бежавшего человека. Он дал очередь из автомата. «Бегун» рухнул. Это был Нестор Картолини. Вслед за ним замертво упал другой террорист, тоже большой любитель футбола.

Ворвавшись на второй этаж, группа спецназовцев во главе с лейтенантом Раулем Чавезом попала на мини-ловушки, установленные террористами. От шрапнели погиб лейтенант Хименезу.

Группа подполковника Валер после взрыва зарядов покинула свое укрытие — туннель и, выбравшись наверх, оказалась у западной стены резиденции. Их задачей было во что бы то ни стало спасти посла Японии Аоки и министра иностранных дел Перу Тудела.

Здесь же должна была действовать еще одна группа спецназовцев, которая выходила наружу из тоннеля под эстакадой.

Однако эта группа не успела вовремя пробить дыру и выйти из тоннеля, и подполковник Валер повел своих людей во внутренний дворик, куда выходили окна спальни посла. Там, по данным наблюдателей, и находились посол и министр иностранных дел.

На лестнице Валер столкнулся с человеком, который полз ему навстречу. Это был японский посол. Он передал посла бойцу из своей группы, а сам побежал дальше.

Вскоре он увидел министра Туделу. Тот так же полз навстречу спецназовцу. В это время Валер заметил, как в сторону министра террорист бросил гранату и хотел дать очередь из автомата.

Валер бросился вперед и закрыл Туделу своим телом. Пуля террориста пробила бронежилет спецназовца. Он был смертельно ранен. Однако граната, к счастью, не взорвалась. Террорист забыл снять клейкую ленту, которой был примотан спусковой рычаг запала к корпусу гранаты.

Двое командос, следующие за Валер, открыли огонь по террористу.

Несмотря на успешные действия бойцов спецназа, одному из террористов — заместителю Картолини по военным вопросам — Тито удалось добраться до места, где бандиты хранили оружие. Он стал забрасывать штурмующих гранатами. Был ранен один боец спецназа.

Однако это продолжалось недолго. Офицер и морской пехотинец выскочили на крышу здания и установили над комнатой, где находился Тито, направленный заряд. Прозвучал взрыв, в комнате сдетонировали боеприпасы, и от Тито мало что осталось.

Через полчаса бойцы спецподразделений овладели резиденцией. В ходе штурма два спецназовца погибли, 12 было ранено. В перестрелке убит один заложник, 71 — спасены.

Президент Перу Альберто Фухимори сразу же прибыл в резиденцию японского посла. Информационные агентства мира разнесли радостную весть об освобождении заложников.

Фухимори стал всеобщим любимцем в стране и успешно победил на следующих выборах.

Потом, через два года, руководитель столь блистательной операции Владимир Монтесинос будет обвинен в злоупотреблениях и коррупции и арестован. А президент Фухимори покинет страну и найдет убежище в Японии. Ему поставят в вину в том числе и расстрел «невинных футболистов» в японском посольстве. Однако стоит ли этому удивляться?

ГОД 2001. ЗЛОПОЛУЧНЫЙ РЕЙС СТАМБУЛ — МЕДИНА

Самолет «Ту-154» «Внуковских авиалиний» 15 марта 2001 года чартерным рейсом вылетел из Стамбула в Москву. На борту было 162 пассажира и 12 членов экипажа.

Посадка на рейс происходила достаточно спокойно, и поскольку до Москвы лететь недолго, стюардессы и стюарды стали заниматься своими обязанностями.

Через несколько минут на кухне появились двое пассажиров. Стюард Александр Хромов, понимая, что прошло совсем мало времени и пассажиры должны быть на своих местах, сказал вошедшим: «Что вы хотели? Присядьте на свои места».

— Самолет захвачен! — закричал один из террористов и ударил Хромова ножом.

Позже пассажирка этого злополучного рейса Моника Туркан так расскажет в прессе о моменте захвата самолета: «Из кухни послышался звон посуды и приглушенные ругательства. Через несколько минут оттуда выскочили какие-то кавказцы и бросились через весь салон к кабине пилотов. За собой они тащили окровавленного мужчину в летной форме. Потом я узнала, что это был бортпроводник Саша Хромов. Его ранили ножом в живот.

К нам вышла стюардесса Юлия. Она попросили сохранять спокойствие. Но руки и подбородок у нее прямо тряслись. Затем снова послышались ругательства и глухие удары. Кавказцы пытались выбить ногами дверь кабины пилотов».

Террористами, захватившими самолет, оказались чеченцы — Супьян Арсаев и двое его сыновей — 17-летний Денис, носивший материнскую фамилию Магомерзаев, и 15-летний Ирисхан.

Спецслужбам России эта семейка была хорошо знакома. Самым известным из клана Арсаевых стал Асламбек, младший брат Супьяна. Он как близкий друг Масхадова в 1998 году стал министром шариатской безопасности Чечни. Ему было присвоено звание «бригадный генерал».

Когда началась вторая чеченская война, Асламбек возглавил «южный фронт». У города Шали в январе 2000 года получил ранение и уехал на лечение в Турцию.

Его старший брат Супьян, по кличке Рыжий, тоже был хорошо известен в криминальных кругах. Бандитствовал, грабил. После контузии скрылся в Турции, лечился.

После теракта один из родственников Арсаевых пожалуется, мол, у Супьяна «парализована вся правая сторона тела. Он едва мог передвигаться, опираясь на палочку». И тем не менее это не помешало ему вместе с сыновьями захватить самолет, ранить Александра Хромова, а позже убить стюардессу Юлию Фомину.

Словом, террористы требовали вылета в Саудовскую Аравию. В случае отказа они грозились взорвать самолет. Выхода не было. Командир экипажа доложил об изменении маршрута и взял курс на Саудовскую Аравию.

К пассажирам вышел Супьян Арсаев и сказал: «Всем сидеть. Кто дернется — прирежем». В салоне установилась гнетущая тишина. Однако испугались не все.

«К главарю банды обратился солидный араб, — вспоминала позже пассажир Елена Рыскина. — Он говорил по-английски, и террорист знаками показал, что ничего не понимает. Мужчина перешел на арабский, но тот опять ничего не понял. Тогда кто-то из пассажиров перевел главарю слова араба. Тот говорил, что он гражданин Саудовской Аравии и в его стране террористам отрубают голову. „Переведи ему, что я гражданин Ичкерии, — потребовал террорист, — и живым сдаваться не собираюсь“.

Примерно в 18 часов по московскому времени самолет приземлился в аэропорту имени короля Абдель Азиза в городе Медина. К тому моменту аэропорт был закрыт и оцеплен подразделениями саудовского спецназа.

Лайнер отогнали на дальнюю стоянку, и власти начали переговоры с угонщиками самолета. Террористы требуют осветить площадку вокруг самолета (они боятся, что спецслужбы начнут штурм), доставить на борт воду и еду. В обмен на это обещают освободить раненого стюарда.

«Когда на трап поднялись представители Саудовской Аравии, — вспоминает одна из бортпроводниц, — и начали вести переговоры, все внимание террористов было сосредоточено на переговорщиках. Один из наших техников открыл люк в хвосте второго салона и сказал: „Прыгайте, кто хочет“. Он прыгнул сам, и за ним десять пассажиров.

Убегавших людей увидели террористы, тут же прервали переговоры и двери закрыли. По салону все бежал этот 15-летний чеченец-бандит, махал топором, кричал, что если кто встанет, он всех убьет».

Позже переговоры вновь были возобновлены, и террористы отпустили еще одну группу заложников. По некоторым каналам телевидения,

информационными агентствами это событие подавалось как некий жест «доброй воли» чеченцев. Но все обстояло иначе.

Та же Моника Туркан, на мнение которой мы уже ссылались, повествует об этом случае совсем иначе: «Ночь, проведенную в самолете, вспоминаю с ужасом. Ведь я же астматик, а была такая жара и духота, что многие просто падали в обморок. Кислород в самолете кончился, наверное, через час после того, как мы сели, а открывать люки и двери террористы категорически запретили. Ближе к ночи кончилась вода. Дети плакали и кричали до рассвета. Да так громко, что у меня уши до сих пор заложены.

К утру их крик, видимо, надоед и террористам. Они открыли задний люк и выпустили всех детей с мамами и несколько стариков».

В общей сложности, со сбежавшими пассажирами, на свободе оказалось 46 заложников.

Диалог с угонщиками вести было тяжело — они не знали ни английского, ни арабского. С российскими дипломатами, находящимися в аэропорту, разговаривать оказывались.

Утром террористы требуют дозаправки самолета. Один из бандитов заявил, что «летим в Берлин». Однако ночью кто-то из пилотов услышал разговор террористов — истинной их целью являлся Афганистан.

Позже на телевидении одна из бортпроводниц скажет: «Если бы самолет приземлился в Афганистане, живым бы никто из нас не вернулся». И это правда, вряд ли с талибами в ту пору можно было вести какой-то диалог.

К счастью, несмотря на все угрозы бандитов, самолет не покинул взлетного поля аэропорта в Медине.

Как утверждал в интервью российским СМИ помощник Президента России Сергей Ястржембский, «инициативу проведения операции по освобождению заложников, постановку вопроса осуществлял оперативный штаб России, который работал со своими коллегами из Саудовской Аравии в режиме он-лайн.

Разрешение на проведение операции исходило от нас, так как российский борт — это суверенная территория. Так что спецслужбы Саудовской Аравии действовали в рамках международного права.

Одна из причин проведения операции была в том, чтобы избежать ситуации, при которой лайнер покинул бы территорию Саудовской Аравии».

Таким образом, примерно в девять часов утра самолет был заправлен, но саудовские власти взлет не разрешили.

Через некоторое время становится известно, что талибы готовы

принять самолет. В свою очередь, Аслан Масхадов заявляет, что «Чечня никакого отношения к угону самолета не имеет».

В 12 часов дня саудовский спецназ занимает исходные позиции для штурма. Пилоты включают двигатели и через форточку начинают покидать кабину авиалайнера. Когда двигатели начинают глохнуть один за другим, террористы бросаются к пилотской кабине.

«Они начали рубить двери в кабину экипажа, — вспоминает одна из стюардесс, — когда дверь приоткрылась, террористы увидели, что в форточку уже залезают спецназовцы. И тогда старший террорист подтолкнул меня к двери: „Скажи им, чтоб уходили“.

Спецназовец, залезая в форточку, наставил на меня пистолет, а за моей спиной — трое террористов с ножами и топором».

Я вроде как закричала: «Уходите, вы нам не нужны», а сама, увидев, что спецназовец наконец залез в кабину, закрыла дверь. Сказала террористу: «Иди посмотри, они ушли». А сама бросилась в первый салон, кричу: «Ложитесь все на пол, сейчас будет штурм». Хотела предупредить девчонок-стюардесс, но только добежала до середины первого салона, как началась стрельба.

А мужчины, человек десять, не упали на пол, а бегут за мной. Я вытянула руки, чтобы остановить это натиск. Кричу: «Все на пол!» И вижу — вторая дверь открывается и начинается самое страшное — врываются спецназовцы и пошла стрельба...»

Когда начался штурм, террористы убили Юлю Фомину. От пуль спецназовцев гибнет гражданин Турции Гурсель Камбал, а также уничтожен один из террористов.

Операция саудовских спецназовцев в общем признана успешной. Однако следует заметить, что террористы располагали всего лишь холодным оружием, и это давало возможность провести штурм без человеческих жертв.

Сегодня уже ясно, что переговоры следовало продолжать, оказывая психологическое давление на террористов, изматывая их. Таким образом, можно считать, что штурм был проведен преждевременно.

Сама ситуация складывалась весьма благоприятно. Экипаж, укрывшийся за бронированной дверью, постоянно держал связь с землей и докладывал обо всем, что творилось на борту. Террористы же никакой связи не имели.

Действия штурмовой группы в России на таких типах самолетов хорошо отработаны. Такой же самолет был представлен саудовскому спецназу нашей страной для тренировки. В «Ту-154» есть несколько

аварийных дверей — рядом с крыльями и в хвостовой части, все они открываются внутрь салона, что облегчает проникновение в самолет.

Однако успех операции во многом зависит от мастерства бойцов подразделения антитеррора. А у саудовских спецназовцев, судя по всему, его было маловато. Тем не менее они спасли жизнь большинству пассажиров.

ГОД 2002. КОНЕЦ БАНДЫ МОВСАРА БАРАЕВА

О террористическом акте по захвату театрального центра на Дубровке в Москве написано, показано по TV необычайно много. Наверное, и об «Альфе» впервые сказано столько добрых слов. Именно поэтому мне не хочется вплетать еще один голос в эту буйную разноголосицу. Что, собственно, он добавит?

А вот сами участники событий — это другое дело. Лучше них вряд ли кто расскажет. Поэтому хронику событий «Норд-Оста» я и попросил прокомментировать сотрудников группы «А», моих старых, добрых знакомых, назовем их Сергеем В. и Игорем Е.

Хроника событий

23 октября

21.05 — 21.15: бывшее здание ДК шарикоподшипникового завода в Москве на улице Мельникова, 7, захвачено неизвестными боевиками во время показа мюзикла «Норд-Ост». Террористы представились «бойцами 29-й дивизии Мовсара Бараева». В здании находится более 700 человек. Боевики-смертники через заложников передают предупреждение — расстреливать по 10 человек за каждого убитого боевика. Количество террористов первоначально оценивается в 15 — 30 человек. Они минируют здание.

Сергей В.

— «Норд-Ост» для меня начался, видимо, как и для большинства российских людей — приехал со службы, погулял с собакой и включил телевизор. Не помню, какой канал сообщает — неизвестными вооруженными людьми захвачен театральный центр на Дубровке.

Смотрю, и возникает чувство чего-то фантастического, нереального. Москва, сердце России, и вдруг захвачен театр. Как это может быть?

По большому счету, это не первая подобная ситуация в моей жизни. Был Буденновск, Первомайское, подрывы домов в Москве.

Но взорванные дома — это устрашение, а здесь театр.

Вообще, откровенно говоря, даже для профессионала многое в первые минуты было неясного.

Позвонил дежурному, он мне — боевая тревога. В подразделении собрались быстро. Дежурный отдел к тому времени уже загрузил боекомплект.

У нас по тревоге приезжают все. И те, кто в отпусках, и те, кто на больничном. «Слетаются», а потом разбираемся, кто нужен в данный момент, кто не нужен. Такова традиция.

В общем, собрались мобильно, выехали. Мне с резервом пришлось остаться на базе. Сюда стекалось много информации, так что есть возможность сопоставить ее сегодня.

Игорь Е.

— Я как раз накануне возвратился из командировки из Чечни. Приболел, что-то давление подскочило, бессонница. В общем, дома вечером выпил снотворное, включил телевизор. И тут новости... Бах! Захвачен театральный центр на Дубровке.

Набираю телефон дежурного. Все ясно. Одеваюсь, прыгаю в машину. Лечу в подразделение. А там уже наши суется, собираются.

В общем, выскочили, загрузились, поехали. Приезжаем на Дубровку — там уже милиция, пожарные, солдаты бегают. Ничего не понять. Кто командует, кто руководит?

Прибегает генерал, командует кому-то — убрать машину. Ему в ответ: «А мы вам не подчиняемся, не уберем».

Но у нас свои задачи. Развернулись, и вперед, на Калужскую площадь, к кинотеатру «Меридиан». Это помещение практически аналог театрального центра «Норд-Ост» по своей планировке. Словом, один и тот же проект.

С нами был главный инженер «Меридиана». Стали «отрабатывать» здание — что где находится, входы, выходы, чердаки, подвалы... Как в сравнении с театральным центром.

Все было одинаково, похоже, разве что вход немного другой. Теперь предстояло освоить все эти многочисленные помещения, вжиться в них, запомнить каждый закоулок. Ибо при штурме некогда знакомиться с расположением комнат. Все должно быть

доведено до автоматизма.

Хроника событий

24 октября

00.10: из здания раздалась стрельба — огонь велся в сторону сотрудников милиции. По непроверенной информации, террористы выпустили несколько заложников. Одна из актрис мюзикла, Мария Шорстова, сбежала из здания. Люди, собравшиеся у ДК, требуют уничтожить террористов. В созданном оперативном штабе находятся помощник Президента России Сергей Ястржембский и начальник ГУВД Москвы Владимир Пронин. Глава представительства Чечни в Москве Адлан Магомадов заявил, что готов стать заложником или идти на штурм здания вместе с бойцами «Альфы». К переговорам подключается депутат от Чечни Асланбек Аслаханов.

00.13: освобождена девочка-заложница. Поступает подтверждение, что в захваченном здании есть граждане Великобритании и Германии. Сотрудники психологической службы работают с детьми, отпущенными из здания.

00.15: боевики отпустили 15 детей.

00.19: часть заложников из числа актеров и обслуживающего персонала сумела освободиться, спустившись из окон 3-го этажа при помощи подручных средств. Сергей Ястржембский проводит экстренное совещание в оперативном штабе — здании больницы, расположенной напротив ДК. Милиция создает зону безопасности у здания ДК.

Сергей В.

— Как только начались комментарии некоторых телевизионных каналов, многое стало ясно: «бомба» закладывалась под Президента страны.

А положение у него было крайне трудное.

Позже мы получили информацию, да и судя по вещественным доказательствам террористы особо-то и не собирались заложников выпускать. Их задача была подорвать здание. Представьте, в каком положении при подобном финале оказался бы Президент.

Теперь по поводу штурма. Как человек, который занимается борьбой с терроризмом долгие годы, могу сказать: штурмовать

нельзя. Достаточно соединить клеммы (а это можно сделать при первой же опасности), и под обломками центра будут погребены и заложники, и штурмующие.

Но это еще не значит, что там был бы погребен Бараев со своей бандой. Эти шахиды совсем не собирались умирать. При них ведь нашли билеты на обратный путь. Вот так-то.

Хроника событий

00.25: боевики в ДК скандируют «Аллах акбар» и выкрикивают лозунги. Как сообщила бывшая заложница Алевтина С., боевики фильтруют мужчин и женщин заложников, бьют прикладами, в проходах зрительного зала видна кровь.

00.30: один из заложников — музыкант оркестра — подтвердил предупреждения боевиков о возможном расстреле заложников. Ждут заявления Президента России. В ДК работают телевизоры — боевики отслеживают сообщения СМИ. Заложникам позволено посещать туалеты под охраной. Некоторых боевики обвязывают взрывчаткой.

00.40: террористы продолжают минирование здание. По мнению экспертов, акция в Москве готовилась долгое время, на нее затрачены огромные деньги.

Игорь Е.

— Откровенно говоря, в эту ночь мысли были мрачные: огромное количество заложников, много террористов.

Постоянно искали варианты, думали, думали... Решили попробовать влететь сходу, быстро. Не проходит. Могла начаться паника в зале. Значит, применить оружие не удастся. Ввести в дело снайперов?.. Не получается.

Информация у нас, конечно, была. Вот, к примеру, выпустили заложников. С ними работает наша специальная группа.

Хорошую информацию давали дети. Если взрослые находились в шоке, некоторые из них вообще мало что помнили, то дети более наблюдательные.

Один мальчик из заложников, судя по всему, увлекался оружием. Так он рассказал очень профессионально, какие пистолеты, автоматы у террористов, какая взрывчатка.

Так что информация была. Но как ее использовать? От нас, от спецов, ждали реальных предложений: как освободить заложников и уничтожить террористов? Но решения не было. Его не было не только у нас, боюсь, что его вообще не существовало. Тем более в эти первые сутки.

Сергей В.

— Вариант с газом возник потом, позже. Первоначально отрабатывался, так сказать, лобовой штурм. Мы понимали, он неприемлем. Но другого варианта просто не было.

Да, у нас есть хорошие, эффективные спецсредства. Но они не распыляются мгновенно, да и зал там огромен. Можно было забросать зал слезоточивыми гранатами, но ведь до зала надо дойти...

Хотя мы всегда отрабатываем задачу по штурму даже в труднейших условиях. Это, что называется, самый форс-мажорный вариант. А вдруг террористы начнут расстреливать заложников? Придется штурмовать в любых условиях.

В общем, ситуация сложилась критическая. Но вариант ее разрешения надо было найти. Иного не дано. В лапах террористов томились сотни людей.

Хроника событий

01.02 — 01.03: установлена связь с одним из заложников. «Идет минирование бельэтажа и зрительских рядов, отношение к заложникам нормальное». Пять артистов «Норд-Оста», в том числе бард Алексей Иващенко, сбежали из гримерки на 3-м этаже, спустившись на подручных средствах. В здании ДК слышна стрельба. Террористы занервничали. Заложники передают слова Бараева: «Мы из Чечни приехали. Это вам не шутки. У нас идет война».

01.13: у ДК раздались 7 выстрелов. В соседних зданиях выключено освещение. Террористы закладывают взрывчатку в нише одной из несущих стен Дома культуры. Заявление директора ФСБ Николая Патрушева. Спецсилы ФСБ, МВД и Минобороны приведены в полную боевую готовность. Штаб возглавляет один из заместителей директора ФСБ.

01.17: одна из освобожденных заложниц заявляет, что 14 чеченок-

смертниц обвешаны взрывчаткой.

01.20: обращение к журналистам спикера верхней палаты парламента России Сергея Миронова. Лейтмотив выступления: «Не навреди!»

Игорь Е.

— Миронов верно сказал, не навреди. А ведь вредили журналисты, ох как вредили. Обидно то, что главное для них — сенсация, а что будет потом — не важно.

Лепят, что угодно. Как про газ узнали? Через телевидение. А зачем Цекало в эфир было пускать? Приведу пример. Начало штурма, первая заложница, я забираю ее и разворачиваюсь лицом. Потом бегу за второй, вытаскиваю. И все это крупным планом показывает ТВ. Меня консьержка в доме поздравляет, соседи радуются, увидели по телевизору. Это совсем не та реклама, которая нужна сотруднику спецподразделения по борьбе с терроризмом.

Сергей В.

— Средства массовой информации очень мешали. Журналисты провоцировали своими действиями, давали взятки сотрудникам милиции из оцепления. Нередко террористы телевизионные объективы принимали за снайперские винтовки.

В общем, в этом деле была полная вакханалия, показывали, что надо и не надо: вот «Альфа» приехала... Ведь мы знаем, Бараев сам говорил, что о приезде «Альфы» он узнал из телевидения, и хвастливо заявил, мол, устроим «Альфе» бой.

Думаю, что поведение некоторых СМИ в те дни на Дубровке не демократия, а предательство национальных интересов России.

Хроника событий

02.06: освобождены еще два заложника. У здания ДК находится Генпрокурор России Владимир Устинов. Иностранным СМИ дает комментарии «ичкерийский Геббельс» Удугов, заявивший, что акция в Москве — ответ на убийство полевого командира Бараева летом прошлого года.

03.17: МИД Великобритании подтверждает, что среди заложников — трое британцев. Депутат Аслаханов не прерывает попыток вести переговоры с лидерами террористов.

03.19: на крышах близлежащих домов размещены снайперы. Боевики выпустили 17 детей.

06.00: выстрелы из здания ДК. Террористы ведут огонь по милиционерам на улице Мельникова. Один из сотрудников получает ранение.

07.00: стало известно, что освобождено около 190 человек, в том числе 34 ребенка. В ДК периодически звучат выстрелы. Людей согнали в центр зрительного зала, идет перепись заложников. Террористов интересуют иностранцы, которых отделяют от россиян. Главари акции отдыхают. Боевики устраивают в оркестровой яме нужник и водят туда людей. За малейшую провинность мужчины-заложники избиваются.

Сергей В.

— Через два дня, когда наших ребят принимал Президент России, на этой встрече очень хорошо сказал мэр Москвы Юрий Лужков: «Это был момент истины для Президента, это был момент истины для меня. Это был момент истины и для вас. Все выстояли. Спасибо вам. Вы спасли честь России».

Считаю, очень верные слова.

Однако хотелось бы сказать еще об одной стороне тех трагических событий на Дубровке. Эта сторона как раз таки осталась в тени, ее не заметили даже самые шустрые журналисты.

Я говорю о поведении заложников. Они вели себя по-разному. Но были среди них те, без помощи которых нам было бы очень трудно. Один из них — Павел Юрьевич Платонов. Ему 33 года, отслужил в пограничных войсках. Кстати говоря, это мы позже узнали, что он много слышал об «Альфе», мечтал познакомиться с нашими ребятами. Так вот, как он повел себя.

Вы помните, что террористы отобрали мобильные телефоны. Он не сдал свою трубку и все время информировал штаб о том, что происходило в зале. Рассказывал о террористах, о взрывных устройствах, о схеме расстановки их в зале. Нетрудно догадаться, как он рисковал. Узнай об этом бандиты, Павла тут же расстреляли бы.

Могу сказать, что информация Павла легла в основу деятельности «Альфы» во время штурма. Но сам Павел погиб. Я специально употребляю этот термин, он действительно не умер, а погиб в борьбе с террористами.

Хроника событий

15.10: в здании ДК остается около 20 детей. У одного из заложников начался приступ перитонита. Стало известно, что террористами управляют извне. По данным ФСБ, боевики готовы расстреливать по 10 заложников. Среди заложников находится ученый из Австралии.

16.35: по словам депутата Думы Валерия Драганова, условия содержания заложников тяжелые, запасы буфета себя исчерпали. Террористам предлагают 700 горячих пайков, но они отказываются. Бараев и его боевики заметно нервничают. По данным оперативного штаба, террористы лихорадочно пытаются связаться с сообщниками в Чечне, Турции, Объединенных Арабских Эмиратах.

18.20: зафиксировано три сильных взрыва у здания ДК. Рядом с оцеплением правоохранительные органы задержали подозрительного человека. Двум заложницам — 18-летней Светлане Кононовой и Елене Филипповой — удалось сбежать из здания. Боевики открыли по ним огонь из гранатометов. Ранен один из сотрудников спецназа, прикрывавший побег заложниц.

Сергей В.

— Этим раненым сотрудником спецназа оказался боец группы «А» Константин Ж.

Когда женщины выпрыгнули на козырек здания, одна из них сломала ногу, и вот наши бойцы бросились их вытаскивать. Террористы открыли огонь.

Константин находился недалеко, метрах в тридцати, за мусорным баком. Он мог без проблем снять одного из бандитов, который стрелял в бежавших, но тогда террористы могли начать расстреливать заложников.

И боец группы «А» принял единственное верное решение. Он открылся и тем самым вызвал огонь на себя. Террорист, увидев его с оружием, начал вести прицельную стрельбу. Одна из пуль ранила Константина. Рискуя жизнью, он спас заложниц от

гибели.

Ошибается тот, кто говорит, что победа нам далась легко. Мол, все сделал газ, а группы «А» и «В» только вошли и сделали контрольные выстрелы.

Да, действительно, газ пускали другие службы, но мы обеспечивали безопасность этого мероприятия. И это было сопряжено с большим риском.

Боец «Альфы» Сергей Д. находился на своей позиции около 10 часов. Ни подняться, ни тем более уйти он не мог. Террористы почти ходили по нему. Но Сергей выполнил свою задачу.

Хроника событий

19.10: представители оперативного штаба подтверждают контакты с террористами по телефону. Боевики требуют организации перед зданием ДК пикетов в поддержку «независимости Ичкерии».

19.40: заявление представителя оперативного штаба — около 700 заложников находятся в ДК, из них 70 иностранцев. Один заложник убит.

25 сентября

05.40: освобожден один заложник.

06.40: из здания ДК вышли еще 6 заложников.

07.40: в беседе с журналистами НТВ Мовсар Бараев подтвердил, что действует по приказу Басаева и Масхадова. Захват заложников готовился очень долго. Боевики не раз приходили в ДК на представление мюзикла «Норд-Ост».

10.40: по словам врача Леонида Рошаля, в захваченном ДК находится от 15 до 20 детей. Трое из них больны. «У одного — эпилепсия, у одного — тяжелый бронхит, у одного — пневмония».

17.25: информация из ДК — террористы угрожают расстрелять заложников в 6 часов утра 26 октября, если не будут выполнены их требования о выводе войск из Чечни.

Сергей В.

— Нельзя было рисковать. Ведь вскоре все стало ясно: никакие переговоры им не нужны. То первоначально не выдвигалось никаких требований, потом бормотали что-то невнятное, потом вызовите тех, пригласите этих.

Когда наши ребята готовились к штурму, они понимали, куда

идут. Они же профессионалы. Но никто из них не дрогнул, и после «Норд-Оста» в подразделении никто не написал рапорта об уходе. Все на месте. Это наша работа.

Я пришел в группу в 1980 году. Вся жизнь, по сути, прошла здесь. За эти годы терроризм изменялся стремительно. Раньше пистолет у террориста — это такая редкость, считайте, уникальный случай. А теперь чего у них только нет — взрывные устройства, гранатометы, автоматы, гранаты, современные средства связи.

В «Норд-Осте» мины и взрывные устройства, которые показывали по всем каналам телевидения, запросто обрушили бы конструкцию.

Так что штурмовать было нельзя. Но и не штурмовать тоже.

Хроника событий

19.15: на встрече с лидерами думских фракций Владимир Путин заявил, что необходимо «отставить в сторону всякого рода политические заявления и дебаты» в связи с захватом заложников в Москве. «Они неуместны и вредны, особенно когда речь идет о страданиях сотен невинных людей», — подчеркнул глава государства. «Ситуация очень тяжелая, поэтому хотел бы сразу внести ясность — в здании на улице Мельникова мы имеем дело с крайне трудной, но абсолютно понятной ситуацией — захватом заложников, — заявил Владимир Путин. — Самое правильное — провести разговор о совместных и согласованных подходах к решению единственной задачи». Эта задача одна — «сохранение жизни людей, которые продолжают находиться в здании театра».

19.55: как сообщил Сергей Говорухин, боевики, отвергая переговоры, угрожают начать расстрелы уже 25 октября. Террористы грозят расстреливать и переговорщиков, в том числе из числа журналистов.

22.40: как сообщил представитель оперативного штаба Александр Мачевский, последними переговоры с террористами вели Аушев и Примаков. 25 октября были освобождены 19 человек. Владимир Путин встретился с Юрием Лужковым и Евгением Примаковым.

26 октября

00.15: кольцо блокады здания ДК усилено подразделениями милиции и спецназа.

03.08: в здании ДК произошел сильный взрыв.

03.25: из театрального центра вынесли двух человек. Раненых увезли

на «скорой помощи».

05.15 — 05.45: в здании слышна стрельба. Часть заложников пытается сбежать от боевиков. Оперативный штаб дает сигнал о начале штурма.

Сергей В.

— У нас было 12 оперативно-боевых групп. У каждой группы свое направление.

Подали газ. Его уникальность в том, что человек 2 — 3 раза вдохнул и уже находится словно под наркозом. Отключается мыслительная деятельность, он находится в заторможенном состоянии.

Как только кондиционеры заработали и был небольшой выброс конденсата, террористы это почувствовали, закричали: «Газ... газ» — и начали все подступы к зданию обстреливать и забрасывать гранатами.

Начались шум, стрельба, беготня. Они считали, что сейчас пойдут спецподразделения. Но потом видят, все спокойно, тихо, и у Бараева с подельниками возникла идея пойти и посмотреть запись видеокамеры театрального центра. Они решили устроить просмотр фильма о том, как они доблестно захватили «Норд-Ост». И как только террористы вышли из зала, тут и прозвучала команда на штурм.

Игорь Е.

— В ночь накануне штурма шла обычная рутинная работа — переговоры, переговоры. Подвезли противогазы. Стали с ними разбираться.

Одна группа ушла. У нее своя задача. У нас вообще не принято друг с другом делиться, да и времени не было на долгие беседы. Они экипировались и ушли.

И вскоре все быстро завертелось. Я должен был выдвинуться на угол здания и находиться в резерве...

Вдруг стрельба, взрывы гранат. У меня радиостанция, слышу команды. Ребята уже пошли.

В это время я на «Скорой» для прикрытия выехал на площадку перед театральным центром. Свет погасил.

Вот тут пошла первая заложница. Она заметалась потерянная. Схватил, посадил в машину. Смотрю — в холле еще одна заложница, бежит и падает. Бегу, хватаю ее, выношу.

Глядь, девушка тащит парня, а он совсем плохой. Забрал в «Скорую» и их.

Потом пытаюсь по левому крылу пройти на запад, со второго этажа летят гранаты.

Словом, ушли вправо, зачистили раздевалку, освободили мужика, который там прятался. Сначала думали — террорист, оказался заложник.

Когда я вбежал в зал, первое — это шок. Думаю, вот это мы наколбасили. Впечатление, что тела все бездыханные лежат, ни движения, ни крика. Такое ощущение, что все мертвые.

А тут еще кровь на ступенях лестницы, чавкающая, прилипающая к обуви.

Бросились выносить заложников. Первых выносили как трупы, были уверены, что они мертвые. Командир говорит: «Они же живые...» Пытаемся нащупать пульс, дыхания нет. Кто теплый, кто уже холодный.

А «Скорые» были блокированы «КамАЗами». Стояли «КамАЗы» с песком, сзади автобусы, водителей нет. Подогнали БТР, хотели оттолкнуть «КамАЗ», но он груженный, тяжелый, ничего не получается.

Ощущение полной нереальности. Бежишь, хватаешь, выносишь. А газ всасывается, сознание концентрировать все труднее и труднее.

Меня хватило на час с небольшим. Чувствую, худо. Отвели меня в штаб. Прибежал какой-то мужик, вколол укол. Влил в себя стаканов шесть-семь воды. Посидел, очухался слегка, опять пошел.

Потом говорили, что много погибло людей. Много. Но мы делали все, что могли. Я помню, вынес парня, у него жвачка во рту, пытался вытащить, а он уже холодный.

Наш врач Антон вытащил троих. Пока откачивал парня с девчонкой, еще одна девчонка умерла. Что тут сделаешь?

Вообще по всем подсчетам эвакуация могла длиться более 15 — 20 часов, а мы за два часа всех вытащили, да еще из заминированного зала. Американцы и не пошли бы в такой зал, пока мины не обезврежены.

Хроника событий

05.45: информацию о штурме ДК сообщают российские телеканалы.

06.20: в театральном центре гремят взрывы и идет интенсивная перестрелка.

06.45: из ДК выбежали две заложницы. Группы спецназа второй волной входят в здание театрального центра.

06.55: у ДК концентрируются десятки машин «скорой помощи», спасателей МЧС, пустые автобусы.

07.10: спасатели и спецназовцы выводят и выносят на руках заложников из здания. Машинами «скорой помощи» и автобусами пострадавших отправляют в московские больницы.

07.15: как заявили в оперативном штабе, здание театрального центра взято под полный контроль силами правопорядка. Главарь террористов Мовсар Бараев уничтожен, основная часть боевиков убита. В ДК проводится разминирование.

13.30: оперативный штаб на Дубровке прекратил свою работу. Президент РФ Владимир Путин посетил НИИ имени Склифосовского, где общался с бывшими заложниками.

21.00: Президент России Владимир Путин выступил с обращением к гражданам России.

...Ушел в историю еще один страшный террористический акт. Ни в чем не повинный мюзикл «Норд-Ост» теперь навсегда связан в нашей памяти с террористами, войной, страхом.

Кто-то уже забывает про ту трагедию. Кто-то будет помнить ее всю жизнь.

Группа специального назначения «Альфа» опять, в очередной раз, оказалась на крутом переломе.